

Историко-краеведческий Журнал

Костромская
СТАРИНА

2007

№ 20

СОДЕРЖАНИЕ

Морозов Виктор. Приветственное слово	1
Тлиф Ирина. «Все остается людям...»	2
I. ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ БОЧКОВ	
Бочков Виктор. Из дневников (1981 – 1982 гг.)	10
Анохин Андрей. Интервью с В.Н. Бочковым (1990 г.)	12
Бочков В.Н. Из переписки с И.А. Дедковым	25
Бочков В.Н. Документ из личного фонда, Щельково	34
II. ВОСПОМИНАНИЯ	
Дедкова Тамара. Архивный юноша	40
Мраморнов Олег. Вспоминая Виктора Бочкова	44
Ильина Ольга. Виктор Николаевич рассказывал	47
Анохин Андрей. Учитель истории	50
III. ИЗУЧАЯ НАСЛЕДИЕ ВИКТОРА НИКОЛАЕВИЧА БОЧКОВА	
Смурова Ольга. Исследования В.Н. Бочкова с позиций сегодняшнего дня	57
Горланова Ирина. Об использовании исследований В.Н. Бочкова в региональной топонимике	59
Сизинцева Лариса. В.Н. Бочков в костромской историографии	63
Едошина Ирина. Источники и некоторые особенности поэтики «рассказа» Виктора Бочкова	67
IV. БОЧКОВСКИЙ СЕМИНАР	
Сапрыгина Елена. Костромской наместник Голостенев и его потомство	70
Каткова Светлана. Юбилей гостиного двора	72
Карпова Татьяна. Самородок (Курочкин Никанор Илларионович)	75
Рябинцев Сергей. Труды В.И. Смирнова и изучение крестьянства Костромской губернии (историографический аспект)	76
Два краеведа. А.М. Григорова (воспоминания об А.Н. Григорове). Комментарий Галины Масловой	81
Тлиф Ирина. К истории рода В.В. Розанова. Жадовские—Шишкины	83
Басова Нина. Библиографическая деятельность В.Н. Бочкова	85
Бочков Виктор Николаевич. Библиография	86

Конференция

На регистрации: сотрудники архива
М.С. Недомарацкая и Н.В. Бадина

В.Д. Морозов, председатель Комитета
по делам архивов Костромской области

Л.В. Вавилова, вдова В.Н. Бочкова, О.И. Ситнянская,
директор архива.

Встреча друзей

Конференция

Перед началом конференции

Н. В. Муренин, И.А. Соловьева, Т. М. Карпова

Экскурсию проводит И.Х. Тлиф,
главный архивист отдела использования и публикации
документов

И.В. Сахаров, директор Института
генеалогических исследований Российской
национальной библиотеки (С.-Петербург)

*Приветственное слово
председателя комитета по делам архивов Костромской области
В.Д. Морозова участникам научно-практической конференции,
посвящённой 70-летию В.Н. Бочкова
(25 апреля 2007 г.)*

Предыдущий семинар, посвящённый Виктору Николаевичу Бочкову, проходил в Государственном архиве Костромской области в 2002 году. Минувло 5 лет. И сегодня, от имени комитета по делам архивов приветствуя всех собравшихся на нынешнюю конференцию, посвящённую 70-летию со дня рождения Виктора Николаевича, хочется пожелать, чтобы такие встречи проходили всётаки с определённой регулярностью, например, один раз в три года, следующая встреча через два года — к очередной юбилейной дате, к 75-летию, 80-летию и т.д. И, наверное, не просто регулярно проводились, хотя заявленные в конференции доклады, выступления, воспоминания, безусловно, очень ценны, но и приурочивались к этой дате конкретные дела.

Что имеется в виду? Какие дела? В первую очередь это издание или написанного, но неопубликованного самим Виктором Николаевичем, или воспоминания о нём, или продолжение тем, над которыми он работал.

Первый шаг в этом направлении мы, архив и комитет, делаем уже в этом году, приняв решение номер «Костромской старины» текущего года посвятить сегодняшней конференции, посвятить Виктору Николаевичу Бочкову.

Книги издать, конечно, труднее, чем журнал «Костромская старина», но если они будут написаны, то

рано или поздно, безусловно, будут и изданы.

Следующий практический шаг, который предлагаю Государственному архиву Костромской области сделать — это посвятить ныне создаваемый справочник по фондам после 1917 года памяти Виктора Николаевича, ибо, как известно, он был руководителем авторского коллектива, работавшего над первым путеводителем (1962 года) по фондам архива. Это будет и справедливо, и память о нём.

Также справедливо, на мой взгляд, будет, если мы задумаемся и о большем. Так, в нашей родной Костроме много улиц, названных, по меньшей мере, благоглупо или просто не очень удачно. Ну, например, рядом с архивом, буквально в пятидесяти метрах, есть улочка с названием Угловой проезд.

Думаю, что было бы более справедливо, если эту улочку, примыкающую к архиву, или другую переименовать в улицу имени Виктора Николаевича Бочкова. Сложно это сделать? Конечно, сложно. Но любой самый длинный путь начинается с первого шага, и таким первым шагом может быть обращение Государственного архива к мэрии Костромы и депутатам городской думы. Был Виктор Николаевич в том числе и историком костромских улиц, поэтому вполне справедливо, если одна из городских улиц будет названа его

именем. И следующая наша встреча, через три года, могла бы начаться с открытия памятной доски на улице его имени.

Да и не только улица Бочкова, на мой взгляд, в перспективе должна появиться в Костроме. Хотелось бы, чтобы появилась и улица имени Игоря Александровича Дедкова. Не знаю, поднимался ли когда-либо этот вопрос. Да и память других костромских шестидесятников должна быть увековечена. Они это заслужили.

По увековечиванию же памяти Виктора Николаевича могут быть и другие предложения. Так, существуют именные стипендии, премии для студентов, которые присваивает ежегодно областная дума. Почему бы не учредить именную премию Виктора Николаевича Бочкова за лучшую краеведческую работу среди студентов костромских вузов? Государственный архив Костромской области вполне может обратиться с таким предложением в областную думу.

Но таких идей, предложений может быть много.

Думаю, будет справедливо, если о сегодняшней конференции узнают не только читатели «Костромской старины», но и журнала «Отечественные архивы», чтобы имя Виктора Николаевича Бочкова среди российских историков-архивистов зазвучало на всю Россию.

«ВСЕ ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ ...»

16 апреля 2007 года исполнилось бы 70 лет со дня рождения талантливого архивиста, писателя, историка Виктора Николаевича Бочкова. Мы могли бы иметь радость лично поздравить этого замечательного человека, выразить благодарность за многолетние труды на поприще костромской истории. Могли бы...

Костромичам остались книги, написанные историком, более 600 газетных очерков и «личный фонд краеведа В.Н. Бочкова», что хранится в ГУ «Государственный архив Костромской области».

И еще память.

Память, в которую время внесло свои поправки.

К научной историко-краеведческой конференции, посвященной В.Н. Бочкову, архив подготовил выставку, в экспозиции представлены книги, фотографии, документы из личного фонда В.Н. Бочкова и других архивных фондов. Выставка построена по принципу «наследие ученого», развиваясь от одного этапа жизни Виктора Николаевича к последующему, название выставки: «Все остается людям...»*

В.Н. Бочков (16.04.1937–14.03.1991) – историк, писатель, краевед, глубокий знаток памятников истории и культуры Костромского края. Выпускник Московского государственного историко-архивного института, он по распределению приехал в Кострому и тридцать лет посвятил бескорыстному труду в сфере местной культуры. Талант и масштаб личности раскрываются в том, что наработано за годы жизни, подарено потомкам. Архив, областная библиотека, музеев, общество охраны памятников истории и культуры, клубное краеведческое объединение – учреждения, с которыми он был связан службой, и везде виден многолетний «след Бочкова».

«Все остается людям»...

Виктор Николаевич родился 16 апреля 1937 года в Ленинграде. Его мать, по происхождению Кузьмина-Караваева, была педагогом, отец – военным инженером. Первые смутные впечатления детства – война, рев бомбежек, ужас блокады, утрата отца (служил на заводе в г. Коврове, репрессирован в 1942 г.) и Дорога жизни через замерзшую

В.Н. Бочков. 1963 г.

Ладогу из блокадного города... Мать так и не смогла восстановить силы после пережитых потрясений – она скончалась в психиатрической лечебнице... До этого была текстильная фабрика в Шуе, где мать пыталась работать, ночевки прямо на фабрике у станков, затем детский дом и чужая семья, взявшая Виктора на воспитание.

Среднюю школу он окончил в с. Дунилове Ивановской области и,

получив аттестат, уехал в Москву, намереваясь выучиться на юриста. Но в 1954 году пошло резкое сокращение юридических отделений, и в желаемый вуз Бочков не попал. Другая мечта – стать авиатором – тоже была вряд ли осуществима: рост мечтателя, пережившего скитания по чужим углам, был в то время 148 сантиметров... Это и стало причиной того, что документы были поданы в историко-архивный институт, куда он поступил, блестяще сдав экзамены. Новоиспеченный студент при удобном случае собирался сменить учебное заведение, однако к концу первого курса «неожиданно заболел» историей и полностью погрузился в изучение «лабиринтов времени». Юноша оказался настолько способным, что на протяжении пяти лет учился на повышенную стипендию. Главной темой его студенческих исследований стала генеалогия русских дворянских родов. Институт окончил Бочков с «красным дипломом».

В 1959 году В.Н. Бочков приехал в Кострому и в августе приступил к работе в Государственном архиве Костромской области. Базовые знания, редкое трудолюбие, исследовательский дар и феноменальная память предопределили ему положение лидера в научной работе. Бочков занимался созданием научно-справочного аппарата к наиболее сложным фондам, разрабатывал критерии выявления уникальных и особо ценных документов. Именно он стал инициатором издания путеводителя по фондам архива, возглавил группу сотрудников,

* Ниже приводится комментарий к выставке «Все остается людям...», посвященной 70-летию В.Н. Бочкова.

занимавшихся его подготовкой, и взял на себя львиную долю работы. В 1962 году книга вышла. Путеводитель получился по содержанию информативным, по исполнению – талантливым, по стилю изложения – легким, экспрессивным. Характеристика каждого фонда имела свою изюминку – жемчужинку – пример: вот на эту «жемчужную» нить и был нанизан весь материал путеводителя. Сегодня в связи с происшедшим пожаром (1982 г.) путеводитель отчасти потерял актуальность, но он навсегда останется достойным памятником утраченному архиву, создававшему его архивистам и их талантливому руководителю – В.Н. Бочкову.

В том же году вышла первая книга Бочкова, написанная на архивном материале, «Открытие Невель-

ского» (1962 г.), а еще через два года – обзор «Коллекция рукописей Государственного архива Костромской области» (изд. в 1964 г.), где были представлены документы XV–XIX вв. Параллельно он собирал материалы еще для двух книг – «Так начинался подвиг» (1969 г.), об открытиях адмирала Г.И. Невельского, и «Битва на Святом озере» (1972 г.), о знаменательной победе костромичей над монголо-татарами в 1262 (1264) году.

Во время службы в архиве наметились основные направления работы Бочкова: архивные изыскания, сбор исторических материалов у жителей Костромы (по его просьбе были написаны мемуары многими старожилками города), научно-просветительская деятельность через книги, статьи, выступ-

ления. Тогда же он начинает изучать историографию костромского краеведения. Толчком к этому послужило знакомство с вдовой краеведа, известного коллекционера И.А. Рязановского, которая хорошо помнила Блока, Ремизова, Кустодиева, Пришвина... (Александра Петровна жила в то время в Малышкове, в доме-интернате для престарелых людей). Она передала Бочкову архив мужа с уникальными автографами известных людей: поэтов, писателей, художников.

Бочков много общался с бывшими кновцами, соратниками Василия Ивановича Смирнова (председатель КНО), репрессированного, как и большинство его коллег, во время разгрома краеведения в 1929 году. Он лично знал Леонида Александровича Невского, когда-то ру-

Первый год службы в архиве. Межобластная конференция архивистов. В нижнем ряду в центре – В.Н. Бочков. 1959 г.

Сотрудники Государственного архива Костромской области.
В нижнем ряду справа – В.Н. Бочков. 1960-е гг.

ководившего Нерехтским бюро краеведения (по возвращении из ссылки – учитель биологии), бывшего председателя Солигаличского отделения КНО Льва Михайловича Белоруссова, вручившего ему архив А.А. Апушкина, тоже кновца, автора знаменитой рукописи «Человеческие документы» (словарь выдающихся деятелей Костромского края)... Этот архив Виктор Николаевич тоже препроводил в Кострому. Леонид Андреевич Колгушкин, Александр Викторович Лаговский, Николай Александрович Полубинский, знакомцы и собеседники Бочкова, делились с ним рассказами о костромичах и старой Костроме.

С 1960 года стали появляться его публикации в местной, а потом и в центральной печати. С 1960 по 1965 год только в костромской периодике было напечатано 30 статей молодого ученого. Бочков во многом был первым. Он первым стал называть имена незаслуженно забытых людей, труда и таланты которых Кострома обязана историей и культурой. Он первым обратился к освещению местной краеведческой традиции. Именно он написал об И.А. Рязановском, об исследованиях протоиерея М.Я. Диева, о члене архивной комиссии крестьяни-

не-краеведе Д.П. Дементьеве, об авторе исторических работ протоиерее П.Ф. Островском (дядя драматурга А.Н. Островского), о создателе первой книги о Костроме, полковнике И.К. Васкове, о бесконечно преданном краеведению В.И. Смирнове.

К концу 1960-х годов определился круг друзей Виктора Николаевича. Частые визиты в редакцию газеты «Северная правда» сблизили его с журналистом, будущим литературным критиком Игорем Александровичем Дедковым. В педагогическом институте, где он преподавал историю и краеведение, познакомился с филологами Николаем Николаевичем Скатовым, Михаилом Федоровичем Пьяных, философом Федором Васильевичем Цаня-Кай-Си. Друзьями Бочкова стали художники Татьяна Владимировна и Николай Васильевич Шуваловы, режиссер Владимир Феликсович Шиманский, пианист Анатолий Николаевич Документов. Теплое отношение к этим людям Бочков сохранил до конца жизни.

В 1963 году Виктор Николаевич подал заявление в аспирантуру при историко-архивном институте, отлично сдал экзамены, однако в очном обучении ему отказали, а еще через год из аспирантуры отчисли-

ли. «Я поступал в аспирантуру ... и набрал полное количество баллов – три пятерки получил. Но характеристика в архиве мне была дана вольчея», – вспоминал позднее Бочков.

Явно ощущаемая свобода личности, некоторые высказывания, не свойственные тому времени, независимый образ жизни Виктора Николаевича невольно поставили его в особое положение. Главная же «крамола» – Л. Хлебников, частный собирающий самиздатских произведений, попавший «под прицел» «компетентных органов». Хлебников был профессиональным библиографом, положение его в то время было отчаянное. Бочков поселил его у себя и предложил принять участие в составлении обзора с оплатой по договору. Библиограф начал работать. Бочковым заинтересовались в КГБ...

Между тем напряжение в коллективе накалилось до предела: поступавший в аспирантуру Бочков был уязвим – и коллектив среагировал. По словам историка, среди прочего «меня обвиняли в том, что я антисоветчик, а в то время это было довольно серьезное обвинение ... Я как чувствовал, что мне готовят участь такого изгнанника».

В 1964 году горком комсомола исключил В.Н. Бочкова из рядов молодежной организации. «Причина мне не ясна до сих пор [1990 г.]. В среде влияния циркулировало даже такое, что я любил слушать музыку Вагнера, а Вагнер – любимый композитор Гитлера...» Для человека, чудом выжившего в блокаду, «это было довольно странно».

Архивный период жизни В.Н. Бочкова окончился в 1965 году.

В том же году он был принят в аспирантуру при МГУ.

С 1965 по 1972 год В.Н. Бочков служил библиографом в областной научной библиотеке им. Н.К. Крупской. Работал над библиографическими обзорами и указателями, писал статьи, свободное время посвящал архивным исследованиям. В

коробках, помещенных «под капелю» у заднего крыльца. Не было ни пригодных к работе картотек, ни каталогов... Но более всего поразило то, что «в Щелькове было предано забвению само понятие «заповедник» – по приказу директора зимой 1972/1973 г. были сломаны «мемориальный сарай у музея и сторожка на мемориальном кладбище, сняты с усадьбы все ограды и заборы», директор же «распорядился пасти у музея стадо подсобного хозяйства»...

Год был юбилейный – через несколько месяцев страна встречала 150-летие великого русского драматурга.

Подготовленные ценой величайшего напряжения празднества были бесспорной заслугой Виктора Николаевича. Однако успешно отмеченный юбилей стал лишь вехой в музейной работе Бочкова. Поднять музей на подлинно научный уровень, реконструировать усадьбу в том виде, в каком она была во времена Александра Николаевича Островского, – таковы были цели Виктора Николаевича.

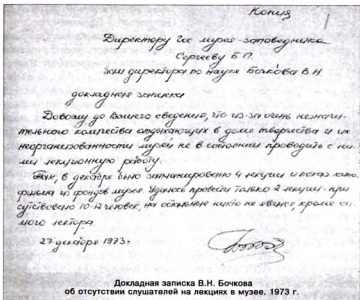
Последовательно и четко готовил

Бочков к обширной реставрации дом драматурга, усадебный парк, церковь в Николо-Бережках, церковный некрополь, приглашая для их обследования лучших специалистов-реставраторов из Москвы. Реставрация, восстановление утраченных объектов немислнмы без научной базы. Бочков развернул переписку с местными и центральными архивами, с Третьяковской галереей, с частными лицами, по крупицам собирая информацию «по Щелькову». Параллельно укреплял музейно-просветительскую работу: сам составлял методические разработки экскурсий, тематико-экспозиционные планы, тексты и тезисы многочисленных лекций и статей. Тематика последних разнообразна, но все их объединяло одно – имя знаменитого хозяина усадьбы. Бочков рассказывал об истории усадьбы и ее окрестностей, о первых ее владельцах – Кутузовых, о роде Островских, о связях с костюмским именем и творчестве Александра Николаевича Островского, о друзьях драматурга – артистах, художниках, музыкантах, его родственниках, гостях и соседях, о

театрах и постановках пьес А.Н. Островского. Ряд статей посвящен уникальным предметам, хранящимся в фондах музея, общей истории заповедника.

Бочков координировал научную работу в музее, организовывал сбор экспонатов (афиш, программ, фотографий) в театрах страны, где ставились спектакли по пьесам Островского. Новые поступления потекли в Щельково из самых отдаленных уголков Союза. Постепенно налаживалась работа с фондами, оборудовались места для хранения документов, была введена плата за проведение экскурсий. Бочков активно сотрудничал с ВТО, научными, культурными, туристическими организациями... «Кадры», «планы», частично «бухгалтерия», да, собственно, и «общее руководство», которыми занимались Б.П. Сергеев, а после него Т.Г. Манке (официальные директора музея), «де факто» очень скоро перешли к Бочкову.

Он обновил штат научных сотрудников, пригласив в музей выпускников филфака Московского государственного университета. «Я познакомился с Бочковым в июне 1975 года – пасмурным, влажным, по-щельковски духовитым днем, – писал позднее один из них, О.Б. Мраморнов. – Виктору Николаевичу исполнилось 38 лет, он был в расцвете сил и дарований, щедро отпущенных ему природой. Держался он деловито, благожелательно, своей постоянной сосредоточенностью на проблематике музея А.Н. Островского производил впечатление первого и самого ответственного лица в щельковском пространстве и действительно являлся таковым». Бочков терпеливо возвращал из учеников музейщиков-профессионалов, посылал на стажировки в ведущие музеи страны, организовывал командировки в центральные архивы и библиотеки – предоставлял все условия для самостоятельной науч-

ной работы. Скоро в газетах появились свежие статьи по Щелькову под авторством новых сотрудников. А в музее приступили к работе по подготовке к изданию сборника «Архив Массалитиновой», каталога живописи и графики музея, справочника «Островский на сцене советского театра».

Провинциальный музей медленно, но верно превращался в уникальный, единственный в своем роде центр по изучению творчества А.Н. Островского.

Между тем положение музея было сложным. Подчиненный ВТО, он был отчужден от общей музейной сети и в то же время находился в зависимости от театрального дома отдыха. Музей субсидировался по остаточному принципу, снабжение было крайне недостаточно. Не хватало средств на поездки в командировки, не было транспорта для выездных экспозиций, не было даже пишущей машинки... Фанеру, картон, другие необходимые для выставок вещи музей добывал сам, рассылая сотрудников по предприятиям. Бочков неоднократно обращался в президиум ВТО, пытаясь доказать недопустимость такого отношения к музею. Но на музей привычно смотрели как «на придаток» к месту отдыха творческой интеллигенции («крепостной музей!») и менять что-либо в сложившейся ситуации желания не имели. Задачи и цели дома отдыха и возглавляемого Бочковым учреждения кардинально не совпадали...

«Щельково было его обширным хозяйством, предметом каждодневных тревожений и забот, это была его мастерская – научная и художественная лаборатория, откуда он оглядывал окружающий мир и пытался вести с ним диалог...» (Из воспоминаний О.Б. Мраморнова).

Диалог не сложился. Вскрытое Бочковым неприглядное состояние музея вызвало раздражение дирекции дома отдыха и чиновников ВТО. Непреклонный в

Главное Архивное Управление при Совете Министров СССР
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ СССР

Ленинград, 19000, наб. Красного флага, д. № 4 Тел. 13-1244, 10-2429

№ 763 85 06 1975 г.

Директору государственного музея-заповедника А.Н. Островского "Щельково" г. МАЙСКО Т.Г.
Костромская обл., Островский р-н, п/о Щельково.

На исх. № 292 от 06.05.75.

В ЦИТА СССР формулярного списка управляющего отделом исполнения Кабинета е.и.в. тайного советника Ф.Г. Островского не обнаружено.

Директор ЦИТА СССР *[подпись]* И.И. СИРСОВ
Начальник отдела использования *[подпись]* Н.А. НАТЕВАНОВ

Ответ из Центрального государственного исторического архива СССР в музей-заповедник А.Н. Островского об отсутствии в фондах формулярного списка Ф.Г. Островского. 1975 г.

вопросах, касающихся музея, Бочков получил ярлык неговорчивого руководителя и желание администрации от него избавиться. Отношения испортились окончательно с появлением в Щелькове К.И. Бабицкого, опального лингвиста, правозащитника, открыто выразившего протест по поводу ввода советских войск в Чехословакию (1968 г.). Бочков не был лично знаком с Бабицким, однако ответить отказом на просьбу о помощи был решительно не способен.

«Когда я принял Бабицкого в Щельково, я принял его не потому, что он диссидент, а потому, что я считал его порядочным человеком и хотел ему помочь. В Москве ему работы не было, грозила ему высылка из Москвы как «тунеядцу». Тут, в Щелькове, он мог хоть какое-то время прожить... Я знал, что будут конфронтации с КГБ, с администрацией, но просто считал себя не вправе этого не сделать... То, что он был диссидентом, для меня было не главным».

То, что для Бочкова не являлось существенным, было «главным» для КГБ – с появлением «странного столяра» началась целенаправ-

ленная кампания по выживанию Бочкова из заповедника. По свидетельству очевидца, О.Б. Мраморнова: «Власти (начиная с райкома партии и кончая ВТО) во что бы то ни стало стремились привести его к раболопению, угодничеству, желанному для них заискиванию [...] Их приводила в ярость внутренняя (абсолютная) и внешняя (нескрываемая) независимость Бочкова [...] 1976-1977 гг. были заключительными в его щельковской эпопее. Это были годы наветов и гонений».

Бочков боролся. Сила была не на его стороне. В сентябре 1977 года – с позорной статьей, с клеймом «диссидента и склочника» – он сам оказался в положении изгоя. Вернувшись в Кострому, Виктор Николаевич не мог устроиться на работу. Двери учреждений перед ним захлопнулись: в обкоме партии бывшему «заму» предложили занять вакансию артиста в театре им. А.Н. Островского.

Виктору Николаевичу было sorrow – через четыре года появятся первые признаки грозной неизлечимой болезни...

Осень того же года подарила Боч-

Парковые работы в Щельково. 1975 г.

кову отрадную встречу. Ирина Григорьевна Васильева, Луиза Марковна Москалева, Елена Васильевна Сапрыгина – три очаровательные женщины, которые, вопреки разыгрываемому сценарию, не побоялись принять участие в судьбе Виктора Николаевича. По идее Елены Васильевны, по паспорту мамы Луизы Марковны, под откровенный риск Ирины Григорьевны Бочков был устроен сторожем в клуб льнокомбината им. И.Д. Зворыкина.

Ирочка Васильева – красавица, умница, филологиня, театральная прима молодежной студии «Современник» и заведующая клубом, ставшим тайным прибежищем опального историка. Филолог – третья ее образование, до этого были культпросветучилище и лесомеханический техникум. В клуб она пришла с завода красильно-отделочного оборудования, где отважно командовала мужиками-столярами, находившимися в вечном подпитии и снисходительно обожавшими хрупкую «командиру». Причиной решительной перемены стало неприличное – «за спиной», «во время отпуска» – увольнение В.Ф. Шиманского из народного театра, раскол коллектива на «отцов» и «детей» и демонстративный

«уход-изгнание» молодежи из Дома учителя (народный театр находился в помещении Дома учителя на ул. Ленина, 3). «Бунтари» оказались с режиссером, но без крова... Вот тогда-то Ирочка Васильева и распахнула клубные двери перед друзьями по сцене! Так родилась театральная студия «Современник».

В 1978 году в клубе был «рожден» еще один коллектив. В октябре 1977-го Виктор Николаевич начал сторожить клуб – а с января следующего года в покоем, играющем, танцующем учреждении появились «тихие люди с папочками», деликатно исчезающие за дверью комнаты с малопонятной самодеятельным артистам надписью «Клубное краеведческое объединение». Имена новокружковцев сохранили журналы посещаемости, аккуратно заполненные их руководителем, Виктором Николаевичем Бочковым. Лариса Васильевна Вавилова, Владимир Бухвиц, Ольга Ковшикова, Антонина Вдовина, Ольга Головкина, Анатолий Сыромятников, Луиза Марковна Москалева, Ольга Ростиславовна Ильина... Главный помощник – Елена Васильевна Сапрыгина, ныне ведущий костромской краевед. писательница. Чуть позднее в кружок

пришла молоденькая Лариса Синицева – будущий кандидат культурологии, преподаватель вуза, высокопрофессиональный музейщик, талантливый просветитель-краевед. Ларису Ивановну и Елену Васильевну Бочков называл своими лучшими учениками.

В жизни Виктора Николаевича наметились и другие положительные перемены – в конце декабря 1977 года ему предложили место инженера в производственной группе охраны памятников при областном управлении культуры. До «музейной катастрофы» В.Н. Бочков много лет был связан с Всесоюзным обществом охраны памятников, составил множество паспортов на исторические объекты города Костромы и области. В то время он плодотворно сотрудничал с Галерией Густавовной Тороп и Евгением Васильевичем Кудряшовым. Этот творческий союз – историк – искусствовед – архитектор – возник не случайно. Талантливые люди сразу «узнают» себе подобных – в силу дарованного им таланта они просто обречены на сотрудничество. Такой счастливый для костромичей союз сложился в начале 1970-х годов. Результатом этого стало рождение новых замечательных книг: «Кострома: Путеводитель» (Бочков В.Н., Тороп К.Г. 1970), «Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Памятники культуры» (Под общ. редакцией Н.К. Андросова. Тр. НИИ культуры. Т. 34. Костромская область. М., 1976 г.).

Позднее Бочков говорил: «Что мне точно помогло в работе, это то, что я сначала был архивистом, потом библиографом, потом научным работником, потом работником по истории памятников...» Это способствовало тому, что в круг изучения историка вовлекались все новые виды источников информации. «Копилка» знаний Бочкова была полна, и он в очередной раз одарил

окружавших его людей радостью познания и сотворчества. Клубное краеведческое объединение, состоявшее, в общем-то, из случайных людей, Виктор Николаевич превратил в настоящую творческую лабораторию. Для кружковцев стали обязательны экскурсии по городу, Бочков приглашал на занятия старых друзей – преподавателей института, журналистов, музейщиков. Он развивал в новых питомцах ретроспективное зрение, расширял их кругозор, воспитывал вкус к исторической информации.

Идея написать историю улиц Костромы принадлежала Виктору Николаевичу. На архивных материалах он составил списки улиц города, начиная с 1790 года, – до него подобных списков просто не существовало. Когда-то он сам собирал воспоминания, сохранившиеся у старожилов города – в 1978 году на улицу вышли его ученики. Улицы обследовались дом за домом – жильцы, убедившись в доброжелательности визитеров, открывали двери, вступали в беседу и, разговариваясь, порой сообщали удивительные факты, не отмеченные ни в каком документе. Кружковцы «осели» в библиотеках, стали ходить в архив, с обходов улиц приносили подробные записи, делали доклады на занятиях. Сведения извлекались из документов, справочных книг, календарей, газетных публикаций, телефонных книг. Материал рос и дополнялся, пули досье на каждый дом, улицу, персону. Началась систематизация, обобщение, унификация информации – составление справочников-паспортов. Так рождалась рукопись книги – всем необходимой и по сей день единственной.

«Первую половину 80-х годов» Виктор Николаевич называл «лучшим творческим временем». Он был свободен. Свободен от «обязаловки» ежедневной службы, свободен от напряжения административ-

ных забот, свободен от личных карьерных устремлений, от острой зависти бывших «коллег» – что же завидовать сторожу? Свободен от тех, кто пытался вытравить в нем лучшие качества души – самобытность и сострадание.

Он – «сторож», «повержен» и уже нездоров.

Его окружали друзья, последние его ученики. Он завершил начатую в Щелькове книгу о костромичах – литературных прототипах, были готовы к изданию очерки о костромских спутниках А.С. Пушкина. Рукопись книги о костромских улицах тоже ждала своего издателя...

Краеведческое объединение приступило к работе над новым справочником – «Выдающиеся уроженцы Костромской земли». Однако здоровье их руководителя становилось все хуже. Уже не удавалось унять «паркинсоновскую» дрожь в руках, признаки которой появились в начале 1980-х годов. Клубные занятия проводились все реже... С 1985 года работу над справочником об «уроженцах» он уже вел один. Времени жизни оставалось все меньше. Бочков посвятил последние дарованные ему годы главному труду – книге о городе, в который судьба его привела в далеком августе 1959 года.

«Эту книгу я сам стал называть “Старая Кострома” – рассказы об улицах, домах и людях города. Там материалы с начала возникновения Костромы до 1917 года. Иногда я, правда, перехожу на 1918–1920-е годы, но это редко... Там идет описание Костромы по улицам, начинается с площади Революции, потом идут улицы, перпендикулярные площади Революции, кончатся все радиальными улицами. Это, скорее, рассказ не об архитектурных памятниках Костромы – потому что я не архитектор... Я касаясь истории домов и истории людей, живших в этих домах, – получается, что почти в каждом доме

кто-то есть интересный, привлекательный для меня... И каждого из этих людей я стараюсь показать так, как можно, согласно имеющимся у меня материалам...»

Работа над «главной книгой» осталась незавершенной...

14 марта 1991 года город осиротел.

В 1992 году областной архив совместно с фондом культуры решил учредить Бочковский семинар, где можно было бы обсудить насущные вопросы краеведения, «озвучить» свежие предложения, смелые идеи. Семинар задумывался и как своеобразная школа – «рассадник» – для нового поколения историков. Увы, последующий провал замысла архива и фонда был предопределен: ни идей, ни полезных замыслов в среде краеведов явлено не было, учителей «подрастаческой смены» не объявилось, «творческой лаборатории» не получилось. Может, потому и не проходит до сих пор боль от того, что был человек, делающий все это в одиночку, без участия организующих учреждений, да, вот, не стало... И до сих пор незаметным – таковым и остается – учитель от Бога, историк от Бога, музейщик от Бога, писатель и архивист от Бога Виктор Николаевич Бочков, натура сильная, тонкая, одаренная умом, трудолюбивый и талантот – от Бога.

Сейчас уже ясно...

Написано на основе материалов:

Документы личного фонда В.Н. Бочкова (ГАКО, ф.р-1224).

Анохин А.А. Учитель истории. Рукопись очерка о В.Н. Бочкове.

Анохин А.А. Интервью, взятое у В.Н. Бочкова 18 августа 1990 г.

Анохин А.А. Интервью, взятое у В.Н. Бочкова 24 августа 1990 г.

Друзья В.Н. Бочкова. Предисловие к описи личного фонда В.Н. Бочкова.

Кинкозриева О.Ю. Краевед с большой буквы: В.Н. Бочков и бочковский семинар / Археографический ежегодник за 2001 год. М.: «Наука», 2002. С. 218–223.

Мраморник О.Б. Вспоминая Виктора Бочкова. 1994. Рукопись. ГАКО, ф.р.34, оп.7, д.201, л.13–17.

Мраморник О.Б. Стоявшие дружки: записки по памяти // Независимая газета – 2001 – 6 апр. – С.12.

Из дневников

В.Н. Бочков. Фото А.А. Анохина, апрель 1990 г.

15 февраля 1981 года. Работал над очерком об отце А. Ф. Писемского – Феофилакте Гавриловиче. Выйдя израненным 40 лет в отставку подполковником и прослужив 10 лет городничим в Ветлуге, он поселился в своей чухломской деревне и стал примерным хозяином. Не в пример нынешним офицерам-отставникам! Полковник А.С.Добров несколько лет руководил в областном Обществе книголюбов, хотя сам признавался, что книг не читает и брал лекции о современной литературе, никогда не заглянув ни в одну критическую статью. На вопрос, с каких же позиций он оценивает новое произведение, не читая ни их, ни о них, Добров серьезно ответил: «С ленинских». А «Сводом памятников» много лет занимался В.Ф. Соловьёв, затем легко перешедший в Управление хлебопродуктов.

29 марта 1981 года. В Костроме, по-видимому, скоро забудут, что существуют русские сельскохозяйственные продукты. Муку продают аргентинскую, лук индийский. Интересно, продавался ли до революции в Индии ростовский лук?

Предложил А.А. Григорову составлять исторические справки об усадьбах для «Свода памятников». Усадеб немного, но в области сохранились: Медведки Бартедьевых, Борютино Борщёвых, Семёновское Ушаковых, Денисово Зузиных, Нероно Черевинных и др. а сведений об их постройке, владельцах, истории и т.д. нет – пусть хоть Григоров соберёт сведения в архиве, т.к. потомки не сумеют сделать и этого. Александр Александрович, по-моему, обрадовался.

5 апреля 1981 года. Несколько часов провёл у А.А.Формозова и его жены, с которыми наконец-то повидался. Обычная московская квартира, полный человек. Разговор перепархивал с предмета на предмет: о Т.Мавриной, об Э.Радзинском, с коими знаком, обязательный вопрос всех москвичей: «Очень голодно в Костроме?». Жена его знала С.Л.Утченко. Я, к слову, рассказал, как блестяще Сергей Львович проводил в институте коллоквиумы и как уговаривал меня посещать кружок латинского языка. Формозова на мой вопрос о фамилии Утченко пояснила, что он незаконный сын какого-то еврейского банкира. К сожалению, не ус-

пел посмотреть у Формозова костромские материалы его родственников по матери Промптовых, некогда друживших с А.Н. Островским.

17 апреля 1981 года. К нам в группу приходил пить чай директор реставрационной мастерской А.Д.Ляпин. Рассказывал, что спешно ставит в Судиславле памятник Ленину. Он и стоял, гипсовый, на центральной площади перед универмагом, но в воскресенье кто-то разбил его вдребезги. Арестовали двоих: мужчину и женщину. Спешно заказали другой памятник, приобрели алюминиевую полую фигуру вождя — видимо, специально имеется запас таких для подобных случаев...

Ляпин говорил, что, когда копали место под фундамент, на глубине 70 см откопали бульжную мостовую (верно, 1-й половины XIX в.), под ней еще глубже бревенчатую, потом ниже слой ила. Очень древний город Судиславль, но на месте его площади некогда было болото.

27 июля 1981 года. Описывал улицы в посёлке РТС, слившемся с Костромой, но территориально входящим в Апраксинский сельсовет. Как всегда, жители жалуются на отсутствие воды и на то, что их не включают в черту города. Да не всё ли вам равно? Окажется, нет. К праздникам горожанам дают «пайки» — немного масла, мяса. А им как «сельским жителям» не дают.

После обеда работал в архиве и нашёл документ, в котором Гостиный двор в Костроме в 1892 году уже именовался Красными рядами. А мне упорно внушали, что это название появилось уже после революции. Я рад, что это не так.

20 декабря 1981 года. В старых записях 1961 года нашёл рассказ А.П. Рязановской о том, что в 1930-х гг. она уничтожила массу писем художника Н.Н.Купреянова её умершему мужу Ив.Ал.Рязановскому из-за того, что они были «политического» содержания, т.е. откровенно антисоветскими...

3 января 1982 года. Поэт В.Н.Леонович вдруг прислал Игорю Дедкову огромное письмо с воспоминаниями о костромском сером и голодном детстве 1941–1943 гг. О том, как на Ивановской ул. в доме №8 жила преподавательница немецкого языка Сулханова, жена горского князя Сулхан-Гирея, сбегавшая в Кострому. Леонович ходил к ней с Пастуховской улицы.

Ивановская улица в Костроме вообще интересна. На ней жил известный революционер Тихон Попов, был католический костёл, жила начальница женского епархиального училища Л.И.Поспелова, сюда

приезжала к брату, товарищу прокурора окружного суда, П. Эрдели арфистка Ксения Эрдели, часто гастролировавшая в Костроме в 1915–1916 гг.

3 марта 1982 года. Все десятилетия пребывания в Костроме я собирал материалы по истории Костромского края – просмотрел многие тысячи архивных дел, дотошно расспрашивал старожилы, прочёл массу книг и газет. Теперь я знаю огромное количество сведений о тысяче местных уроженцев, знаю все дома на центральных улицах Костромы, помню подробности множества событий. Теперь же вдруг ясно ощутил, что смогу опубликовать едва ли сотую часть того, что знаю и чего никто больше не знает. И всё, что не смогу опубликовать, умрёт вместе со мною. Если бы можно было зафиксировать все запасы памяти на плёнке, чтобы сохранить для потомков.

16 августа 1982 года. В 19 час. 20 мин. загорелся Богоявленский монастырь, в котором размещён областной архив. Сначала показались столбы дыма, потом языки пламени. Тушить, как следует, пожарники не стали, милиция оцепила квартал, а солдаты стали разбирать и куда-то отправлять товары склада, что в монастырских подвалах, хотя складу с его толстыми и сырыми сводами никакой пожар не страшен. Вывезли зачем-то и библиотеку из башни, находящейся там в полной безопасности – только облили книги. Зато рядом, через улицу, стоит и достраивается высоченное здание ГАИ, как бы торжествуя – его возвели в охранной зоне и там, где по генплану нельзя строить высокие дома.

*Публикация подготовлена
Л.В.Вавиловой,
вдовой Виктора Николаевича
Бочкова.*

Богоявленский монастырь после пожара 1847 г. Репродукция

– Виктор Николаевич, я бы хотел, чтобы Вы рассказали мне о себе, буквально, с самого рождения.

– Мне, собственно, нечего особенно рассказывать. Родился я в 1937 году в Ленинграде в студенческой семье. Мать моя была студенткой института имени Герцена, отец в это время работал в городе

Вас не было увлечения историей?

– Да нет, пожалуй, было, потому что Дунилово – древнее село, из двух сел состоит, там находился старинный монастырь.

– А монастырь действующий?

– Нет, какие монастыри действующими могли быть в начале 50-х годов.

– А из местной публики того

оказалось несколько книг. С этих книг и началось мое увлечение, большое увлечение чтением.

– А с детства ничего не запало в душу? Может быть, какие-то конкретные книги запомнились?

– «Робинзон Крузо», «Путешествия Гулливера» – вот эти книжки.

– Мама Ваша окончила Герценовский институт, стало быть,

ИНТЕРВЬЮ АНДРЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА АНОХИНА С ВИКТОРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ БОЧКОВЫМ

18 апреля, 24 августа 1990 г.

В.Н. Бочков 1990 г.

Коврове... После того как мать окончила институт, мы уехали в Новосибирск, там она работала по распределению.

В 1941 году мы вернулись в Ленинград. Пришлось мне немножко захватить блокаду, но я-то не помню почти ничего.

Потом эвакуировались в Ивановскую область, где я окончил среднюю школу в селе Дунилово Шуйского района (большое старинное село).

– Виктор Николаевич, будучи в школе, в юношеском возрасте, у

времени ни с кем Вы контактов не поддерживали, в том смысле, что какой-то человек оказал влияние на Вас? Может быть, какой-то учитель?

– Вы знаете, нет. Там были хорошие учителя, но они преподавали физику, математику, то есть предметы, которые меня к себе не очень располагали. Могу только сказать то, что, пока я учился, я перечел всю сельскую библиотеку и всю библиотеку школьную, начиная с томов Большой советской энциклопедии.

– Увлечение чтением – это со школы или, может быть, раньше началось?

– Вы знаете, я хорошо помню, как я любил читать, когда учился в четвертом классе. Я жил одно время в детском доме и там как-то заболел, положен был в изолятор, и там навещали меня только три раза в день, когда приносили завтрак, обед и ужин. Остальное время я был предоставлен себе. Вот там

она была педагогом?

– Она не была педагогом. Была воспитателем в детском доме, в детских садах, потом она работала на фабрике.

– То есть она сменила профессию?

– Были причины у нее свои на это. – А как Вы оказались в детском доме?

– В 1947 году мать осталась без работы. Мы переехали в город Шую, и там мать тоже не могла найти работу. Нужно было где-то нам жить, и она нашла детский дом, где она сама воспитывалась с 1921 года. Она во время голода в Поволжье вместе со многими другими детьми из Астрахани (она астраханка сама) была посажена на баржу и увезена в Ивановскую область. Она в этом доме сама воспитывалась, там была заведующая, которая ее знала, и мы там поселились. Через некоторое время, когда мать уехала искать работу, я остался и был включен в состав воспитанников детского дома в Шуе.

– Виктор Николаевич, и долго Вы там находились?

– Где-то около года всего.

– А чем было вызвано, что мама не могла работу найти? Были какие-то препоны?

– Трудно сказать... Ведь работу

нужно было найти вместе с квартирой, тут как-то не получалось.

— *Понятно...*

— В 1954 году поступил в историко-архивный институт в Москве. Учился хорошо. Удивительно было другое. Когда я учился в средней школе, у меня в аттестате было довольно много даже и троек, во всяком случае, не было пятерок. Когда я поступал в историко-архивный институт — 12 человек на место, институт был маленький, с одним факультетом, и народ поступал на небольшое количество мест — я набрал 24 балла, то есть одна «4», остальные — «5». И это после сельской школы, которую я окончил с тройками!

— *Виктор Николаевич, когда вы поступали в историко-архивный институт, Вы его для себя сразу избрали или это был запасный вариант?*

— Нет, я хотел поступить в юридический институт, мне почему-то казалось, что из меня получится юрист. Но это было время, когда юридические институты повсеместно закрывались, поскольку было перепроизводство юристов к 1954 году. Сначала я посылал в несколько юридических институтов документы, мне возвращали их. Когда я последний раз получил документы, мне нужно было куда-то снова поступать, а я в это время должен был уехать в Ленинград. У меня оставался только один вечер на то, чтобы подумать, куда сдать документы. Московский университет... мне показалось, что это будет как-то... что я не был подготовлен для поступления туда. А рядом с ним в справочнике стоял Московский государственный историко-архивный институт. Я первый раз о нем услышал, решил, что это маленький, захудалый институтишка и что я туда легко попаду. Я послал документы туда, решив, что год я проведу в этом институте, а через год буду поступать куда-то по-настоящему, а

так и остался в историко-архивном.

— *Можно сказать, что это случайно получилось?*

— Можно сказать, что случайно.

— *Виктор Николаевич, расскажите поподробнее об обучении в институте? Так, что запомнилось...*

— Помнится мне прежде всего то, что я мало сначала подходил к институту. Я был очень беден, потому что мать у меня зарабатывала совсем копейки и мне помогать практически не могла. Я жил на стипендию, она была 220 рублей, первоначально. Ну и, собственно, внешне очень мало походил на студента. Рост у меня был, когда я поступил, метр сорок восемь сантиметров всего. Учиться я стал как-то с большим интересом. Может быть, потому что историко-архивный институт представлял для этого большие возможности. Там на 100 студентов нашего курса было около 20 профессоров, причем крупных, то есть на каждый пяток студентов приходился один профессор. Шмидт, Зимин, Новосельский...

— *Виктор Николаевич, а время свободное от занятий, я имею в виду, какиркулярное, проводилось дома?*

— Да, я ездил в Ивановскую область к матери. Она жила в неболь-

В.Н. Бочков. Фото А.А. Анохина, апрель 1990 г.

шом поселке при фабрике. Я даже иногда во время отпуска в фабричной библиотеке занимал ее должность, подрабатывал.

— *Значит, Вы окончили институт, и дальше распределение было или Ваше желание?*

— Я был персональным стипендиатом, поэтому при распределении я шел первым. Когда мне предложили на выбор несколько мест — помню, были Одесса, Ленинград... Кострома меня прельстила только тем, что мне предоставлялась жилплощадь, в других местах в большинстве случаев жилплощадь не предоставлялась, а жить на частной квартире мне не хотелось. Так что я выбрал Кострому, для того чтобы, с одной стороны, иметь жилье, а с другой стороны — все-таки близко от Москвы. Я знал, что буду поступать в аспирантуру.

В.Н. Бочков. 1970-е гг.

– Виктор Николаевич, а жилище какого рода? Как выглядело?

– Мне хотели предоставить квартиру, когда будет сдан дом – домов строили много в то время. Так что я жил сначала в милицейском общежитии на Овражной улице, а потом через два года, в 1961 году, когда сдали квартиру в доме на улице Гагарина, поселился уже там. Дали мне комнату в трехкомнатной квартире, комната небольшая была. Когда мы с Ларисой поженились, то она туда же пришла, в эту комнату, там уж у нас и ребенок родился.

– Виктор Николаевич, а друзья у Вас в Костроме были? Ваш круг друзей?

– Первый мой костромской знакомый был Игорь Дедков. Он работал в «Северной правде» литсотрудником, а я приносил туда свои материалы уже в первые годы работы, и мы познакомились. Сначала это было знакомство в столовой или рядом со столовой – фабрика-

кухня, по-моему... «Северная правда» располагалась на той же улице, что и архив, и сотрудники обедали всегда в этой столовой. Мы с ним там виделись и в скором времени подружились. Я стал вхож в его семью, я жил один, мне нужна была какая-то семья, в которой я мог бывать. Через Игоря Дедкова я познакомился с преподавателями пединститута Скатовым, Цани-Кай-Си и Пьяных, стал бывать у них. Кроме того,

однажды приехал в Кострому искусствовед Сережа Есин, знакомый по Москве. Он приехал с передвижной выставкой «Советская Россия». Он познакомил меня с костромскими художниками – сначала с Шуваловым, через Шувалова я с Румянцевым познакомился. Главным-то образом – мы с Шуваловым...

– Николай был вывал у Вас?

– Много раз.

– Виктор Николаевич, а были в то время общественные вечера или встречи? Как у Дедкова, только большим числом людей – «единицами-двумками по культуре»?

– Мы чаще встречались даже не у Дедкова, а у Пьяных. Михаил Федорович очень общительный, компанейский, необычный был человек, у него собирались. Но сказать, что какие-то вечера были, нельзя – собирались пять-шесть человек, говорили обо всем, что нас волновало. Вот они составляют круг моих

друзей до сих пор, кроме Шувалова, который умер.

– Виктор Николаевич, а когда Вы приехали в Кострому, какая была атмосфера в городе? Если сравнить с сегодняшним временем, какая жизнь была?

– В Костроме было совсем по-другому, чем в Москве. В Москве была свобода у людей, без боязни, а в Костроме все было наоборот. Это как раз было время, когда случилось дело Скатова.

– А что это было за дело?

– Дело началось до моего появления, а продолжалось при мне. Ректором пединститута был назначен бывший секретарь обкома партии Федор Маркович Землянский, который стал наводить в институте порядок. По его мнению, все должны были подчиняться ему, ходить перед ним по струнке и преподавать то, что он считает полезным. Поэтому произошел конфликт с молодыми преподавателями, в частности, с Николаем Скатовым и Федором Цани-Кай-Си, один преподавал литературу, другой – философию. Пьяных был немножко в стороне, хотя и его присоединили. Федор Маркович обнаружил на их лекциях отступления, по его мнению, от марксистско-ленинской теории и поставил вопрос об их освобождении из института. Скатову предлагали перевестись в институт повышения квалификации учителей, но он отказался, сказал, что лучше пойдет на завод, и к Цани-Кай-Си были претензии. Их спас Феликс Кузнецов, который работал тогда в «Литературной газете» и приехал в Кострому из-за этих известий. Он пошел в КГБ, добился, чтобы ему показали личное дело Скатова, и там было сказано, что он является учеником врага народа профессора Тамарченко, который до 55-го года жил в Костроме... Они были вынуждены уехать из Костромы. Скатов уехал в Ленинград, Федор уехал во Владимир – оба за-

щитили докторские. Пьяных тоже потом уехал в Ленинград.

– Виктор Николаевич, а о Вашей комсомольской жизни расскажите.

– Я был заурядным комсомольцем. Вступил в комсомол в 1951 году, а в 1964 году меня из него исключили.

– А причина?

– Мне она не ясна до сих пор. В среде влияния циркулировало даже такое, что я любил слушать музыку Вагнера, а Вагнер – любимый композитор Гитлера.

– Это наобщем собрании было, да?

– Нет, это было довольно странно, я поступал в аспирантуру, тогда был, по-моему, 1963 год, и набрал полное количество баллов – три пятерки получил. Но характеристика мне была дана в архиве очень такая... волчьей.

– Вы лично видели ее?

– Да, я ее видел. Меня обвинили даже в том, что я антисоветчик, а в то время это было довольно серьезное обвинение. И когда я вернулся, даже в кино не ходил.

– Из боязни, что ли?

– Что из боязни?

– В кино-то почему...

– Как-то считалось, что это тоже антисоветизм определенный. Хотя я просто кино как вид искусства не люблю и, действительно, хожу в него очень редко. Вот когда я сдал экзамены, попал в промежуточное состояние – меня, с одной стороны, должны были принять точно в аспирантуру, с другой стороны, из-за характеристики как-то все не принимали... И только я вернулся в Кострому, созвали комсомольское собрание в архиве – я работал тогда в архивном отделе облисполкома. Там были девочки, которых я даже и не знал в этой комсомольской организации, потому что они пришли после того, как я ушел сначала

в отпуск, потом на сдачу экзаменов в Москву. Они были временно в основном. Пришел такой Колесников, тогда был инструктором горкома комсомола (сейчас заведует «Союзпечатью»), и стал меня провоцировать всечески... Ему не удалось меня спровоцировать. Нет, я как чувствовал, что они мне готовят какую-то участь... такого изгнанника... Тем не менее, они собрали после этого горком комсомола и на горкоме комсомола поставили мое личное дело – поводом было, что я якобы оскорбил Колесникова, сказав, что он то ли «циркач», то ли как-то еще...

– Виктор Николаевич, а кто в то время возглавлял архив?

– Вера Константиновна Колбасова*.

– Значит, собрание Вас не исключило, а исключили уже вот таким путем?

– На собрании вопроса не было об исключении.

– Там пытались найти какую-то зацепку, чтобы сделать это?

– Главное для них было сообщить в аспирантуру, что я исключен из комсомола, поэтому не могу быть аспирантом. Так и получилось. Они в историко-архивный институт послали сразу бумагу, и меня исключили из аспирантуры. Это было и для института удобно, потому что я тогда уже на научную аспирантуру претендовать не мог.

– Виктор Николаевич, значит, Вас отчислили из аспирантуры? И большие Вы к ней не возвращались?

– Нет, я в 1965 году поступил в аспирантуру при МГУ.

– Заочно?

– Да, заочно.

– А на какое отделение?

– На истфак, естественно. Там был такой Анатолий Михайлович Сахаров, крупный историк, доктор исто-

рических наук, я встретился с ним, Сигурд Оттович Шмидт, преподаватели историко-архивного института, с которыми я контактировал.

– А тема работы у Вас какая была там?

– Сначала я реферат писал о Федоровской иконе Божьей Матери, то есть даже не о самой Федоровской, а о битве на Святом озере, в которой участвовала и эта икона.

– Назовите, пожалуйста, точное название Вашей диссертации?

– «Формирование служилого сословия в русском централизованном государстве».

– Насколько мне известно, диссертация Вами была написана, но так и осталась, мягко говоря, без внимания?

– Нет, не без внимания. Просто я сам не стал защищаться, потому что так случилось, что уехал в Щельково. Там был юбилей – меня дела отвлекли от этой диссертации, а потом мне как-то казалось, что кандидатское звание – это не главное. В пединститут же я не хотел идти преподавателем.

– В общем, защита могла состояться, но вот по обстоятельствам...

– Меня бы поставили на защиту, если бы я попросился. Но я к этому относился как-то с равнодушием. Хотя диссертацию написал, публикации у меня были в «Вопросах истории», в «Новом мире» по теме диссертации.

– Виктор Николаевич, «Новый мир» – какой год?

– Вот, последний год при Твардовском. Я довольно много там печатался. Примерно 6-7 публикаций у меня было.

– А самая первая Ваша публикация, пусть не в журнале – в сборнике, газете, где угодно. Помните ли она? Где она была сделана?

* По мнению В.И. и Л.В. Бочковых, в то время Вера Константиновна Колбасова была единственным человеком в архиве, который высоко ценил талант молодого исследователя. Она всячески поддерживала Виктора Николаевича, и, насколько было возможно, способствовала созданию нормальной обстановки вокруг него.

– Первая публикация у меня была сделана в 1960 году, в августе, в «Северной правде» – «История одного дома», про дом № 20 по проспекту Текстильщиков, принадлежащий Рязановской.

– *Значит, наша «Северная правда» – в первый раз, в 1960 году, да?*

– Да. Первая книга моя была «Путеводитель по Государственному архиву Костромской области», помоему, в 1961 году. В 1962 году вышла книжка «Открытие Невельскогого», к 150-летию Невельского, в ней я уже предстал как автор. Это небольшая книжка, вот она, пожалуй, была первой моей публикацией.

– *Виктор Николаевич, раз уж мы речь повели о печатных делах, тогда до конца расскажите о Ваших изданиях.*

– Потом «Обзор рукописей Государственного архива Костромской области». Рукописи сами, по моему, сгорели, а обзор сейчас цел*. Затем была книжка рассказов «Так начинался подвиг», «Путеводитель по Костроме» в 1970 году, «Битва на Святом озере» в те же годы, «Вокруг Щелькова» (с А.А. Григоровым) в 1973 году. Я был составителем «Свода памятников истории и культуры Костромской области» в 1974 году. В последнее время у меня вышло сразу несколько книг – «Заповедная сторона» в 1988, «Улицы Костромы» в 1989 и последняя книжка, только что вышедшая, – «Скажи: которая Татьяна?». Она издана в «Современнике» в 1990 году. Были еще сборники, где я участвовал: «Влюбленность», там у меня большой очерк об Иване Александровиче Рязановском, первом директоре костромского музея; «Второе свидание», сборник, там тоже о костромских краеведах – Василии Ивановиче Смирнове. Ле-

ониде Николаевиче Казаринове и Дементьеве Дмитрие Петровиче. Были у меня публикации в Ярославле, два сборника под названием «Их жизнь – борьба». Там у меня тоже было довольно много очерков о революционерах-костромичах. «Памятники Отечества» – это альманах, и «Костромская бль», там о Костроме и о Кустодиеве. Последний, совсем недавно вышедший энциклопедический словарь «Русские писатели. 1800–1917 гг.», там у меня несколько статей.

– *Виктор Николаевич, за время Вашей жизни в Костроме у Вас было много интересных встреч, Вы застали еще людей из прежней эпохи, настоящих, подлинных, неподдельных людей. Кто более всего запомнился? Я понимаю, обо всех не расскажете...*

– Да, были, конечно, такие встречи. Первая из них была с Леонидом Андреевичем Колгушкиным – старый костромич, собирал фотографии Костромы, открытки с видами Костромы, воспоминания оставил в рукописи, очень интересные, о дореволюционной Костроме. Он был долгое время директором школы слепых в Костроме. Я его много расспрашивал, записывал за ним.

Через Колгушкина я познакомился с Александром Викторовичем Лаговским, и в том же доме, что и Лаговский, на улице Энгельса, жил Николай Александрович Полубинский. У них тоже я довольно много взял, то есть я их расспрашивал, а они мне рассказывали. Лаговский мне просто рассказал по моим вопросам историю домов на многих улицах Костромы, прямо дом за домом, конечно, в тех пределах, в которых он знал.

– *Вы расспрашивали на прогулках или прямо не выходили из дома?*

– Нет, мы сидели дома. Я тогда мог, конечно, прогуливаться, но

ему было сложнее, тем более, трудно записывать на ходу. А так, он как старый костромич, старожил, помнил все, что связано с улицами и домами, даже самыми неказистыми и маленькими, и очень много мне рассказал. Потом я соединил материал, почерпнутый из этих рассказов, с теми материалами, которые я сам в архиве выбрал, и получились эти очерки по костромским улицам.

– *Виктор Николаевич, я знаю, что Вы были хорошо знакомы с женой Ивана Александровича, Александрой Петровной. Расскажите об этом.*

– Она жила тогда в инвалидном доме в Малышково и приходила в архив. В один из таких ее приходов мы с ней познакомились. Она через меня передала в архив оставшуюся у нее часть архива Рязановского – с перепиской с Кустодиевым, Ремизовым, Пришвиным. Не знаю, уцелели сейчас эти материалы или погибли. Наверное, погибли...

Ко мне она относилась очень добродушно, женщина была очень милая, как-то возраст не сказывался на ней. Она помнила все очень хорошо. Много рассказывала о Блоке, о Ремизове, с которыми была хорошо знакома, о Пришвине, о Кустодиеве... Кое-какие вещи подарила мне – старинную вышивку, например.

– *У нее как будто коллекция была? Собрание?*

– В свое время, да, – она коллекционировала бисерные вышивки. Мы к ней ходили довольно часто в индивидуальный дом, сначала я, потом, когда с Ларисой поженились, с Ларисой ходили. Умерла она в 1973 году.

– *А Александра Петровна не оставила каких-то личных записей?*

– Нет, я кое-что записывал за ней, но это были в основном отрывочные данные. Как у нее в Петербур-

* В Государственном архиве Костромской области имеется на хранении «Коллекция литературных, исторических и культурных рукописей и книг». Рукописные книги во время пожара 1982 г. были утрачены частично.

ге собирались по средам писатели... Кустодиев к ней в Кострому приезжал, у нее жил.

– **Виктор Николаевич, Вы много ездили по уездным городам губернии, вероятно, и там случались интересные люди?**

– Леонид Александрович Невский из Нерехты. Он был руководителем Нерехтского бюро краеведения, потом сидел в заключении, когда вернулся, работал учителем биологии. Я у него архив принял, от него фонд на санках сам вез в районный архив, потом уже в Кострому переправили. А библиотека поступила в областную библиотеку. Это была огромная специальная библиотека по фенологии, основанная фенологами.

– **Виктор Николаевич, расскажите, пожалуйста, о Белоруссове.**

– Со Львом Михайловичем я тоже был знаком многие годы. Помоему, в 1960-м году я был в командировке в Солигаличе... Поскольку Лев Михайлович был в свое время председателем Солигаличского отделения Костромского научного общества, у него были какие-то материалы, которые мне хотелось бы, чтобы он передал в архив. У меня сохранилась тетрадка, которую составлял такой знаменитый костромской краевед, Алексей Александрович Апушкин, со списком выдающихся уроженцев Костромского края.

– **Виктор Николаевич, у Апушкина была коллекция фотоизображений всех тех, о ком он собирал материалы. Вы не знаете о ее судьбе?**

– Видимо, вместе со всеми архивами Апушкина, он же был в 1937 году репрессирован и как репрессированный сослан, по-моему, в Вологду, при аресте была уничтожена.

– **А из чухломских, кроме Лебедева, Вы были с кем-нибудь знакомы?**

– Нет, только с ним. То есть я знал, конечно, сотрудников музея, но с ними...

Щельково. 1977 г.

– **Виктор Николаевич, приходилось ли Вам участвовать в разборе каких-то архивов, усадебных описаний, документов и прочего, может, и в самих усадьбах Вам удалось быть? Или же только работа с материалами, которые в архиве были?**

– Нет, конечно. Был в катенинских усадьбах, Мироновых, но там уже материалов не было, они были либо в архивах, либо уничтожены.

– **Виктор Николаевич, вот если о Вашей службе по порядку, первая служба, когда Вы приехали в Кострому, был архив, архивный отдел. С какого времени по какому?**

– С 1959 по 1965 год – шесть лет получается. Был я научным сотрудником, занимался проблемами публикации, печатался довольно много в газетах, в журнале «Вопросы архивоведения» тоже были мои публикации. В 1965 году из-за того, что Лариса работала в архиве, а мне не хотелось работать вместе с женой – это как-то не этично, недово – я перешел в областную библиотеку библиографом и работал там до 1972 года. Там тоже по своим занятиям приходилось что-то публиковать, каталоги, обзоры. Есть такой сборник, даже не сборник – справочник.

«Писатели Костромь», фактически я его подготовил – там мое предисловие и большинство моих справок.

– **Виктор Николаевич, а небольшие публикации Вы как-то зафиксировали? Небольшие статьи в сборниках.**

– Вы знаете, нет. Я, например, выступал на архивных республиканских конференциях, знаю, что эти выступления были опубликованы, но этот сборник в Костроме я не видел. Были и другие публикации в сборниках в последние времена, но мне они не известны. Я знаю, что опубликовано, и только.

– **Виктор Николаевич, мы закончили библиотечкой вашу службу, а затем?**

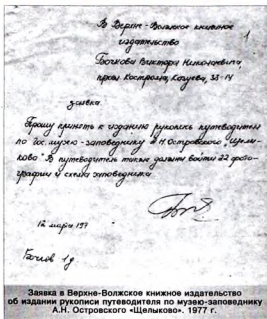
– Затем было Щельково.

– **Забыл спросить, когда Вы поступили в архивный отдел, велико ли жалование было?**

– 88 рублей.

– **Теперь расскажите, пожалуйста, о Щелькове.**

– В Щелькове я оказался случайно в какой-то степени. В 1972 году мы ездили читать лекции по Островскому району по линии Общества охраны памятников. Когда мы были в Щелькове, мы заодно там

фильм снимали любительский с Костровым.

- *А он сейчас существует?*
- Нет, по-моему, его ликвидировали, пленку смыли.
- *То есть и у Кострова его нет?*
- Может быть, и есть, но вряд ли.
- *А как его название было?*
- Не помню, что-то про Островского.
- *То есть Вы какой-то сценарий писали, прежде чем снимать?*
- Да, текст.
- *А он не остался у Вас?*
- Нет. Мы ведь с Костровым довольно долго сотрудничали – «Деревянная Кострома» была по моему сценарию сделана и еще несколько фильмов по Костромскому району, по истории памятников. Тут мы приехали в Щельково, чтобы снять пейзажи, здания, и остались в гостевой половине директоровского дома. Почему-то Сергеев Борис Павлович, он тогда был директором, проникся уважением к нашей деятельности киношной и

поселил нас в роскошной гостевой половине, где обычно останавливался Царев, председатель ВТО, когда приезжал. И я больше всего боялся, чтобы мои спутники что-нибудь не разбили или с собой не унесли.

В последний день я пришел к Сергееву, чтобы поблагодарить его за гостеприимство, а он стал жаловаться, что у него нет заместителя по научной части, и сказал, что ему хотелось

бы иметь такого сотрудника, который знал бы так Островского, как я. И не знаю ли я такого. Я ему сказал, что знаю только самого себя. Он за это ухватился и стал меня уговаривать пойти к нему заместителем. Я колебался, ушел в отпуск, а когда вернулся в библиотеку, мне в первый же день сказали, что меня вызывают в обком партии, и там кто-то из сотрудников идеологического отдела разругал мой обзор, который я писал то ли по экономике, то ли по атеизму... То есть разругал в плане чисто политическом.

Я решил, что мне лучше уйти из библиотеки, боялся, что к следующим обзорам еще больше придирок будет. И как раз в коридоре в обком партии я встретил Сергеева, он обрадовался и сказал, что ждет меня.

Я согласился и через несколько дней был уже в Щелькове, там и остался до 16 октября. Там и остался... Фактически я был заведующим музеем, потому что заповедник состоит из дома творчества актеров, которым занимался сам

Сергеев, и музея, которым я занимался. Даже в штатном расписании одно время было обозначено – зам. по научной части – заведующий музеем.

В Щельково я попал как раз в то время, когда готовилось 150-летие со дня рождения А.Н. Островского, в 1973 году. Я был с 1972 года в Щельково. И я попал, как Чацкий, «с корабля на бал» – мне пришлось сразу же заняться экспозицией к юбилею. Там построили к этому времени здание литературно-театрального музея, его надо было наполнять декорациями. «Дом Соболева» стоял в Бережках – тоже надо было создавать экспозицию. Мне удалось, правда, до меня еще начались контакты, во всяком случае, при мне они завершились успешно, соединить щельковский юбилей с таким художником-экспозиционером, как Лев Сергеевич Кропивницкий – он приехал в Щельково. Это столичный художник, и оформлял несколько музеев, в том числе Маяковского. Он сделал нам великолепные экспозиции, но в музее он не работал, а на втором этаже мемориального дома и в «Доме Соболева». Мне самому много пришлось ездить в Москву.

- *А кроме служебных обязанностей собственная работа делалась?*

- Там я стал писать об Островском, до этого я о нем ничего не писал. За 5 лет я совместно с А.А. Григоровым успел написать книгу «Вокруг Щелькова», подготовить еще ряд книг, в том числе «Заповедная сторона», много публикаций в «Северной правде».

- *«Заповедная сторона» в каком году была закончена, в 1977-м?*

- Нет, раньше.
- *Виктор Николаевич, а как из Щелькова Вы вернулись в Кострому?*

- Вернулся по естественным причинам. Когда я только появился в

Щелькове, туда приехали два сотрудника КГБ из Костромы – один из них Анатолий Михайлович Хромченков. Причем я это знаю не из первых уст – там была сотрудница, которая в то время, как они находились у директора заповедника Сергеева, слышала.

– Стого момента, когда Вы получали эту информацию, как даively события развивались?

– Я был «белой вороной» в Щелькове, потому что я защищал интересы музея, а там как раз главное – дом отдыха. Вся администрация музея тоже предпочитает музею дом отдыха... И начали работать довольно рьяно в Щелькове, набрали хороший состав научных сотрудников, смотрителей, создавали удивительные экспозиции, закупки производили, в командировки уезжали во все концы Союза – собирали материалы о постановках Островского – Прибалтика, Таджикистан, Молдавия, Баку, Ереван – туда уезжали.

– И Вы тоже ездили, да?

– И я ездил, по большей части в Среднюю Азию. Действительно, в музее многое изменилось за это время. Однако это все вызывало такое сопротивление, руководство дома отдыха хотело как-то урвать от музея в пользу дома отдыха... и средства, и командировочные деньги...

– Виктор Николаевич, а кто стоял во главе дома отдыха?

– Во главе дома отдыха стоял сначала Борис Павлович Сергеев, который до этого работал председателем соседнего колхоза, потом, в 1974 году, назначили тоже хозяйственника, завхоза какого-то Московского пищевого научно-исследовательского института Трифона Геннадьевича Манке. Это было волевое решение Михаила Ивановича Царева, который знал его отца. Отец его был агро-

номом, и они работали в подсобном хозяйстве дома отдыха в Щелькове в 1930-е годы. Манке был, пожалуй, ничем не лучше Сергеева, ему музей был чужд. Пришлось сразу столкнуться с этим, и там было несколько вещей, которые сгубили обстановку. В частности, я принял на работу Константина Иосифовича Бабицкого, одного из тех, кто в 1968 году был на лобном месте Красной площади, протестовал против ввода наших войск в Чехословакию.

– Виктор Николаевич, в тот момент, когда Вы работали в Щелькове, могли ли Вы, исполняя административные функции, принимать на работу лично с фиксацией в трудовой книжке?

– Нет, трудовую книжку заполнял не я. Но принимал на работу в музей, конечно, я.

– Расскажите, почему и каким образом в тех краях появился Бабицкий?

– О Бабицком я знал еще раньше, после того как они провели эту забастовку. Однажды, когда я был в Москве, мне кто-то из знакомых сказал, что Константин Иосифович ищет работу, не могу ли я принять его в Щельково. Я согласился, только просил, чтобы он как можно быстрее оформлялся, чтобы я успел все это сделать, пока не вмешаются какие-либо компетентные органы. Когда он приехал, директор заповедника не было, исполнял его обязанности заместитель по хозяйственной части, который делал то, что я хотел. И я его принял, к сожалению, только столояром, поскольку научным сотрудником его никто бы не согласился взять. Да он и сам хотел столояром...

– Виктор Николаевич, значит, до этого Вы с ним не были знакомы?

– Я знал о нем, но знаком не был. Хотю уточнить один момент. Когда

я принял Бабицкого в Щельково, я принял его не потому, что он диссидент, а потому, что я считал его порядочным человеком и хотел ему помочь. В Москве ему работы не было, грозили ему высылкой из Москвы как туеядцу. Тут, в Щелькове, он мог хоть какое-то время прожить... Я знал, что будут конфронтации с КГБ, с администрацией, но просто считал себя не вправе этого не сделать. То, что он был диссидентом, для меня было далеко не главным.

– А столоярному мастерству он выучился или с кровью переишло?

– После того как его арестовали на Красной площади, его сослали на север КОМИ ССР, он работал там то ли столояром, то ли плотником. По-моему, именно тогда овладел этим мастерством. Хороший был столояр.

– То есть он приобрел эту профессию, будучи в ссылке?

– Да, он до этого был сотрудником Института русского языка.

– Он имел какую-то степень?

– Нет. Он должен был защищаться, по-моему, но не успел.

– Виктор Николаевич, в то время сколько ему было лет?

– Он старше меня лет на пять.

– Он уволился после Вас?

– Нет, одновременно почти со мной. Узнав, что меня увольняют, он сразу подал заявление об увольнении сам.

– Вы, кажется, показывали мебель, которую он Вам делал?

– Да, это было уже после того, как мы из Щелькова уехали. Бабицкий казался виноватым в глазах нашей контрразведки, они его опекали всячески, вызывали на допросы, причем если какая-то мелкая кража случалась, то его сразу вызывали в Островское и допрашивали, имел ли он к этому отношение. Потому что у нас нет же политических заключенных.

– Вероятно, и наши костромские подъезжали время от времени?

– Постоянно, хотя он никакой политической деятельностью не занимался.

– О «Континенте» расскажите.

– О «Континенте» что рассказывать. Меня уволили с помощью комиссии Всероссийского театрального общества из Москвы, но были там и костромичи. В день, когда эта комиссия начала работать, наша сотрудница, которая, я считаю, сотрудничала с КГБ, принесла журнал «Континент» и вложила его в ящик стола секретера. Почему-то Федор Михайлович Нечушкин открыл этот ящик и, собственно, обнаружил там этот «Континент». Это все было, конечно, чистой случайностью, кто мог предполагать, что в этом ящике будет лежать этот журнал? В секретере было ящиков двадцать, а ему хватило одного.

– И непременно это сделал Бочков?

– Нет, не Бочков. Эта сотрудница сразу сказала, что это она сделала. Потому что, если бы она промолчала, то могли подумать, что это сама комиссия бросила или еще кто-то... А тут, сотрудница музея, читающая «Континент». Сразу после этого Нечушкин сказал, что и проверять нечего, уже обнаружено достаточно для его увольнения. У комиссии были выдержки из письма одной из сотрудниц московских, которая была в Щелькове. И там были такие выражения, что в Щелькове – группа, которой руководит Бочков чуть ли не на правах первосвященника.

– Виктор Николаевич, это письмо Вам приходилось видеть?

– Нет. Мне пересказывали только. В комиссии были люди, которые уже заранее не хотели ничего решать. В январе 1977 года я поехал в Москву на заседание пре-

зидиума. Это была уже чисто формальность – меня уволили, а потом было заседание. Был такой заместитель Царева, Борис Николаевич Сорокин, он после заседания сказал: «Давайте заявление по собственному желанию, и мы вас освободим от работы». Я ответил: «Нет. Если они считают нужным, то пусть меня освободят по статье».

– Виктор Николаевич, а Вас с материалами комиссии познакомили лично?

– На заседании комиссии был зачитан акт проверки, причем этот акт проверки был сфальсифицирован, там они указывали какие-то мелочи.

– В феврале 1977 года Вы возвращаетесь...

– Да, я вернулся в Кострому. Работы у меня никакой не было здесь, я зашел в обком партии, и они сделали вид, что ни о чем не знали и не предполагали.

– А как Вы ходили?

– К Александру Федоровичу Осину, заместителю заведующего отделом пропаганды и агитации. Там сказали, что поищут мне что-то, но, по-моему, они даже не искали. Я до конца декабря не работал, не числился. Был сторожем, но по чужому паспорту.

– Это неважно, по чьему паспорту, факт был такой? А что Вы сторожили?

– Клуб Звoryкина. Я туда приходил, ложился спать, там, кроме старых кресел, украсть было нечего, поэтому туда никто и не пытался попасть. Тем более в шесть часов я уходил, а там приходили к восьми часам – два часа он стоял просто запертый. Я тогда ездил корреспондентом от еженедельника «Литературная Россия» в Нижний Тагил, в Тарханы, в музей Белинского. Я писал, собирал материалы, потом публиковал. Я еще тогда читал довольно много лекций по линии Об-

щества книголюбов (оно только было создано), Общества охраны памятников. То есть основные мои средства к существованию – гонорары за лекции, деньги, которые я получал с «Литературной России»: командировочные, гонорары за публикации очерков.

– А почему не разрешили лекции читать, экскурсии возить в Щельково?

– Запретили через КГБ. Соединились с Чайковским, председателем комитета по туризму – он запретил давать их мне. Я с ним один раз поспешивал, но две недели возил экскурсии. Через две недели последовало снова предупреждение. Все это тайком делалось. То есть мне говорили, что надобности нет, а после того как я уходил, звонили и умоляли другого, чтобы он поехал в Щельково, так как некому вести экскурсии.

– Виктор Николаевич, сколько времени Вы сторожили?

– Я с сентября сторожил и до конца года. В декабре я поступил в управление культуры, в сектор свода памятников истории и культуры.

– Сидели Вы тогда в ротонде?

– Нет, сначала я сидел там, где и сейчас производственная группа по охране памятников, рядом был архив. Потом меня перевели в здание реставрационной мастерской, потом вместе с группой переехали в ротонду, потом снова оказались на Молочной горе, только с другой стороны (там Зонтиков сейчас). Что мне точно помогло в работе, это то, что я сначала был архивистом, потом библиографом, потом музейным работником, потом работником по истории памятников. Это способствовало тому, что я материалы мог тщательно просматривать.

– Вы стояли у истока свода памятников?

– Я стоял у истоков свода еще до того, как поступил работать в уп-

рвление культуры по охране памятников, потому что я очень много писал паспортов, работа началась с 1968 года. В Щельково я составил несколько десятков паспортов, которые вошли справками в книжку. Справки эти я писал тоже.

– Там был некий Булатов, да?

– Да, Булатов – сотрудник научно-исследовательского института культуры. Он тоже был в комиссии, которая увольняла меня из Щелькова, будучи приятелем Шмелева. Со мной фактически ушли все сотрудники.

– Значит, тот Ваш коллектив все развалился?

– В общем, да.

– Виктор Николаевич, поподробнее, пожалуйста, как получилось все же Ваш кружок при клубе? Как он вообще случился? Откуда он мог взяться? Потому что ведь это явление чисто аномальное для Костромы... Я не знаю, как в других городах, но для нас... видимо, приют дали какие-то сотрудники, очень порядочные люди устроили это дело...

– Да. У нас в клубе была заведующая тогда Ирина Григорьевна Васильева, а Елена Васильевна Сапрыгина была художественным руководителем. И они, зная, что я без работы и мне работу не собираются предоставлять, предложили побыть сначала сторожем, а потом сказали, что будут добиваться ставки (полставки) руководителя краеведческого кружка.

– А с какого времени Вы начали работать?

– С января 1978 года.

– А коллектив у Вас сразу образовался?

– Сначала ходили туда люди «случайные», сотрудники Общества охраны памятников, экскурсоводы.

– То есть люди ходили для поднятия профессионального уровня. А из тех, первых, кто-нибудь

остался сейчас? Или уже люди, с которыми Вы работали вначале, заменились?

– Кое-кто заменился, некоторые довольно долго работали. Я что еще могу сказать про кружок. Сначала у нас не было программы, занятия проходили на случайные темы, кто что предложит. Через полгода (может быть, раньше) – к лету 1978-го, решили составлять «Историю улиц Костромы». И все члены кружка работали таким образом.

– Виктор Николаевич, а создателем этой идеи кто был?

– Это моя идея. Мы, конечно, справки составляли более подробно, чем вошло в окончательную редакцию. Причем, это было так сделано: сначала я составил список улиц Костромы по алфавиту (как ни странно, такого списка не существовало), ведь в Кострому входит поселок Гарь, по дороге на Галич, и хутор Чернятин... Был обязателен выход на место, осмотр достопримечательностей улиц и опрос старожилов, которые рассказывали многое. Так как большинство улиц возникло после 1925 года, еще тогда были живы многие старожилы, которые построили на той или иной улице первый дом. Они рассказывали, что было на этом месте, когда они постройку производили и т.п. Потом мы проверяли все по архивным данным и по материалам бюро технической инвентаризации, то есть все стороны собирали все, что можно.

– Эта связь с бюро очень Вам помогла?

– Да, книгу нашу издало.

– Виктор Николаевич, Вы сошли книгу в печать, но она долго не выходила, около шести лет. Меня удивило то, что я, когда ее открыл, увидел – «Бюро технической инвентаризации», а Вы обращались к властям городским или в облисполком, предлагали этот материал кому-либо?

– В 1984 году один экземпляр написанного текста мы передали в обком партии к Рыбалкину, потому что без санкции обкома такие вещи не издаются. Второй был материал в горисполком у Коробова и его предшественников. Коробов, кстати, помог.

– А какой-то ответ от Рыбалкина Вы получили?

– Только то, что эту книгу надо публиковать.

– А конкретной помощи не было?

– Они бумагу дали.

– А что такой тираж придумал – 10000? Почему не 20000? Не 50000?

– Все зависело от бумаги.

– Этим тиражом, мне кажется, просто обидели? Я знаю достаточно количество людей, которые ищут эту книгу.

– Второй раз издание такой книги не предусмотрено.

– Да, если наша система – издавать к юбилеям, то теперь надо ждать следующего юбилея, и то, если это место не займут каким-либо сборником... Виктор Николаевич, в прошлый раз Вы мне показали Вашу новую книгу. Что-то ведь у вас еще в изданиях есть?

– У меня лежит в «Волжском» издательстве книга «Костромское окружение Пушкина», они обещали ее в план 1992 года включить.

– А Вы давно ее отдали?

– Да года два уж назад.

– Виктор Николаевич, а Вы не обращались к городу, может быть, город захотел бы это сделать? Может быть, и заказным изданием? Автору все равно, заказное оно или нет. А что – гонорар?

– За «Улицы Костромы» мы не получили ни копейки.

– Я знаю, это феноменальный случай. В то время когда все только и занимается «деланием денег», здесь – такое явление...

– Дело в том, что ярославское издательство очень мало издает краеведческой литературы. Оно издает от Костромы только одну книгу в год, и тут была очередь, и я вроде бы попал в 1992 год. Раньше нельзя.

– А еще, Виктор Николаевич?

– Сейчас я пишу книгу «Старая Кострома» – рассказы о домах, людях и улицах Костромы. Первый вариант я написал, сейчас переделываю частично, дополняю, изменяю кое-что.

– А сейчас на какой стадии?

– Первый вариант написан, второй где-то на 1/3.

– То есть меняется структура, да?

– Распорядок глав меняется, дополняется. Сейчас мы с московскими фотомастерами Стин и Фирсовым составляем альбом по Щелькову для издательства «Планета». Там небольшая статья, выдержки из писем Островского, воспоминания современников Островского о Щелькове и фотографии. Альбом будет большой, предполагается, что выйдет в будущем году. Так они считают, во всяком случае.

– Виктор Николаевич, а в сборниках, журналах статьи?

– В генеалогическом сборнике лежит статья по генеалогии, ею я занимался, когда учился в аспирантуре. Есть статья в Москве, в историческом сборнике, посвященная юбилею Сигурда Оттовича Шмидта.

– В ближайшие дни услышат костромичи какие-то очерки по радио?

– Я стараюсь давать 1–2 очерка в месяц, пока я эту систему продвигаю.

– В связи с Вашими публикациями, выступлениями, были ли какие-то неувязки, неприятие Ваших мыслей кем-либо?

– Некоторые мои передачи по радио запрещались – я писал, а цензура останавливала, даже в таком мо-

менте, как «Октябрь 1917 года в Костроме», например. Тогда в КГБ мне даже вопросы задавали, как я посмею сделать такую ответственную передачу на радио. Это Хромченков меня допрашивал. Кроме того, Архипов, в свое время секретарь обкома по идеологии, выступал против некоторых моих передач. Я писал, что в 50-е годы, в последние годы сталинизма, Ленина почти не издавали, приводил цифры, и на самом деле было так. Эти цифры я взял из учебника по источниковедению, оказалось, то, что для учебников можно, то для слушателей нельзя. И еще ряд очерков цензура останавливала. Потом я, правда, приуровился.

– Виктор Николаевич, а как Вас извещали, что Ваш материал не годится?

– Просто, когда я приходил в следующий раз на радио, мне говорили, что цензура не разрешила, не пропустила.

– Сегодня, когда я к Вам шел, встретил знакомую женщину, она, узнав, что я иду к Бочковым, обрадовалась и просила передать, что она с мамой низко Вам в ноги кланяются. Они всегда слушают «Краеведческий очерк Бочкова». И еще, как она мне сказала, когда люди слушают Вас, с них напояная дрянь-то шелуха слетает и они становятся чище.

– Первое выступление на радио было, по-моему, в 1961 году. Был такой журналист Шаровский, мы с ним были в командировке в Солигаличе, и он предложил мне писать на радио.

– Вот тогда и начались первые публикации, да? В каком году?

– Да, это было осенью 1960 года.

– Ну, теперь вот какой вопрос. Самое лучшее творческое время. Бывает же такое – все хочется бросить, а делать только одно, так что и пить не пойду, и есть

не хочу, и спать не буду! Было ли такое время у Вас когда-нибудь?

– Первая половина 80-х годов. До болезни как раз.

– А чем Вы тогда занимались?

– Я как раз тогда написал книгу «Скажи: которая Татьяна?», собственно, тогда же была написана книжка «Заповедная сторона» и «Костромское окружение Пушкина» тогда же. Очень много собирал данных для «Словаря русских писателей».

– А какие у Вас на сегодняшний момент любимые авторы, любимые книги?

– «В поисках утраченного времени», все четыре тома, это, пожалуй, самая любимая.

– А еще.

– Гессе «Игра в бисер», Томас Манн... Из русских писателей Шмелев, «Лето Господне» очень нравится...

– Виктор Николаевич, как Вы относитесь к тем авторам, которые не имеют собственного материала, пользуются такого рода компиляцией, из Бочкова в частности?

– Вы знаете, я к ним отношусь скорее равнодушно, потому что если они пользуются моими материалами, то они, собственно, для этого и создавались. Я люблю, когда мои материалы используются, даже без ссылки на меня.

– Даже если не сослались на Вас, Вы воспринимаете это совершенно спокойно...

– Совершенно спокойно. У меня слишком много материалов, чтобы я мог опасаться за их исчезновение, за их нехватку.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее о книге, которую Вы сейчас составляете. Это, вероятно, будет самая-самая из имеющихся...

– Эту книгу я стал сам называть «Старая Кострома» – рассказы об

улицах, домах и людях города. Там материалы идут с начала возникновения Костромы до 1917 года. Иногда я перехожу на 1918–1920-е годы, но это редко, в определенных только случаях. Там идет описание Костромы по улицам. Начинается с площади Революции, потом идут улицы, перпендикулярные площади Революции, кончается все окрестными, радиальными улицами. Это, скорее, рассказ не об архитектурных памятниках Костромы, потому что я не архитектор и не хочу вторгаться в эту отрасль. Поэтому я, когда нужно архитектурное описание, беру, со ссылкой, разумеется, искусствоведов, архитекторов. Я касаюсь истории домов и истории людей, живших в этих домах... Получается, почти в каждом доме есть кто-то интересный, привлекающий для меня. Причем я не беру только выдающихся костромичей, гостей города, для меня существует и Дмитрий Трифионович Минеев, гласный Костромской городской думы, и Геннадий Николаевич Ботников, костромской городской глава и Шевалдышев, бывший глава и управляющий Костромской Большой льняной мануфактуры. Каждого из них я стараюсь показать так, как можно, согласно имеющимся у меня материалам. Это будут дома и люди, в этих домах жившие.

– *Виктор Николаевич, Вы, бесспорно, читали мемуары Чумакова 60-х годов. Скажите Вашу точку зрения после прочтения их?*

– Материал очень интересный, любопытный и, главное, бытовой. То, что в документах, хранящихся в архиве, почти не отражено, у него очень красочно, ярко описано. Характеристики губернаторов и прочих деятелей не всегда, конечно, полностью объективны, не всегда документальны. Но это понятно, человек писал по памяти, как слы-

шал о них. Материалы любопытные. Побольше бы их было.

– *Виктор Николаевич, а есть ли у Вас ученики?*

– Да, есть. Я считаю, что моими учениками по краеведению были Лариса Сизинкина, Елена Васильевна Сапрыгина, в какой-то степени Ольга Ростиславовна Ильина.

– *Вот эти три человека, да?*

– Да, они наиболее заметны.

– *А еще перед Вами заочник сидит, Анохин, который в сессиях не участвовал... Виктор Николаевич, так сколько же лет Ваша костромская служба насчитывается? Давайте посчитаем. С приезда, с 1959 года, да?*

– Да.

– *Значит, был юбилей в прошлом году – тридцать лет?*

– Да.

– *За все время Вашей деятельности были ли у Вас какие-либо грамоты, награды?*

– Грамоты у нас обычно к 8 Марта давали в управлении культуры.

– *Это – шутка?*

– Нет.

– *Ну, я не понимаю тогда.*

– Просто, так сказать, дают к 8 Марта, объявляют благодарность, дают грамоту.

– *Ну, Виктор Николаевич, это шутка, вероятно?*

– Да нет. Seriously. Поскольку там работает большинство женщин, но есть и мужчины, оказалось, что это обидно будет только женщинам выдавать.

– *Так что, это Вам грамоту вручали, что ли?*

– Были какие-то грамоты по работе.

– *Все-таки грамоты были?*

– Были, разумеется, и в архиве и к 50-летию управления культуры. Я никогда не гнался за этими грамотами.

– *Дело-то не в этом... А получили ли Вы какую-либо помощь от города?*

– Нет, только квартиру получил от города на Козуева.

– *А в смысле помощи конкретной не было ничего?*

– Нет. Не было даже благодарности, хотя я и не нуждался.

– *Дело-то ведь не в этом, Виктор Николаевич, нуждаемся мы в чем или нет. Есть же какие-то старые законы, я считаю, что это, в общем-то, законы, которые надо исполнять. Но у нас почему-то упорно наше сегодняшнее руководство... Я не думаю, что оно, конечно, когда-либо переменился, но полагаю, что оно эти законы так-таки и не примет никогда...*

ПРИМЕЧАНИЯ

АПУШКИН Алексей Александрович (1877–1937) – краевед, составитель словаря выдающихся деятелей Костромского края «Человеческие документы» (рукопись). Председатель губ. зем. управл., председатель Костромского научного общества по изучению местного края (далее КНОИМК). В 1937 году А. был арестован и выслан в Вологду.

БАБИЦКИЙ Константин Иосифович (15.05.1929–1993) – лингвист, правозащитник, участник акции протеста на Красной площади против ввода сов. войск в Чехословакию в 1968 г.

БЕЛОВ Михаил Никитич (1923–1998) – проф., 1973–1998 гг. – зав. каф. отечественной ист. КГУ им. И.А. Шевалдышева.

БЕЛУРОССОВ Лев Михайлович (1890–1984) – 1921–1925 гг. – председатель Солигальского отделения КНОИМК (передал Бочкову рукопись словаря выдающихся уроженцев Костр. края А.А. Апушкина «Человеческие документы»).

БОТНИКОВ Геннадий Николаевич (ок. 1860

– 1922?) – Костр. гор. голова; чл. 3-й Гос. думы.

БУЛАТОВ Н.М. – с.н.с. Научно-исслед. института культуры, редактор-сост. сборника «Мемориальные памятники и памятные места деятелей культуры и науки Костромской области».

ВАВИЛОВА Лариса Васильевна (р. 1937) – выпускница МГИАИ. 1965–1973, 1977–1979 гг.

– Гос. архив Костр. обл. (и.с. зав. отделом фондов); в 1979 г. – сотрудник музея ИЗО. Жена В.Н. Бочкова.

ВАСИЛЬЕВА Ирина Григорьевна (р. 1950) – филолог, преподаватель в школе. В 1977 г. – директор клуба льнокомбината им. И.Д. Зворыкина. В замужестве – Климентова.

ГРИГОРОВ Александр Александрович (1904–1989) – генеалог, историк дворянских родов.

ДЕДКОВ Игорь Александрович (11.04.1934–27.12.1994) – журналист, лит. критик. С 1957 по 1976 г. работал в редакции газеты «Северная правда» зав. отделом культуры, школ и музеев; 1973–1976 гг. – зам. гл. редактора. В кон. 1980-х – в Москве, с 1987 г. – политический обозреватель журнала «Коммунист», затем первый зам. гл. редактора, сотр. ред. журнала «Свободная мысль».

ДЕМЕНТЬЕВ Дмитрий Петрович (1859–1926) – краевед, член Костромской губернской ученой архивной комиссии (далее КГАУК).

КНОИМК. Собирателя рукописей, легенд, преданий по истории Поволжья.

ЕСИН Сергей Николаевич (р. 1931) — писатель, в 1992 г. — ректор Моск. литературного института.

ЗИНИН Александр Александрович (1920—1980-е) — доктор ист. наук, профессор. Автор многих исследований, в т.ч. по истории феодальной Руси.

ЗОНТИКОВ Николай Александрович (р. 1956) — историк; канд. ист. наук, зав. каб. культ. культуры. 1989—1990 гг. — чл.-участник производственной группы Костр. обл. управления культуры, которая располагалась на Млочной горе. Засл. работника и В. И. Бонков.

ЗЕМЛЯНСКИЙ Федор Маркович (1904—?) — участник Финской и Великой Отечественной войн, награжден 2-мя орденами Красной Звезды, орденами Трудового Красного Знамени и Отечественной войны II ст. С 1847 г. — в Костроме. 1947 г. — зам. пред. Костромского облисполкома; 1948—1951 гг. — секр. Костр. обкома КПСС по пропаганде и агитации; 1954—1961 гг. — директор (ректор) Костромского пед. инст. им. И. А. Некрасова; 1961—1967 гг. — зав. каф. маркс.-ленинизма Костромского техн. инст.; 1967—1972 гг. — председатель правления обл. орг. общества «Земляне».

ИЛЬИНА Ольга Ростиславовна (р. 1929) — инженер об. С.Ж. Коллекционер, организатор клуба «Любители старины», чл. краев. объединения при клубе «Л/к-та» им. И. Д. Зворыкина.

КАЗЯРИНОВ Леонид Николаевич (1871—1940) — 1919—1929 гг. — председатель Чухломского отделения КНОИМК.

КОЛБАСОВА Вера Константиновна (29.03.1921—04.12.1993) — 21.12.1957 — апр. 1975 гг. — директор Гос. архива Костр. обл.

КОЛУШКИН Леонид Андреевич (1897—1972) — автор мемуаров о жизни и быте Костромских кон. XIX — нач. XX в.

КОЛЕСНИКОВ — в 1960-е гг. работал инструктором Костромского горкома комсомола.

КОРОБОВ Борис Константинович (р. 1946) — 1886—1889 гг. — зам. предс. Костр. горисполкома; 1989—2002 гг. — предс. Костр. горисполкома, глава администрации г. Кострома.

КОСТРОВ Александр Петрович — препода. Костр. культ.-просвет. уч.-заб. кинофотолюбитель.

КРОПИННИКОВ Лев Сергеевич (27.08.1922—1994) — художник, поэт. Оформил выставки в музее Вл. Маяковского, в музее-усадьбе А. И. Островского «Щелыково».

КУЗНЕЦОВ Феликс Феодосиевич (р. 1931) — критик, литературовед, сотр. «Литературный журнал», 1-й секретарь правления Моск. писат. орг-ции (1977—1987 гг.).

КУДЯШОВ Евгений Васильевич (1936—1985) — искусствовед-реставратор, кандидат искусствоведения.

ЛАГОВСКИЙ Александр Викторович (1891—?) — сын преподавателя костромской гимназии Федора Николаевича Лаговского, племянник Виктора Николаевича Лаговского — собирателя народных песен, автора книги «Народные песни Костромской и Вологодской губерний».

ЛЕБЕДЬВ Геприй Иванович (1905—1988) — краевед. 1934—1975 гг. — директор Чухломского краеведческого музея.

МАЙКЕ Трифон Геннадиевич — 1974—1978 гг. — директор Гос. историко-мемориального музея-заповедника А. И. Островского «Щелыково». Бывший заместитель Моск. писательского союза-кссед. инст.тута. Назначен решением М. И. Ларца, который знал его отца (отец — агроном, в 1930-е гг. вместе с Царевым работал в подобном хозяйстве в Щелыкове).

МИШЕН Евгений Григорьевич (?—?) — костромской купец, его брат Трифон Григорьевич умер 1890 г. в возрасте 35 лет в г. Костроме).

МИХАЙЛОВСКИЙ Борис Васильевич (1899—1965) — литературовед, д-р фил. наук, проф. МГУ.

НЕВЕЛСКИЙ Геннадий Иванович (1813—1876) — адмирал, выдающийся исследователь Восточной Сибири.

НЕВСКИЙ Леонид Александрович (1895—1960) — 1923—1930 гг. — председатель Перестроцкого отделения КНОИМК.

НОВОСЕЛЬСКИЙ Ал. Андреевич (1891—1967) — доктор ист. наук, проф. Труды по социал. и военной истории феодальной России.

НЕЧУШКИН Федор Михайлович (р. 1926) — в Костроме с 1959 г.; 1959 г. — лит. сотр.ник газ. «Северная правда», 1966—1967 гг. — инструктор отдела проп. и агит. Кос. обкома КПСС (зав. сектором печати, радио и телевидения); 1967—1970 гг. — зам. зав. отделом Управления культуры Костр. обл.; 1971—1984 гг. — зав. управлением культуры Костр. обл.

ОСНИН Александр Федорович — в 1977 г. — зам. зав. отделом проп. и агит. Костр. обкома КПСС.

ПОЛУБИНСКИЙ Николай Александрович (19.01.1885—?) — выпускник историко-филологического ф-та Московского университета, поэт, гражданин. Старикист г. Кострома.

ПЯНИНЫХ Михаил Федорович (1929—2003) — филолог, литературовед, писатель. В кон. 1960-х гг. — пред. КТН им. Н. А. Некрасова, позднее — доцент Ленинградского пед. инст. им. А. И. Герцена.

РУМЯНЦЕВ Сергей Сергеевич (р. 1929) — художник.

РЯЗАНОВСКИЙ Иван Александрович (1869—1927) — искусствовед, краевед, правитель дел КГУАК. Коллекционер старинных рукописей, старопечатных книг, оригинальных предметов народного быта и искусства. Участник создания Романовского музея в Костроме, создатель КНОИМК. Во время первой мировой войны жил в Петербурге, занимался переводом книг для газет и журналов, работал в библиотеках и архивах над историей Костромы. На его «средства» в петерб. квартире бывали А. А. Блок, А. А. Бялыницкий, А. М. Беников, А. И. Тельский, П. К. Рерих и др. После 1917 г. преподавал историю развития художественного стиля на театр. курсах Наркомпроса, которыми руководил В. Э. Мейерхольд. С 1920 г. — науч. сотр. Костр. губ. архивного бюро.

РЯЗАНОВСКАЯ Александра Петровна (1880—1973) — дочь святи и красн. Петра Васильевича Звездинца, жена И. А. Рязановского. В 1937 г. переехала в Госуд. Третьяковскую галерею письма Б. М. Кустомова Рязановскому, в 1947 г. большая часть архива Рязановского поступила в Гос. старинный литературный музей, в 1961 и 1962 гг. через В. И. Бонкова переехала часть архива в дар ГАКО. После пожара в архиве 1982 г. часть документов утрачена.

САЙРИНОВ Елена Васильевна (р. 1946) — краевед, писатель, автор статей по истории костромского дворянства, о фамильных гербах, книг о П. А. Катенине и его окружении, о дворянских родах. Член объединения краеведов при львовском ин-те И. Д. Зворыкина.

САХАРОВ Анатолий Михайлович (1923—1978) — историк, доктор ист. наук, профессор МГУ. Труды по русск. феодализму, методологии историч. исследования, историографии. Лауреат Гос. прем.

СЕРГЕЕВ Юрий Павлович — в 1973/74 гг. — директор Гос. ист.-мемор. музея им. А. И. Островского «Щелыково». До этого — председатель комитета.

СИТНИН ВА. Лариса Ивановна (р. 1958) — канд. культ., зав. историко-краевед. секциям отделом Костромского гос. университета историко-археологического и художественного музеев-заповедника. Преподаватель КГУТУ. Автор многих публикаций по истории Костр. края.

СКАТОВ Николай Николаевич (р. 1931) — выпускник КТН им. Н. А. Некрасова (1953).

пред. историко-фил. ф-та КТН. С нач. 1960 г. — в Ленинград. Литературном, д-р филолог. наук, чл.-кор. РАН, директор Ин-та рус. лит-ры (Пушкинского Дома), и.о. ред. ж. «Рус. лит-ра». СМИРНОВ Василий Иванович (1882—1941) — этнограф, археолог, краевед. Организатор (1918 г.) коллегия по охране пам. иск-ва и старины в Костроме, в 1912 г. — чл. учен.-упредитель КНОИМК, 1912—1920 гг. — секретарь КНОИМК, 1921—1929 гг. — председатель КНОИМК, 1919—1929 гг. — зав. музеев местного края. Учености медали Рус. географ. общества за Уостоинность работ.

СКОРНИН Борис Николаевич — в 1977 г. — зам. пред. ВТО.

СТИИ Ирина Игоревна (р. 1930) — фотохудожник, г. Москва.

ТАМАРЧЕНКО Давид Евсеевич (1907—1959) — профессор.

ТОПОРИК Екатерина Густавовна (1917—1988) — поэт, гражд. Костр. обл., засл. раб. культ. РСФСР. 1948—1956 гг. — гл. арх. Костромы, 1956—1957 гг. — гл. инженер обл. отдела по делам стр-ва и арх., 1957—1975 гг. — гл. арх. Костр. спец. научно-производств. мастерских (СНПИМ). Дед. горюста (1950—1959). Председатель правления Костр. отд. Союза архитекторов РСФСР; чл. редакц. и изд. совет. по подготовке и изданию свода памятников истории и культуры РСФСР.

ФИРСОВ Анатолий Васильевич (р. 1930) — фотохудожник, г. Москва.

ХРОМЧЕНКОВ Анатолий Михайлович (? — в 1970-е гг. — сотр.ник КГБ; в кон. 1980-х — пономщик запаса.

ЧАЙКОВСКИЙ Владимир Афанасьевич (р. 24.10.1934) — с 1950 г. — в К. врас. Костр. обл.: слесарь-фрезеровщик; механик-водитель райавтобуса; 1958—1960 гг. — инструктор, 1-й секретарь Красн. райкома ВЛКСМ. 1960-е гг. — инструктор Костр. обкома ВЛКСМ. В кон. 1970-х гг. пред. комитета по туризму и экскурсиям.

ЧУМАКОВ Сергей Михайлович (1892—1964) — председатель кооп. уч. круж. рода, основатель воспоминания о становлении семейного табачного и муного дела в Костроме.

ШЕВАЛДЫШЕВ Владимир Алексеевич (1874 — после 1971) — управляющий фабриками Товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры (1905—1917), коммерции советник (1913), костромской городской голова (1913—1916).

ШМЕЛЕВ Анатолий Александрович (1936—2005?) — 1-й предс. ВООИМК, директор Костр. историко-архит. музея-зап. «Патристическая монастырь».

ШМИДТ Сигурд Оттович (р. 1922) — докт. ист. наук, проф. с 1968 г. — председат. Археографической комиссии АН СССР. Основные труды по истории русск. феодализма (XVI в.), историко-экономико. историографии, археографии.

ШУВАЛОВ Николай Васильевич (02.08.1929—25.01.1984) — художник. Уроженец г. Кострома, выпускник Костр. худ. уч-ща, Моск. ин-та прикл. и декорат. иск-ва, Ленинградского высш. худ.-проф. уч-ща им. В. И. Мухоморова, Член СХ СССР, преподаватель.

ШУВАЛОВА Татьяна Владимировна (р. 08.1929—28.12.1980) — художница. Выпускница Костр. худ. уч-ща. Член СХ СССР. Жена И. В. Шувалова.

ЦАПИН КАИ-СИ Федор Михайлович (р. 1929) — проф. В кон. 1960-х — предс. философии в КТН им. Н. А. Некрасова, позднее — Владимирского пед. универ. Нар. деп. РСФСР (нояб. 1989 г.).

ЦАРЕВ Михаил Иванович (1903—1987) — нар. арт. СССР. Герой Сов. Труд. профессор театр. уч-ща им. Щепкина. 1864—1906 гг. — предс. правления совета ВТО. С 1920 г. — в театре им. Н. С. Мейерхольда, с 1937 г. — в Малом театре (с 1985 г. — худрук) Гос. премия СССР (1947, 1969 г.).

Конференция

Т. Ф. Дедкова, журналист,
преподаватель факультета журналистики МГУ,
засл. раб. культуры РСФСР (Москва)

Л. В. Вавилова,
вдова В. Н. Бочкова

В читальном зале архива

Конференция

о. Александр (Шастин), благочинный Галичского благочиннического округа

С.С. Лесневский, литературовед,
генеральный директор издательства
«Прогресс-Плеяда» (Москва)

В зале конференции

В.А. Серов. Портрет Е.А. Балиной. 1911 г.
(к статье О. Ильиной)

**«Сегодня у меня день оказался очень светлым:
получил Ваше письмо...»**

Из переписки В.Н. Бочкова с И.А. Дедковым

Длительное время Государственный архив Костромской области вел переговоры с вдовой Игоря Александровича Дедкова Тamarой Федоровной о передаче на государственное хранение личного архива Игоря Александровича.

Наконец в сентябре 2006 года произошла первая передача документов. Среди документального собрания, поступившего в архив, – письма, адресованные И. А. Дедкову самыми разными людьми. Есть среди них имена, знакомые каждому костромичу: Владимир Григорьевич Корнилов, Михаил Федорович Базанков, Василий Травкин, Евгений Федорович Старшинов и его жена Т.В. Птицына, Анатолий Васильевич Беллев, Владимир Михайлович Смирнов-Старателев, Роберт Блянк, Вячеслав Александрович Сапогов, Виталий Васильевич

Пашин, Владимир Рахматов, Дмитрий Тишинков...

Нельзя сказать, что переписка с каждым из них обширна и содержательна, но, тем не менее, представляет огромный интерес.

Письмо Евгения Старшинова от 16 апреля 1974 года: «Дорогой Игорь! Я путешествовал. Был в Полтаве в гостях у моего бывшего сержанта Павла Стасова и в селе Чутове – у «железного комбата» Харченко (оба они есть в «Левом фланге»). Был на Днестре, где наша дивизия первой в 5-й гвардейской Армии форсировала реку и заняла плацдарм, на той стороне где-то и я был ранен. А в селе Ташлык, которое встретишь в стихах, хирург потрошил меня и два осколка – «немецких сувенира» оставил на память в теле моем. Теперь-то я узнал, что такое молдавское гостеприимство,

– усы мои аж багровели от вина, и понял, как это А. С. Пушкин, дом-музей которого в Кишиневе я, разумеется, не мог обойти, за короткое пребывание на этой земле, ухитрился написать «Цыган», «Братьев-разбойников», «Гавриилиаду», «Песнь о вешем Олеге», «Черную шаль» и многое другое.

... Это письмо пишу в поезде, идущем по маршруту Одесса – Новосибирск. Сойду в Полтаве. Надо еще кое-где побывать. Чувствую, что по возвращении будет нужда в деньгах, поэтому посылаю то, что родилось по первым впечатлениям, и, хочется верить, может быть напечатано без особой отяжки на страницах «Северной правды». Везу: а) бочонок молдавского вина, б) благодарственный адрес Григорипольского РК КП Молдавии¹... в) большую банку персикового

И.А. Дедков, В.Н. Бочков. Щельково. 1970-е гг.

компота...г) несколько фотографий...д) книги молдавских поэтов и прозаиков с автографами и без оных. Вот какой я богатый! Поэтому и гроши текут безудержно. Поэтому и было челою, чтобы приехать к гонорару. Привет друзьям-журналистам. До скорой встречи».

«Дорогой Игорь!...Жаль времени съездить к любопытному человеку, о котором услышал в Волго-реченске на пристани. Он живет в д. Щипнево, что в 2 км от с. Сидоровского. Он на 4 года помоложе Ленина – ему 98 лет. Курил, пил, работал в колхозе конюхом, пережил двух жен. Ни разу не болел. Это Капралов Павел Иванович. Я разговаривал с его сыном Иваном Павловичем, которому 73 годика *всего лишь*, и он привозил в Волго-реченск корзинку луку. Об отце своем рассказывает: «Приду к нему с чекучкой. Выпьем. Спрошу: не мало ли? Может, съездить на велосипеде в Сидоровское? Он отвечает: Зачем на велосипеде. А вдруг он у тебя забуксует. Лучше я пешком сбегает».

Глядишь: через полчаса уже идет обратно. И слух хороший, и зрение, и память. Поговорить любит. Вот бы интервью взять. Только подготовиться надо. Привет всем. Е. Старшинов. 16 апреля 1972г.»

«Дорогой Игорь Александрович, здравствуйте! Во-первых, огромное спасибо Вам за то удовольствие, какое я получил, читая Вашу последнюю из вышедших книгу. Вы так умно и лирично написали о творчестве Лени Воробьева! Кстати, Вы не послали эту книгу Лениной жене в Новгород. Может, мне послать? Третьего октября будет пять лет, как он ушел из жизни. На днях мы с Мишей Зайцевым отправили сами фотографию Сергея Потехина в «Лит [ературную] Россию». В середине августа я, зная о готовящейся там подборке его стихов, послал Сереже в деревню две фотографии и закладку его немедленно самому отослать в еженедельник. Он почему-то не сделал этого. Вот они, поэты русские!.. Крепко жму руку. С приветом, Олег Каликин. Галич, 26 сентября 1981г.»

«Игорь Александрович, с днем рождения и хорошей погодой. В Конторе² все стали такими, какими и запрограммировала их природа, а некоторые, благодаря чуткому руководству, улучшили показатели. Контора успешно отрывается от народа. Сотрудники пронумерованы, райцентры переименованы... Ну и так далее, Игорь Александрович. Вы все-таки за кого: за большевиков или за коммунистов? В Костроме. 10 апреля 1977 года. Володя С.³»

На протяжении нескольких лет Игорь Александрович переписывался с молодым человеком Алексеем Блохиным, отбывающим наказание в тюрьме. К сожалению, из имеющихся писем не удалось понять, за что его осудили и как Дедков познакомился с ним. Но Игорь Александрович принимал в его судьбе живейшее участие. Алексей решил заняться переводом стихов, просил проконсультировать его, давать оценку как собственным стихам, так и переводам. А переводил он ни много ни мало стихи Абая с казахского языка.

«Здравствуйте, Игорь Александрович! Сегодня у меня день оказался очень светлым: получил Ваше письмо и прочитал в «Новом мире» поэтическую часть творческого наследия Александра Трифоновича⁴ (журнал дали всего на час). Замечательный день! Кроме того – сегодня вторник. Вы, вероятно, уже побывали в редакции и показывали мои стихи и сонеты... Я, наверное, не совсем хорошо поступаю, отнимая у Вас время на просмотр моих черновых вариантов сонетов, тем более что Ваши замечания в большинстве случаев не являются для меня неожиданными, а просто подтверждают мои личные сомнения, но для меня Ваши замечания – большое дело: я уже не просто догадываюсь, а знаю, как нельзя писать. И последнее, Игорь Александрович. Если мои стихи газете подойдут, хорошо было бы гонорар за публикацию перечислить в Фонд мира или Чернобыля... И вообще, мне кажется, любительские стихи оплачивать не следует, по крайней

мере – за газетные публикации. Всего Вам хорошего и доброго. Ваш Алексей. 10 марта 1987г.»

Безусловно, наиболее ярко личность Игоря Александровича раскрывается в переписке с друзьями, родственными душами. В нашем архиве хранится довольно полная подборка писем Дедкова, адресованных В.Н. Бочкову. Первое из этих писем датировано 12 июля 1966 г. Это было время, когда все обращались друг к другу «старик» и портрет «старика Хэма»⁵ висел на стене в доме каждой семьи, считающей себя интеллигентной. Все были молоды, полны задора, в моде была снисходительная ирония. И письма полны этими ироничными настроениями.

Тамара Федоровна Дедкова любезно дополнила эту переписку ксерокопиями писем Виктора Николаевича Бочкова, адресованных Игорю Александровичу Дедкову, объединила их между собой, чтобы получилась целостная картина настоящей мужской дружбы, тесного общения двух выдающихся личностей.

«Игорь! Дважды я ходил в воскресенье на рынок за рыбным кормом, однако, увы! — в продаже его не было. В будни же, по слухам, его не продают вовсе. Не надеясь на успех и впрямь (по-видимому, раскупают у продавцов сразу же, и надо прийти в этот момент) и не желая стать причиной голодной смерти ваших питомцев, призываю тебя закупить им корм в Москве самому и выслать побыстрее бандеролью в мой адрес (Симановского, 26, АО). Я получу и отнесу. Мы здесь живем сравнительно с твоими рыбами в некотором благополучии. Au revoir! Виктор.»

07.06.1964 г. (Из Костромы в дер. Шабаново Вологодской области).

«Дорогой Витя. Прости, что тревожу тебя на твоём служебном посту в ответственную минуту просушивания плавок на спинке стула почтенной сослуживцы. Но твоя доброта не дает мне покоя, и оттого я звываю к твоему чуткому сер-

дцу: о, приди в понедельник, 7 числа, на вокзал! Каторжных тяжестей не будет, но просто на всякий случай — вагон № 9.

Мы обретаемся в столице, пока Стасика* не видели, да и вообще никого не видели, потому что погружаем в суе. Единственное благое дело я сделал, смотрел два матча дублеров ЦСКА (с Киевом и Донецком). Так что могу сделать подробный доклад о резервах сов[етского] футбола.

Кострома, говорят, на месте. Возвращаемся с радостью. В своей роде лучше. Надеюсь, что вы с Ларисой⁷ пребываете в добром здравии и ветресь в отпуск. Ларисе наш большой привет. До скорой встречи. Привет от Томи⁸ и Володьки. Всего доброго. Игорь».

Лето 1965 г.(?) (Из Москвы в Кострому).

«Дорогой Виктор, я буду не я, и главные реки традиций пересохнут, если я не напишу, что мы плакали, читая твое письмо, и балтийский песок увлажнялся по причине нашей общей растроганности. По просьбе Володьки зачитывали ему письмо дважды, особенно ему понравилось про огород дяди Федей⁹, в котором вы таились от всяких взоров и ушей. Со своей стороны я глубоко сомневаюсь, что вы пили мало, а если это правда, то напрасно вы поступали так, а не иначе. На твоём месте я бы всячески рекламировал неизвестную тебе калгановую, настоящую на ценных травах со двора ликероводочного завода.

На упомянутой в предыдущем послании моем — прибалтийской немецко-русской земле мы пребываем последние дни. 14-го мы отправимся в Москву, чтобы 22-го вклиниться в благословенную Кострому. Про то, как здесь и что, мы расскажем при встрече, потому что любопытного здесь много, в частности, этот край наталкивает на размышления «по германскому вопросу». Сожалею, что начало футбольного чемпионата мы созерцаем позорно, зато основные игры нам выпадет смотреть вместе. Лю-

бопытно, где ты устроился для полудночных бдений, или ты презрел это развлечение человечества?

Мы очень благодарны тебе за посещение нашей «избы», будем также благодарны, если прилетишь к поезду (выход ближний к мосту). Наш большой привет Ларисе. Много ли она заготовила сена во славу колхозного строя, и благоприятствовала ли ей погода? [...]

Привет наш огородникам и страдалцам — педагогам Пьяных. Я уж устал от отпуска, надо бы отдохнуть, и чужие лица надоели, и хочется всех вас увидеть.

Море шумит хорошо, но с собой его не увезешь, и жить бы здесь можно, и поселиться даже, но земля зыбкая, вся в немецких надписях и по-немецки ухоженная.

Всего вам с Ларисой самого доброго. До скорой встречи. Игорь.»

12.07.1966 г. (Из Светлогорска Калининградской области в Кострому).

«Дорогой Виктор, говорят, что ты упиваешься Москвой. Неужели это правда? Я очень жалею, что бледная атмосфера столицы размоет твой крымский загар, и мы, несчастные северяне, не сможем лицезреть тебя в лучшем твоём виде. Приедешь ли ты к долгожданному празднику? У меня что-то пересохло в горле. К тому же я очень надеюсь, что ты привезешь какое-нибудь чтиво и какое-нибудь пиво. Ах, чтобы не забыть, тебе кланяется Юра Куранов¹⁰ из дома номер 5 по улице Полевой, имеющей быть в сельце Пышуг Костромской губернии. Кланяется и зовет в гости. В нашем листке им напечатано сочинение, озаглавленное «Лето моего счастья». Имеется в виду то самое лето, когда он прыгнул на кузнечике из Шары в Пышуг и зашел случайно на почту.

Вообще-то, что ты там делаешь в граде первопрестольном? Наши жены ходят по концертам, а я воспитываю сына, читаю Бунина и думаю, что бы сочинить для моего прожорливого стола? А ты преда-

ешься науке и упиваешься Москвой? Не забойтись ли нам состоянием твоей нравственности? Сидит тут Шапошников в старой шапке из мягкой шляпы и как всегда улыбается; и ветер его сечет, и дождь мочит, и град колотит, а он улыбается и утверждает, что за последнее время стало меньше радуг на небе. Общественность усматривает в этом наем.

Прости, кто-то трубит, сзывая нас на обед. Мое словоизвержение иссякает. Короче, мы ждем тебя на праздники или раньше, а то, брат, скушно.

Всех тебе благ. Привет тебе от Томи и всех наших. Игорь».

24.10.1966 г. (Из Костромы в Москву).

«Дорогой Витя, почта принесла радостное известие: ты, наконец, в Алупке, ты добрался, наконец, до *етова* моря, *етого* песка, *еттова* винограда и *етфих* скал! О долгожданная свобода, о долгожданная пора! Среди туземного народа веселой прихоти игра! Не надо в книге¹¹ отмахаться, не надо делом заниматься, простор, песок и глубина** и кружка доброго вина!

[...]А у нас тихо, и светит солнце, и летит над полями паутина! А у нас — первый класс! И тишина, и благодать, и хорошо. Игорь.

Виктор! Будешь в Ленинке, посмотри, кого можно выписать из эмигрантов. Ладно? Ларисе и тебе кланяются все мои. И я. Получил ли ты деньги в Симферополе? Послали сразу же. Счастливого вам отдыха.

*книга, возлежащая в архивном учреждении

** глубина, которую ты проныриваешь на страх Ларисе».

19.09.1967 г. (Из Костромы в Алупку).

«Милый Игорь, ровно неделю назад мы с тобой попрощались в Костроме, а теперь вот я благоденствую в Попасной. То ли переезды с их сумятицей причиною, то ли смена обстановки, не знаю, но мне кажется, что неделя растянулась вечностью.

Лариса родила. Она до последнего момента ждала моего приезда, уже не могла встать, и я — с корабля на бал — через час повез ее на машине скорой помощи в роддом. Это учреждение в Попасной невелико, и мне пришлось-таки послушать, сидя на улице, стоны жены — они и туда доносились. Однако все окончилось благополучно — девочка. Тебе всякие данные не интересны, и я для Тамары: вес 3200, рост 52. Хождение мое с передачами, естественно, продолжается, но заботы все я переложил на тещу, являюсь, по существу, лишь носильщиком. Родственники прислали всякие посылки, и, надеюсь пока, что закупка пеленок и т.д. меня минует.

Погода здесь стоит теплая, а дожди, в отличие от Костромы, не мешают: 10-минутный ливень, и снова солнышко. Хожу гулять в степь — по сторонам проселка подсолнухи, кое-где кусты, попадаются ставки — тогда кунаку. Гуляю подолгу и, когда устаю, по-чумачки устраиваюсь на обочине под кустом и сплю. Хожу весь день голым по поясу. Вообще на Украине времяпровождение как-то отличается от нашего — ритмом, темпом, что ли.

Дома у нас дым коромыслом. Масса родственников — женщины весь день что-то варят, а мы, мужчины (тоже в незначительном количестве), приносим и уносим ведра, пьем водку и вино, говорим, сидя в саду, о политике или читаем всякую дребедень, роясь в солидной библиотеке тещи. Я специализируюсь на отгадывании кроссвордов — по три-четыре в день.

Заниматься ничем всерьез нельзя: то полупьян, то занят разговором. Привез я недоконченную статью, но пишется она медленно, вяло, да и материалов под рукой нет. Зато власть смотрим футбол по телевизору. Помимо московской программы он берет Киев, Донецк и Луганск, и все матчи этих команд, у вас не транслируемые, здесь показываются. Позлорадствовал я, когда киевское «Динамо» играло с

«Кайратом» (а как тебе позорный счет с голландцами?).

Фруктов тут много, но я не убежусь, наелся в первый же день, и аппетит у меня к ним поубавился. Виноград, правда, лишь поспевает. А в целом немного скудно, и три недели впереди не радуют. И с отцовством никак не могу свяжнуться. Показали мне в окно девочку: смешная, губами перебирает. [...]

В Москве я был всего три часа, проехал с вокзала на вокзал и ничего, понятия, не видел. Наверное, так получится и на обратном пути. Ты-то как? ... Я тебя, видимо, еще успею по приезде застать отцом одного ребенка. Жаль, что новое наше вино только зальют, а старое мы выпьем. Ну да, полагаю, и в Костроме что-нибудь появится.

Напиши мне, пожалуйста, все-таки, твое письмо напомнит мне о Костроме. Тамаре мой поклон и всяческие пожелания. Лариса тоже вас обоих приветствует. В.

P.S. Ежели в газете¹² появились за время моего отсутствия твои или мои описки — не почти за труд прислать вырезки.

14.08.1968 г. (Из Попасной Ворошиловградской области в Кострому).

«Тов. И.А. Деджову от гр. Бочкова В.Н., прож.: г.Москва, Д-234, корпус «Д», к. 329.

Заявление.

Надеясь на Вашу известную доброжелательность, прошу Вас:

1. Помнить обо мне;
2. Приобретать для меня надлежащую литературу;
3. В случае моей скоропостижной смерти вступить в авторские права рецензии на книгу Ч., рассказа и др. произведений моего пера;
4. Не полениться написать мне;
5. Кланяться достопочтенному семейству Деджовых в лице как Тамары Фёдоровны, так равно и Владимира и Никиты Игоревичей;
6. Напоминать обо мне знакомым. В чем и *подписуюсь*. В.Бочков.

P.S. Стасик ленив, *безделен*, но бодр. Тщитесь приехать с сыном в

Кострому в начале ноября, хотя и нетверд в сих планах.

В Ленинской библиотеке я написал для тебя из каталога книги, кои стоит заказать по МБА:

К.Н.Леонтьев. О романах гр. Л.Н.Толстого. М., 1911;

Наши новые христиане. Ф.М.Достоевский и гр. Лев Толстой. М., 1882.

Ф.А.Степун. Основные проблемы театра. Берлин, «Слово», 1923.

С.Н.Булгаков. Два града. Т. 1–2. М.: «Путь», 1911;

От марксизма к идеализму. СПб., 1903;

Тихие думы. Из статей 1911–1915 гг. М., 1918.

Бердяев изъят. Впрочем, его превосходная статья (и большая) в 94-й книге «Вопросов философии».

Если хочешь, можешь сообщить фамилии авторов, и я список дополню.

Только из Гос[ударственной] публ[ичной] историч[еской] библ[иотеки] можно выписать:

Л.И.Шестов. Достоевский и Ницше¹³ (Философия трагедии). Берлин: «Скифы», 1922;

Ф.А.Степун. Жизнь и творчество Берлин: «Обелиск», 1923. В.»

22.10.1968 г. (Из Москвы в Кострому).

«Милый Игорь, были с Ларисой весьма тронуты, получив послание ваше. Я-таки в столичной суете и разбеге успел соскучиться по Костроме и небезырым беседам с тобою и вот — пишу. В Попасной был неделю, но пронеслась она незаметно: пириштва, работа в саду и т.д. Лариса благополучна, *младенца* ведет себя спокойно, и я, слушающая ее попискивание, вспоминал басовитый рев вашего Никиты Чаю, и он здоров? Ларисе и то помогает, что родители её во внучку души не чают и совсем ее затискали, превратив в «общего» члена семьи. Меня они, конечно, нагрузили на прощание банками, но до Костромы я едва ли довежу...

Занимаюсь я усиленно — и в архивах, и в библиотеках. Более все-

го испытываю приязнь к Историческому музею – там в отдел письменных источников надо ходить через все залы, и я по дороге осматриваю, что поинтереснее. В Историческую же библиотеку зашел и Стасика¹⁴. Он почему-то увлекся Франциском Ассизским и сидит рядом со мной, усердно выписывая из книг, которые я ему беру. Зато по вечерам он водит меня по домам журналистов и литераторов – пить, разумеется. В первом встретили прекрасного Калабашкина, а во втором Стасик выдает меня за хакасского поэта Доможакова. И Заурих, и Гончаров намерены меня переводить. Были даже на прогоне «Тартюфа» в театре на Таганке. Оказывается, Лесневский прилично знаком с Любимовым¹⁵ – тот ему обрадовался. А я наматал это на ус и требую теперь билеты без стеснения. [...]

За мою память о тебе прошу и твоего внимания к моим североправдинским делам, ежели у меня не все отвергнуто, но и не все напечатано. Мне по приезде, естественно, понадобятся деньги. И ежели в книжном магазине что появится, тоже не забудь – здесь я по магазинам не хожу.

Тамаре усердно кланяюсь. В.»
16.11.1968 г. (Из Москвы в Кострому).

«Милый Игорь! Надеюсь, ты написал мне, но письмо еще не дошло.

Сегодня в библиотеках сандень, а мы со Стасиком (твердо уповающим на свидание с Костромой) отправились наносить визиты. Сначала к Золотускому¹⁶ – он жаловался, что ты обманул его, потом в «Новый мир». Там Озерова, завидев меня, вдруг вспомнила, что должна позвонить в Кострому «Старцеву», я же побеседовал с Буртинным¹⁷. Лесневский все-таки написал что-то в «Лит[ературную] газету» и «Юность» и пережалеет – пройдут ли. А я обрадовался только всего, когда узнал, что моя статья стоит в третьем номере. У меня – монотонное писание диссертации¹⁸. Ежедневная норма – 5 стр.,

сижу в Историчке с 9 час. утра до 9 час. вечера. Взял, правда, зарубежные книжечки А.М.Ремизова и прекрасные карлейлевские «Памфлеты последнего дня» – ими и Стасика соблазнил. Читаю по полчаса после трех часов работы. А так никуда не хожу из-за полного безденежья. Не забудь, пожалуйста, сказать в вашей бухгалтерии, чтобы мы не переслали гонорар в Москву на «К-9» (не на университет). Какая-то ерунда получилась – даже на метро не хватает. Но настроение у меня улучшилось – видимо, втянулся в новую жизнь, а так, почти каждый день приносит одни неприятности. Все, полагаю, идет полосолами. [...] Книгами ты пополняешься? Когда будешь подписываться на 2-х-томник Сталина, оформи и меня. Тамаре кланяюсь. В.»

1968 г. (?) (Из Москвы в Кострому).

«Дорогой дядя Витя. С трепетом и почтением слагаю свое письмо. С почтением и трепетом. «В надежде славы и добра». О укоризны Ольденбурга! Как наша жизнь проходит бурно! (Между прочим, я подозреваю, что в Москве ты не вегетарианствуешь¹⁹. И лопаешь сосиски) ... Как наша жизнь проходит бурно? С большим скрипом и гриппом. Без божества и вдохновения. В ожидание перемен, чтобы можно встать с колен. [...] Что будет дальше, не знаю. Сейчас где-то обдумывают: не послать ли меня сборком «Правды» в Сибирь. И я обдумываю: не уехать ли, если предложат. Остальное неинтересно. Разве что выйдет с «Нов[ым] миром». Там уже есть веретка моего сочинения.²⁰ Прочел твоё письмо – хотел как-то успокоить: напечатают, издадут, будешь кандидатом. Всему свой срок. Впрочем, не ты ли зывал – не поддаваться суете и больше думать о том, что будет *потом*? А вдруг ты появишься здесь числа 11-го? Со Стасиком? Вот славно будет! При свете дня голова рассуждает здраво и по-бухгалтерски. По вечерам и ночью не знаешь ничего и хочется совершать поступки. И еще был хоккей. С двумя праздниками и отвратительным итогом.

Не горюй. Не сердись, что долго не писал и не пришел тогда на вокзал. Я, брат, полмесяца проболел. Вот как. Жаль, что теперь нет извозчиков. Извозчиком тоже было неплохо трудиться, перевыполняя план. Стасику – поклон. Я ему написал тоже. Мое семейство кланяется тебе и жалеет плодотворной научной работы. Бдя, не злоупотребляй коньяком. Чао! (Это что-то вроде «прощай» по-древнеримски.) Игорь.»

Март 1969 г. (?) (Из Костромы в Москву).

«Дорогой Игорь!

Паки и паки поздравляю тебя с днем рождения, вощылаю напутствия в дальнейшем плавании по волнам бурного моря житейского и горько сожалюю, что даже в такой высокознаменательный день не буду рядом с вами. О, как вкусен был бы для меня заветный коньяк, добытый из обкомовских запасов прилежным лыпуновским рачением²¹! А памятные Тамарины салаты! А! Но нет в здешнем моем узиле ни коньяка, ни салатов, и я питаюсь акридами и диким медом, собираемым для меня Лесневским²² в глуши сокольнических лесов. Поэтому, моллю, не держи долго Стасика – он моя опора и попечитель. В день рождения человеку надо внушать что-то мудрое. Но безвучен собственный голос, косна и наивна мысль, а рядом столько золотых слитков – как не соблазниться. Изволь: «Быть человеком – это поднять высочайший, какой ни есть, труд и, взяв его так, со сжатыми губами и стиснутым сердцем, бесстрашно нести, светя и светясь по путанной ночи судьбы и суда» (А.М.Ремизов. Крашенные рыла. Берлин, 1922, с.10). Ты – несешь. Только не поддайся приманкам Маммоны, сибирским собкорствам и т.д. В XX в. каждый человек страстотерпец, но пример поддел Христос. За поклонением Маммоне следует покаяние. Аминь. Моя Голгофа – кафедра в МГУ: бывая там, как Данте в аду, вижу чудовищ. А тружусь в благородной Исторической библиотеке, испещряя дести бума-

ги рассуждениями о детях боярских, слугах дворных и т.д. То-то будет пиришество любителям современных и актуальных тем. Вот и распути меня на собственных языках, обложат горчичниками рецензий и сожгут. А вдруг я обернусь Фениксом?

А ты не обертывайся сибирским вурдалаком. Кто знает, может, еще и не по доброй воле в Сибирь попадешь. Тебе нужна не Сибирь, а Москва. И прорастит туда не путем *Грибов*, а путем зерна. Путем Адашева, Ломоносова, Белинского, Золотусского, Буртина. Но был ли бы Белинский, если бы в его годы существовал институт московской прописки? Напиши-ка статью «Роль столичной прописки в судьбах русской литературы».

Меня торопят начинать новый трудовой день. Буду писать о послужилцах. Поэтому: «Молитесь... о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово – устами моими открыто с дерзновением возвещать тайны евангельские» (Послание на Ефес. 6, 19). Тамаре кланяюсь. А ты – не забывай, пиши и надейся: еще встретимся и «на малой вечерне поблаговестим в малые чарки». В.

PS. Я был бы рад, если бы ты сам написал рецензию на мою книжку. Хвалить ее вовсе не обязательно. В.»

09.04.1969 г. (Из Москвы в Кострому).

«Лучшего листа старинной бумаги не пожалел, любезный друг мой Игорь, дабы напомнить тебе о бременном существовании своем. Какое прозябаете среди мирных пажитей? Мы другую неделю изнываем от зноя, но в воду я бутылхаюсь редко за недосугом. Зато гуляю с *младенцей* по несколько часов в день. Новостей нет, истины постигаются туго. Людей вокруг мало, но ты ведь знаешь и претворяешь в жизнь мудрую мысль Эмерсона, что, дабы удалиться в уединение, человеку настолько же необходимо оставить свою комнату, как и общество. Мне же и за город теперь не выбраться, хотя соблазнительных

предложений много. [...] Буртин прислал мне письмо, чтобы я писал для «Н[ового] мира» рецензию на последнюю книгу Веселовского. А времени – лишь рабочие часы, и то занятые всем на свете. Диссертация моя подвигается тоже едва-едва. Впрочем, тебе это знакомо. Хорошо хоть, *младенца* дает читать: стелю ей на траве одеяло, и она ползает по нему, обращая на меня мало внимания. А я постигаю Баратынского и Анненского. Да все никак не одолею «Зеленого Генриха». В журналах ничего нет (в «Звезде Востока» новая А.Кристи, а мы не выписываем!), в философских – тоже. Время летних отпусков? По тебе соскучился. И слова не с кем сказать, кроме как дома. Слышно, что Пьяных должны прибыть в середине июля, сейчас они в Тамбове. Федора²¹ и Скатова я не видел, были ли – не ведаю. Вообще-то хочется увидеть все почтенное трио вместе, но не знаю, сумею ли ныне выбраться в Кузьминки. В конце месяца у нас предполагаются межобластные соревнования мальчишек-футболистов, областей из 15. Что ж, буду их смотреть, благо Оля тоже на таких зрелищах сидит смиренно.

А вы как в грязевых палестинах? Я радуюсь на погоду, благо она и у вас, верно, такая же. Ты перед отъездом порядком скин, отойдешь теперь немного. Есть ли у вас там сухое вино, с ним лучше думать. Ибо, сказал Шеридан, если желанная мысль не является, бокал вина ее подгонит, а когда она явилась, так не почитать ее бокалом вина.

Надеюсь, ты вспомнишь о нас перед отъездом в Москву и отпишешь. В Москве же бей поклонны знакомым. Но там помни вещице слова Псалмов: «Блажен муж, который не ходил на совет нечестивых, и на путях грешных не стоял, и в заседании кознуствующих не сидел».

Перед возвращением в Кострому сообщи мне число и, если можно, номер вагона – я вас встречу. Я кланяюсь тебе, Лариса – Тамаре, Оля что-то передает Никите (кото-

рый, уповаем, в добром здравии и весе), на Володую в моем семействе некомплект, и ему шлю приветы я же вдругогорядь.

Отключайся! В. [...]».
15.07.1969 г. (Из Попасной в Шабаново).

«Дорогой Витя. Твоя старинная бумага оставила неизгладимый след в моей благодарной душе. Читал ее, возлега на копне свежего сена и опершись на вилы. Изрядно пахло милым всякому русскому сердцу навозом, горы коего как раз вытаскивали на носилках со двора мои отдаленные родственники. Вдали возвышался стог сена, вознесенный к небу при моем участии, на мусорной куче орал петух, на крыше ругалась и дралась семья ворон, вокруг млела в последнем знойном дне родная природа. Никита кричал что-то похожее на «слава Богу», Тома полоскала пеленки. Такая была жизнь... Завтра мы отбываем в Москву. В родной и любимый город вернемся, видимо, ранее 4-го, т.е. 31–2 числа. Хочется отдохнуть дома от отпуска. Тогда все вместе и свидимся. Я напишу тебе – м.б., встретишь, т.к. мы все потащим с собой, и мне одному не осилить. Ты человек высокотребовательный, но напрасно ругал письма Цветаевой и роман Окуджавы. Лариса, наверно, тоже с тобой не согласна, если ты, конечно, даешь иногда возможность почитать. Вот встретимся и устроим обмен передовым опытом воспитания юных советских граждан. Американцев²¹ смотрел: здесь по телевизору деревенскому, который принимает из Вологды. Вот так! Надо бы за них выпить. А наша хваленая автоматика, видимо, не сработала, т.к. станция летала за образцами грунта и должна была вернуться. Так говорят. Все мои кланяются Ларисе и Оле. До скорой встречи.
24.07.1969 г.

Отправляю письмо уже из Москвы, куда после всяких мытарств прибыл. Отбудем мы 30-го июля. Какой вагон и проч.. я напишу. Если сможешь – встретить. Правда, поезд теперь, говорят, приходит

рано? Прибыли ли Пьяных? Интересно! На работу мне 4-го. Игорь.

Вита, пишу тебе это сочинение, как дневник. Ныне уже 27 число. Вагон у нас 11. Если все у вас в порядке, то приди, пожалуйста.

Сегодня увижусь со Стасиком. Клянemas. Игорь».

22.07.1969 г. (Из Шабанова в Попасную).

«Дорогая Тамара, поздравляю Вас с наступающей весной (она, правда, в Щелькове ощущается, чем в Костроме), 8-м Марта, Масленицей. Мы еще держимся за зиму и вовсю катаемся с Ларисой на лыжах. Лариса собирается в Кострому, я тоже, было, собрался, но военкомат забирает меня на недельные сборы аж в Макарьев. Игорю клянemas на памяти. Виктор».

Март 1974 г. (Из Щелькова в Кострому).

«Дорогие Тамара, Игорь, Володя и Никита!

Поздравляем вас с Новым годом, надеемся, что он будет для вас счастливым, легким и солнечным. Очень жалею, что в новогоднюю ночь не будем с вами за одним столом, но обязательно поднимем тост за вас. Для нас одним из самых приятных воспоминаний уходящего года будет общение с вами в Щелькове и в Костроме. Ваши Лариса, Виктор, Оля».

Декабрь 1974 г. (Из Щелькова в Кострому).

«Дорогой Игорь, И сам не знаю, почему вдруг захотелось написать тебе – видимо, в таких местах, вдали от привычной обстановки чувствуешь все-таки себя одиноким. Сутки, всего-то! – хватило мне добраться от Щелькова до Душанбе. Контраст, конечно, жуткий. Весь день сегодня бродил по городу – без пальто, даже не поддев под jacket кофты. Тепло – на солнце градусов 15. Зелень, зелень, зелень, незнакомые на вид деревья, трава на газонах – листья и трава, правда, пожухлые. Не очень вдали горы. Таджики в халатах, таджички в ярких шароварах, но речь на улицах

русская. Центральная улица – широкая, но неинтересная, вместо домов – павильоны, как на ВДНХ. Народа на улицах мало, по вечерам безлюдно. Трудно мне разобраться, поправился ли Душанбе – ведь ждал чего-то экзотического. А на каждом шагу лозунги, призывы, доски почета...

Был на рынке – россыпи винограда, гранатов, дынь, всяких уроков. Живописно, но цены – костромского рынка. Смешно, но театры в воскресенье не работают. Сижу в забронированном для меня номере – отдельном, с ванной, с телевизором и т.д. За него мне придется отдать деньги, предназначенные на поездку в Ленинабад. Но я мечтаю о Хорого – самом горном, самом южном, самом близком к Индии городе СССР. Час лета, но надо ждать погоды. Завтра начну работать – актеры, художники²⁵. Радуюсь, что Щельково далеко – устал от него. Книги вот последние время были прекрасные.

Надеюсь, обратный путь пройдет через Кострому. Соскучился! Тамаре и семейству клянemas. В»

Ноябрь. 1975 г. (Из Душанбе в Кострому).

«Дорогой Виктор. Помнишь ли ты библиографический справочник костромских сочинителей, который ты готовил в 1969 г.? Так вот я все-таки завершу сей труд, переделав его в биобиблиографический, т.е. вместо автобиографий будут только биографии и т.п., и все будет включительно по 1975 год. Мне кажется, что будет справедливым включить туда и тебя. Так что шли, пожалуйста, побыстрее – биографию (очень кратко: родился, учился, начал печататься), библиографию (как можно полнее), фотографию. Договорились? Я хочу включить туда М. Нольмана, Ю. Лебедева, В. Сапогова и Миронова. Ничуть они не хуже прочих. Это я делаю, когда устаю от основного дела. Писал для «Н[ашего] современника», сейчас большое сочинение для «Др[ужбы] народов» заканчиваю. Работа пока есть, и хватает. Новостей здесь никаких, да и я те-

перь от них вдалеке.²⁶ Заехал бы в гости на вечер?

Наш привет и пожелания здоровья Ларисе и Оле. Всего доброго. Игорь.»

14.03.1976 г. (Из Костромы в Щельково).

«Милый Игорь, вторую неделю бороздит наш теплоход волжские воды (я перед посадкой забежал в редакцию, но Тамары на месте не случилось). Путешествием мы довольны совершенно. Баловала нас погода – ни единого дождика, развлекали прогулки по городам (в коих мы регулярно осматривали художественные музеи), умилляли соседи по каютам – все пенсионного возраста. На Волге, от Ульяновска и ниже, удивительное изобилие овощей и фруктов, в Астрахани арбузы и помидоры по 10 коп. кг, и мы объедались ими впрок. К сожалению, книгами Поволжье бедствует – ничего стоящего не купил. Зато действительно насмотрелся. Из всех городов наибольшее впечатление произвел на нас все-таки Ульяновск, не мемориалом, а общим обликом.

В двухместной каюте втроем тесновато, но как-то устроились. Бедная Оля целыми днями, правда, учит уроки – ей много задали. Сверстников у нее здесь не оказалось, и она на досуге читает и смотрит телевизор. Когда плыли вниз, много времени проводили на палубе, но сейчас похолодало. В каюте же тепло. К счастью, среди наших спутников оказался зав. отделом живописи Русского музея с женой, – мы с ними подружились и много беседуем. Да и вообще, попутчики оказались тихие, чинные, подчас занятые. Почти все из Ленинграда. И теплоход наш любопытный – бывш. «В[еликая] княжна Ольга Николаевна», постройки 1914 г. (ныне «Володарский»). Сохранил остатки прежней роскоши. К счастью, и болезни нас обошли – все здорово.

Мы взяли с собой много книг – Бердяева, Платона, Пруста – было что читать, а в библиотеке теплохода нашел я том писем Короленко.

Какая все-таки колоритная и оригинальная личность! На завтра вызвал в Кинешму шельковскую машину. Еду в Шельково, как на картогу, – воистину, «восстает мой тихий ад в строитности первоначальной». Где-то в подсознании живет еще надежда, что авось найду другую работу, но так понимаю, как это сложно. Вынашиваю планы засесть за статьи, книги, махнув на все рукой – сбудутся ли они, Бог весть. [...]

Пока плыли на теплоходе, написал в свободное время письма всем знакомым, перед коими был в долгу – и то дело. А вам специально откладывал до конца, до Горького. В октябре надеюсь слетать дней на десять либо в Ташкент, либо в Улан-Удэ. Семейство мое всем твоим передает приветы. Ежели придет к тебе кто-либо, привози. Твой В.»

24.09.1976 г. (С волжского теплохода в Кострому).

«Дорогой Игорь! Верно, ты сейчас за бутылкой сухого вина созерцаешь с балкона, как солнце пурпурное погружается в море лазурное. Кострома же для тебя – уже за *шелезавнем еси*, и письмо мое скорее явится неприятным о ней напоминанием. Вскоре после твоего отъезда состоялась открытие выставки Козлова. В четырех залах свыше сотни работ. Я осмотрел выставку, как всегда на вернисажах, мельком, оставив это на другой раз, но все равно впервые, пожалуй, осознал, что Алексей был по-настоящему крупный художник. И его повторы, так прежде меня раздражавшие, вместе смотрятся подражанию, как варианты и поиски. В общем, выставка очень интересная. Да ты, надеюсь, еще застанешь ее.... На открытие приехали дети Козлова, некая очеркистка Светлана Почивалова, представившаяся в музее «второй женой» Алексея (чему, кстати, несказанно удивился Куранов), Куранов, какие-то его друзья. Они и выступали вкупе с Игнатьевым и Шуваловым. Раз пять прозвучало слово «гений», столько же «великий художник».

Такое я слышал в Костроме лишь однажды – на обсуждении выставок Гены Корфа (Гена, по слухам, в каком-то прибалтийском райцентре бойко оформляет интерьеры кафе). Видимо, каждому лестно открыть в бывшем приятеле представителя вечности. А мне после таких этикеток следует поспешить сесть за мемуары – я таки хорошо знал Козлова и подчас близко общался с ним. По-моему, художник он настоящий, а остальное определит время. Перед открытием показал фильм о Козлове. Он – так себе. Но в зале я впервые увидел Куранова – ражий такой, франтоватый и гордо одинокий. Я заранее решил не общаться с ним, боясь, что скажу ему много обидного, что омрачит память о наших прошлых отношениях. Но случайно мы, выходя в толпе из зала, столкнулись в дверях, и он обратился ко мне так дружески и приветливо, не замечая моих сухих и принужденных ответов, что я постеснялся уклониться от встречи. И на выставке мы были вместе, и потом, по приглашению Коли Шувалова, пошли к нему пешком в Черноречье, и весь вечер побеседовали вдвоем, отвлекаясь от призывов собравшейся компании немедленно начинать борьбу за мировое признание Козлова и создание в Костроме его музея. Подо все это шли – все, кроме Куранова, девять лет не пьющего... Мы много проговорили с Курановым. Я ему сказал все, что думал о его романе, о «Глубоком», о его последних поездках на целину и во вступлении по радио. Но он обо всем этом отозвался еще речче, чем я, сказав откровенно, что делал это чисто из конъюнктурных побуждений, что все его писания и речи – дрянь. Сказал и о каком-то «настоящем» романе, который с трудом пропущен цензурой и выйдет в этом году. И что больше он подобного «Глубокому» писать не будет. В то же время сообщил, что его прочат в секретари Союза писателей РСФСР.

Странное у меня осталось впечатление от общения с Курановым. Он все понимает, обо всем

судит прямо, искренно и честно (конечно, не везде и не со всеми), но оправдывает свои выверты, но совершает их. В общем-то, это новый Глумов, даже с таким же дневником. Единственно, чего он не понимает, что одновременное служение Богу и Маммоне невозможно и дорого обойдется ему как творческой личности. Он сказал мне, что приехал в Кострому, лишь чтобы повидаться с нами. Очень жалел, что второй раз не мог застать тебя в городе.

На другое утро после всех этих открытий и бесед я уехал в Буй, откуда тебе и пишу. Здесь мне быть неделю, включая и выходные. Описываю и фотографирую памятники. Буй – такой нелепый город с массой новых пятиэтажных коробок и вовсе заброшенным парком, разрушившимися храмами. Сегодня зашел на колхозный рынок. Огромная площадь, по периметру обстроенная ларьками (забитыми). На площади множество массивных навесов. День базарный – суббота, и утро, а на рынке всего одна (!) старуха торгует зеленым луком. Вот тема для художника! Улицы все с революционными названиями. Есть 9 января, Ленских событий, Заря революции, X-летия Революции и т.д. Есть улица Февральских решений. Я поинтересовался, есть ли улица Мартовских решений, – сказали, что нет. Обидно за мартовские решения – чем они хуже февральских?

Погода у нас целую неделю стоит чудесная – солнечная, безоблачная, градусов под 30. У меня много свободного времени, а в Бую две большие реки – Кострома и Векса. Я часами валяюсь на городском пляже и на дужайке под старым валом, а сегодня, в субботу, провел на реке весь день и, кажется, обгорел. Завтра – то же, за тем и остался здесь на выходные. Как видишь, и у нас все-таки можно понаслаждаться летом. И все-таки настроение сегодня никуда. В гостинице рядом с моим номером телевизор, по коему я смотрю футбол. [...] Тамаре и Никите привет. Твой В.»

21.06.1980 г. (Из Буй в Пицунду).

«Дорогие Виктор и Лариса. Долго собирался и вот собрался вам написать. И хоть запоздало, но поздравляю вас с праздниками. Жаль, нарушился обычай, и в праздничный день вы не увидите у нас, как бывало... Новая жизнь, к которой трудно привыкнуть, и привыкается нам неважно. Будь с нами Никита, привыкание шло бы лучше, а так все равно – семья неполная, и душа неспокойная. Когда поживам в Костроме, не знаем. Никита пишет, что лучше приехать в конце ноября – в декабре: можно будет с ним повидаться. Или же нужно мне ждать, чтобы кто-то позвал для какого-нибудь выступления. Десктого ноября я отправляюсь в Италию; возвращение 18-го. Вроде бы должна быть еще одна поездка в ноябре, но м. б., обойдется.

Москва нехороша для меня службой. Не потому, что эта служба плоха, а потому, что отнимает время у моих основных – литературных занятий. Пока терплю. Витя, поздравляю с выходом книжки²⁷. Прочел о том в «Книжном обозрении». Не забудь и о нас! Тома передает всем привет. Надеюсь, что скоро увидимся. М.б., Лариса быстрее окажется в Москве, чем мы в Костроме? Как поживает ваша Оля? Если что-нибудь ей будет нужно, пусть звонит к нам и заходит. Вы дайте ей адрес и телефон – вдруг мы пригодимся!

Виктор, береги себя, не поддавайся! Жизнь улучшается (если забыть о ее материальной стороне), но мы-то уже не молодцы. Это бы время да в нашу лучшую пору! Будьте здоровы, Игорь. Мы часто с Томой вас вспоминаем.»

07.11.1988 г. (Из Москвы в Кострому).

«Дорогие Лариса и Виктор. Я тут кое-что написал, спеша, под настроение²⁸. Если я в чем-то фактически ошибся, исправьте, пожалуйста! Писал, вспоминал, плохо без Костромы... Тома вам кланяется, будьте здоровы, еще раз спасибо за поздравление. Вспоминал, когда же ваш день (свадьбы) и не вспомнил. Плохо.

Всего вам доброго. Привет знакомым. Игорь.»

05.07.1989 г. (Из Москвы в Кострому).

«Дорогие Лариса и Виктор, с Новым годом! Здоровья, здоровья и еще раз здоровья, а Оле – хорошему жениха и благополучного хода жизни. Пожелал бы я раньше: свободы, да теперь она есть, а сил у нас мало. Лет бы на 30 раньше эту, бы карусель! Очень жалею, что не смогли приехать на Шуваловские дни. Я-то думал приехать на Шуваловские дни памяти костромским 60-м и всех, и все вспомнить... Не вышло... Зато я вышел из больницы и очень надеюсь освободиться от этих хворей, чтобы побывать в Костроме и вообще восстановиться в лит[ературной] жизни. От участия в политике надо бы отказаться по возможности совсем.

Витя, должно быть, скоро выйдет твоя книга?! Это будет большая радость для всех твоих друзей. Хочется повидать вас. Привет и самые добрые пожелания от Тамары и Никиты. Пораньше бы все это, пораньше бы... Ваш Игорь Д.

Лариса, всегда рады Вас видеть.» Дек. 1989 г. (?) (Из Москвы в Кострому).

«Дорогой Игорь! Высылаю тебе свою книжницу, выход которой состоялся не без твоего участия²⁹. Мы живем благополучно, по вечерам сидим у телевизора, выглядывая Федю³⁰. Сейчас я работаю над книгой «Старая Кострома», но не надеюсь сдать ее в скором времени в печать, а тем более увидит изданной, разве что какой кооператив издаст. Лариса вам кланяется. Привет Тамаре и Никите. Твой Виктор.» 25.05.1990 г. (Из Костромы в Москву).

«Дорогие Лариса и Виктор, с Новым годом! Сил и здоровья Виктору, и вашей маленькой внучке, и Оле, и, конечно, Ларисе, чтобы справиться со всеми заботами! Всегда помню о вас и жалею, что вы далеко. Вроде бы рядом, да все равно мигом не доберешься. Все-

таки я скоро приеду, обязательно. Самые добрые пожелания от Тамары и Никиты. Ваш Игорь.»

Дек. 1990 г. (?) (Из Москвы в Кострому).

Публикация подготовлена Тамарой Дедковой и Натальей Дружневой

¹ Районный комитет коммунистической партии Молдавии.

² Имеется в виду редакция областной газеты «Северная правда».

³ Костромской писатель и журналист Смирнов-Старателев В. М.

⁴ Писатель Твардовский Александр Трифонович.

⁵ Американский писатель Эрнест Хемингуэй.

⁶ Писатель Станислав Стефанович Лесневский, близкий друг В. Н. Бочкова и И. А. Дедкова.

⁷ Жена В. Н. Бочкова Лариса Васильевна Васильева.

⁸ Жена И. А. Дедкова Тамара Федоровна Дедкова.

⁹ Федор Васильевич Цанн-Кай-Си.

¹⁰ Писатель Юрий Куранов, живший в с. Пищул Костромской области.

¹¹ Журнал учета прихода и ухода сотрудников Государственного архива Костромской области на работу и с работы.

¹² Областная газета «Северная правда».

¹³ Так в письме – И. Д.

¹⁴ Станислав Стефанович Лесневский.

¹⁵ Главный режиссер Московского театра на Таганке Юрий Любимов.

¹⁶ Игорь Петрович Золотуский работал в редакции «Литературной газеты». Речь, видимо, идет о том, что Дедков передал ему обещанную ранее рецензию на какую-то книгу.

– Т. Д.

¹⁷ Юрий Григорьевич Буртин в то время заведовал отделом публикации в редакции журнала «Новый мир» – Т. Д.

¹⁸ В. Н. Бочков с 1965 года учился заочно в аспирантуре исторического факультета Московского университета. Тема его кандидатской диссертации – «Формирование служебного сословия Российского централизованного государства».

¹⁹ Одно время Виктор Бочков увлекался ветеринарием, – Т. Д.

²⁰ Дедков И. А. Страницы деревенской жизни // Новый мир – 1969 – № 3.

²¹ Журналист Владимир Николаевич Лагунов, однокурсник Дедкова, работал в те годы помощником председателя Костромского облисполкома.

²² Станислав Стефанович Лесневский.

²³ Федор Васильевич Цанн-Кай-Си.

²⁴ 16–21 июля 1969 г. американские астрономы Н. Армстронг, Э. Олдрич и М. Коллинз совершили полет на Луну. 21 июля Нил Армстронг ступил на ее поверхность.

²⁵ В. Н. Бочков делал в Душанбе и другие города Советского Союза по делам литературно-исследовательского музея А. И. Оксфорского.

²⁶ И. А. Дедков ушел из редакции газеты «Северная правда».

²⁷ Бочков В. Н. Заповедная сторона Вокруг Щельцова – Ярославль, 1988.

²⁸ Речь идет о заметках «Воспоминания современников о Н. В. и Т. В. Шуваловой».

²⁹ Бочков В. Н. «Сказки короля Татьяна?» – М.: Современник, 1990.

³⁰ Федор Васильевич Цанн-Кай-Си как народный депутат участвовал в заседаниях Верховного Совета РСФСР, которые транслировались по телевидению.

**ОБЪЯСНЕНИЕ ЗАМ. ДИРЕКТОРА ПО НАУКЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
ИМ. А.Н. ОСТРОВСКОГО «ЩЕЛЫКОВО» В.Н. БОЧКОВА
ПО ПОВОДУ ОТЧЕТА Е.Н. ДУНАЕВОЙ О ПРОВЕРКЕ МУЗЕЯ
03.09.1976 г.**

Ознакомившись с отчетом сотрудницы Гослитмузея Е.Н. Дунаевой о проверке ею работы музея А.Н. Островского в июне 1976 г., считаю необходимым сообщить следующее.

Я был назначен на должность зам. директора музея-заповедника «Щелыково» по науке в октябре 1972 г., за полгода до празднования 150-летнего юбилея со дня рождения А.Н. Островского. Когда я приехал в Щелыково, оказалось, что мне не у кого принять дела и вообще дел никаких нет: с 1971 г. до меня сменилось в музее два заместителя по науке: Е.М. Хмелевская проработала 9 месяцев, Чагин – 2 недели. Потом два месяца (накануне юбилея!) пост оставался вакантным.

В музее положение дел было катастрофическим: в день моего появления на работе рухнул второй этаж мемориального дома. Все находящиеся там экспонаты и библиотеку музея пришлось перетасать на первый этаж, который из мемориальной экспозиции превратился в склад. Экскурсии прекратились. Здание литературно-театрального музея стояло недостроенным, хотя давно было пора монтировать в нем экспозиции. В третьем музейном здании – «Доме Соболева» – не было и полов.

К юбилею требовалось усовершенствовать музейную экспозицию, отреставрировать мебель в мемориальном доме, создать там же экспозицию на втором этаже, оборудовать литературно-театральный музей, разместить экспонаты в «Доме Соболева» – времени же почти не оставалось. Часть экспозиций должна была создать студия Е.А. Розенблома, однако последний из-за разногласий с руководством ВТО 2 декабря 1972 г. порвал всякие отношения с заповедником. Пришлось мне самому все начинать сначала.

Опереться в работе мне было не на кого. Директор музея-заповедника Б.П. Сергеев оказался человеком совершенно далеким от музея и от культуры вообще. Половина должностей научных сотрудников оставались в столь напряженный для музея момент вакантными, из имевшихся наиболее опытная Н.К. Каменская с ноября 1972 по март 1973 г. тяжело болела, остальные три сотрудницы, окончившие Ивановский пединститут, не имели опыта работы и совсем не знали, что делать.

Фондов в музее не было – экспонаты расовывались по столам и закупкам (архив В.О. Массалитиновой в картонных ящиках свалили на черном крыльце под капелью, и он наполовину сгнил), книги поступлений не велось, учетные документы не заполнялись.

Комплектование налажено не было: о современных постановках А.Н. Островского в музей поступало только то, что давал кабинет драмтеатров ВТО, расчеты с владельцами закупленных вещей были запутаны, а уже оплаченные вещи годами лежали у прежних владельцев, т.к. музей не мог их вывезти. Мне пришлось самому зимой 1973 г. ехать в кабине грузовика из Щелыкова в Ленинград за такими вещами, чтобы спешно ввезти их в мемориальную экспозицию.

В Щелыково было предано забвению само понятие «заповедник»: Б.П. Сергеев «под юбилей» зимой 1972/73 г. сломал мемориальный сарай у музея и сторожку на мемориальном кладбище, снял с усадьбы все ограды и заборы и распорядился пасти у музея стадо подсобного хозяйства.

Речь идет не о далеком прошлом – о событиях всего трехлетней давности.

До лета 1973 г. все внимание в Щелыкове я уделял юбилею, почти не отвлекаясь на иные дела. Именно я размещал, после отказа Е.А. Розенблома, заказ на создание литературно-театральной экспозиции в театре Моссовета. Мною было достигнуто соглашение с Л.Е. Кропивницким о создании им экспозиции на втором этаже мемориального дома и в «Доме Соболева», хотя ряд руководителей ВТО советовали мне до юбилея не заниматься этим, не веря, что можно все сделать в оставшиеся недели. Через меня проходила вся реставрация мебели в мемориальном доме (по договору с ЦНИЛКР – 20 экспонатов, я уговорил реставраторов сделать около 100).

В новом музее экспозиции привозились под моим руководством из Москвы и монтировались в недостроенном здании – ждать не осталось времени. В начале весны 1973 г. музей лишился главного хранилища, и я сам выполнял его обязанности – тысячи экспонатов перевозились в Москву и возвращались в составе готовой экспозиции – ничего не потерялось.

После успешного проведения юбилея я поставил перед собой задачу превратить музей из жалкого придатка дома отдыха в полноправное научное учреждение. Прежде всего требовалось разобраться с фондами. Оказалось, что две трети всех экспонатов, в том числе и ценных, незанумерованы, существующие записи в инвентарных книгах неактуальны, актов приема нет и др. Просмотр фондов занял осень и лето 1973 г. – в музее работали тогда всего 3–4 сотрудника – и привел к столкновению с директором заповедника Б.П. Сергеевым, которому было невыгодно вскрытие фактов о полном низведении музея. Директор пытался дезорганизовать работу музея, запре-

тил командировки, не позволял заказывать фондовое оборудование, устраивал провокации против сотрудников, расходовал не по назначению смету музея и т.д.

Нормальная работа музея началась только с лета 1974 г. – новый директор заповедника Т.Г. Манке уже не вмешивался во внутримузейные дела, передав непосредственное руководство музеем мне.

Руководить музеем в тех условиях было очень трудно – все пришлось начинать буквально с нуля: формировать заново коллектив сотрудников, составлять планы, оборудовать фонды, организовывать комплектование, разрабатывать тексты экскурсий, осваивать два новых музея. Прежде всего требовалось наметить направление работы музея. На 1972 г. в музее не составлялся годовой план, придя в самом конце года и не найдя ни дел, ни сотрудников, нельзя было написать и отчет. С 1973 г. работа впервые стала вестись по годовым планам, сотрудникам стали составлять индивидуальные годовые и месячные планы. Годовой отчет впервые в истории музея приобрел вид обширного обзорного документа.

Огромные трудности встретились и в усовершенствовании выставки в литературно-театральном музее. Ее поспешное открытие в недостроенном здании потребовало последующей работы по дополнительному заказу выставочного обо-

рудования, введения новых экспонатов, занавесей, муляжей – все это затянулось на 2–3 года. Этим занимался я один.

В музее и до сего дня нет специального здания фондохранилища. При заказе проекта здания нового музея не было предусмотрено помещение для фондов. Пришлось

льковских условиях этого добиться очень сложно.

До 1974 года музей никогда не проводил мероприятий на выезде. За последние два года осуществлены большая выставка «Художники театра Островского» в Костроме, вечер «Щельково» в гостях у москвичей» и др.

К настоящему времени музей вплотную приступил к научной работе, выявлено большое количество материалов для сборника «Архив Мас-салитиновой», заканчивается подготовка рукописи каталога живописи и графики музея, активно собираются данные для справочника «Островский на сцене советского театра».

В музее совсем молодой коллектив научных сотрудников, стаж работы у большинства 1–2 года. Выпускники филфака МГУ, они все-таки нуждаются в специальной подготовке. Для каждого музей изыскивает возможность месячной стажировки в лучших столичных музеях с акцентом на ту работу, которая им предстоит в Щелькове. В 1975–76 гг. прошло 4 таких стажировки, хотя это и осложняет временно работу остальных сотрудников. После возвращения со стажировки сотрудникам предложены все возможности внедрить в свою работу все лучшее и полезное, что они узнали. Ведь недаром в отчете Е.Н. Дунаевой подчеркнута, что сотрудники работают «с увлечением».

Экспозиция музея-заповедника А.Н. Островского «Щельково», 1970-е гг.

переделывать для них рабочие комнаты, заказывать шкафы и стеллажи, забирать окна решетками. Сейчас в Щелькове достаточно благоустроенные фондовые помещения с хорошим оборудованием, а в ще-

Сейчас в музее Островского нет вакантных должностей, квалификация же научных сотрудников вполне на уровне. Есть надежда, что через несколько лет некоторые из них станут высококвалифицированными музейоведами. Постепенно преодолевается и постоянный бич Щелькова – текучесть кадров, но здесь не многое зависит от музея.

Все научные сотрудники, кроме Знаменской и Шаниной, подбирались на работу лично мною. Я же аргументировал в ВТО и необходимость увеличения штатов, которые за 3 года значительно возросли.

Работа музея могла бы протекать еще более успешно, если бы не специфика его существования в «одной связке» с домом отдыха. Музей лишен массы того, чем располагают аналогичные музеи.

У музея нет своего транспорта, а транспорт дома отдыха для него не подходит и не всегда может быть предоставлен. Без своей машины типа микроавтобус музей не может создать передвижные выставки, лишен возможности вести и лекционную работу вне Щелькова.

Но не только микроавтобуса – в музее, от которого требуют научную работу, нет обыкновенной пишущей машинки (!).

Щельковский музей не входит в систему Министерства культуры, а для отдела снабжения ВТО наши запросы «непрофильны». Со снабжением музея дело вообще обстоит очень плохо: фанеру, картон и др., необходимое для выставок, музей добывает, рассылая своих сотрудников по предприятиям. У музея нет и склада.

От музейной сети страны музей Островского изолирован. За 4 года от МК СССР не поступало в Щельково ни одного документа или методической разработки, ни разу никто из музея не вызывался на конференции и совещания. И лично, и письменно я много раз обращался к управлению музеев по этому вопросу – безрезультатно.

В музее не сохранилось документации на поступившие до 1972 г. экспонаты, много фото не аннотировано. Мемориальность большинства экспонатов ничем не подтверждается, а в ряде случаев – опровергается.

Научная библиотека музея достаточно богата, но зато не имеет самых необходимых для работы книг. Вести в Щелькове научную работу трудно, консультироваться не с кем. Надо ездить в Москву, но срок командировок, вместе с дорожкой, ограничен 5 днями – разумеется, за это время ничего сделать невозможно.

Крайне тяжело материальное положение сотрудников, и из года в год оно заметно ухудшается.

Положение зам. директора по науке в заповеднике двусмысленно – фактически он заведует музеем, занимается и финансовыми, и хозяйственными делами, но формально не имеет никаких прав. У музея нет собственного технического персонала (сантехников и др.).

И, тем не менее, музей работает весьма успешно. По словам Е.Н. Дунаевой, выступавшей перед сотрудниками 18 июня 1976 г., он «на подъеме», и его деятельность «производит очень отрадное впечатление».

Работа музея разносторонняя и отражена в годовых отчетах. Е.Н. Дунаева специально вычленила из нее 5 вопросов – по ним и даются объяснения.

1. Выполнение плана мемориализации музея-заповедника.

В 1973–75 гг., как отмечает и отчет, были приняты основные документы, определившие перспективные работы заповедника. Эти документы выполняются: восстанавливаются отдельные строения, ведутся работы в мемориальном парке, заказана проектная документация.

Есть два объекта, мемориализация которых наиболее ответственна: мемориальный дом и церковь. Так как в отчете Е.Н. Дунаевой в этой части есть принципиальные неточности, разьясно все подробно.

До моего прихода в Щельково история мемориального дома-усадьбы была совершенно не изучена, считалось, что он построен до 1770-х гг. Материалов его реставрации до 1965 г. в Щелькове не имелось, не знали даже их дат. Старинные описания дома собраны не были.

Мною лично:

А) полностью просмотрен весь архив музея и выписано все, связанное с домом;

Б) изучены сотни дел в Костромском облархиве и сделаны для музея копии и фотокопии нужных документов;

В) изучены все фотографии дома.

В результате мною установлено: А) мемориальный дом построен не до 1770-х гг., а между 1819–25 гг.

Б) реставрация 1965 г. неоправданно изменила облик фасада дома – северная терраса должна быть прямой, а не изогнутой и т.д.

Эти данные были предъявлены реставрационной мастерской, которая при работах 1975 г. исправила искажения по моим указаниям.

Только с 1974 г. мемориальный дом взят под постоянное наблюдение и меры по его поддержанию приняты постоянный характер: перестройка фасада 14 июня производится «косметический» ремонт, осенью – текущий, через год вызываются реставраторы.

В отчете Е.Н. Дунаевой содержится упрек, что музей не составил плана реставрации и консервации мемориального дома, и декларируется, что «составление такого основополагающего документа является первоочередной задачей музея». Этому упреку противоречат слова самого отчета: «Существует договоренность с реставрационными мастерскими г. Костромы (уже реализованная. – В.Б.) о проведении полного обследования дома А.Н. Островского, которые должны определить меры по реставрации и консервации мемориального здания». В данном противоречии суть разных точек зрения: по мнению Е.Н. Дунаевой, с плана надо начинать, по-моему – план должен стать итоговым документом, обобщающим результаты тщательных исследований, определяющих работу на долгие годы, а составлять его должны не дилетанты, а высококвалифицированные специалисты, т.е. не музей, а специализированная научно-реставрационная организация.

Работа же над таким планом началась еще с 1973 г. Для реставрации старого деревянного дома тре-

буются заключения специалистов различных профилей, которых в СССР насчитывались единицы, а в Костроме нет вовсе. Музей обратился к тресту «Росреставрация», и тот постепенно, одного за другим, направлял в Щельково таких специалистов. Только к лету 1976 г. проянилось, что именно в мемориальном доме-музее требуется реставрировать и консервировать и в какой последовательности. В августе 1976 г. план реставрации и консервации был между Костромской ШРМ и музеем-заповедником согласован, а к его выполнению приступают с начала 1977 г.

Глубоко убежден в правильности моего подхода к составлению такого плана и в формальности и ненаучности подхода Е.Г. Дунаевой. Последняя вообще не приняла во внимание, что не музей, а реставрационная мастерская реставрирует усадьбу, и она, а не мы, «подводит итоги многочисленных ремонтов и реставрации» — это дело специалистов, а не гуманитариев.

Так же, как и с мемориальным домом, планируется мною работа и с мемориальной церковью, и с семейным захоронением Островских — я вышло в ВТО отдельные доклады по этим вопросам.

По мнению Е.Н. Дунаевой, «отсутствие четкой перспективы ... наблюдается и в отношении интерьера и экспозиции мемориального дома», «отсутствует и, видимо, никогда не существовал экспозиционный план мемориальных комнат».

Долгие годы проблемами мемориального дома занималась по поручению совета М.М. Шателен — слова Е.Н. Дунаевой, если бы они были истинны, сводили [бы] к нулю всю ее работу.

Но в музее имеются два составленные М.М. Шателен основополагающих документа. Один из них — обстоятельнейшее, на многих страницах, описание интерьера дома на конец XIX в. (т.е. фактически экспозиционный план). Анализ его показывает, что автор пользовалась не одними собственными воспоминаниями, а совокупностью всех имеющихся источников.

Второй документ — перечень экспонатов, недостающих в интерьере

мемориального дома (т.е. «перспектива» и одновременно план комплектования).

Музей считает оба документа составленными квалифицированно и руководствуется ими в работе (оба документа в свое время обсуждались на Совете и имеются в ВТО). Заменять их пока нет необходимости.

Вся экспозиция в мемориальном доме зафотографирована, и все, даже мелкие, ее усовершенствования тоже фотофиксируются.

Вызывает недоумение указание на необходимость составления экспозиционного плана мемориального дома на 1976 г. Такой план был бы нужен, если бы мемориальная экспозиция переделывалась в 1976 г. заново. Но музей этого не делал, и никто ему этого бы не позволил. А все «частичные переделки» в экспозиции 1976 г. свелись к следующему: в кабинете драматурга положили на стол ручки и счеты — по конкретному указанию совета 16 июня 1976 г., в спальне вместо бутафорского поставлен столик-кажоб, наличие которого здесь подтверждается письмом 1918 г. Эту работу музей отразил строчкой в разделе «экспозиционная работа» годового плана. В отчете о командировке от музея почему-то требуются отдельные планы комплектования, экспозиционной работы и др. — зачем же тогда нужен общий годововой план, который и состоит из этих разделов?

Е.Н. Дунаева не права, полагая, что изменения в экспозиции происходят «постоянно» — за последние три года они минимальны. И в отчете есть ссылки лишь на два примера: дверь в буфетную заменена окном — по решению совета еще от 1968 г., а кушетка (новодел) в кабинете заменена диваном из числа мемориальных вещей, что осуществлено в 1972 г. и тоже санкционировано советом.

По словам Е.Н. Дунаевой, «современные интерьеры комнат уже не соответствуют изображениям на недавно изданных буклетах и открытках». Но, во-первых, «недавно» — это 1971–72 гг. Во-вторых, издавались эти открытки без ведома музея людьми, не имеющими к

нему отношения и использующими снимки десятилетней давности. Позволю усомниться, что это «роняет авторитет музея» — скорее, пострадал авторитет авторов и издательства, опубликовавших давно устаревший материал. Кстати, в журналах «Огонек» (1974 г.), «Турист» (1975 г.), «Смена» (1976 г.) запечатлен на подборках современный интерьер.

Отношение Е.Н. Дунаевой к мемориальной экспозиции, возможно, объясняется следующим: последний раз она была в Щелькове в 1965 г., принимала, по ее словам, участие в создании тогдашней экспозиции и, вернувшись через 11 лет, сразу подчеркнула, что прежде музей был «лучше», одоблив только оклейку окон обоями.

Дело совета, захочет ли он задерживать ввод в мемориальную экспозицию новых приобретений до утверждения «Генерального плана экспозиции». О составлении последнего могу только буквально повторить то, что уже написал относительно плана реставрации. И здесь мое и Е.Н. Дунаевой мнения расходятся кардинально. Она считает, что план — некий промежуточный документ, который легко составить при первой надобности, я же полагаю, что это — итоговый документ, обобщающий всю работу коллектива музея по изучению интерьера мемориального дома. Для его составления необходимо:

1. Изучить комплекс материалов о Щелькове в хранилищах Москвы и Ленинграда и обстоятельно ознакомиться с архивом Малого театра за 1928–1948 гг. (предварительно для этого надо благоприятно решить вопрос о продолжении срока научных командировок).

2. Атрибутировать мемориальные и псевдомемориальные экспонаты.

3. Подобрать аналоги в литературе и в близких по профилю музеях. Данную работу музей не в силах закончить ранее 1979, в лучшем случае, 1978 г., а без должной подготовки любой генплан будет не «научнообоснованный» труд, а составленная на случай бумажка. Музей и сейчас усиленно работает над планом. В отчете говорится, что это

– тема научных работ двух сотрудников. В отношении меня там сказано, что я пишу книгу «Щельково при Островском», однако это тема не книги, а именно научной работы (книга с похожим названием уже издана А.И. Ревякиным). Если бы при проверке были подняты планы прошлых лет, то добавились бы и другие темы, например, «Усадьбная мебель XIX в.» (Н.К. Каменская). Меня более можно упрекать, что слишком много сотрудников занимаются мемориальным домом и экспозицией. Перевести же на решение одной, пусть важной, задачи «весь коллектив музея» нельзя – у музея задач много.

На протяжении всего отчета муссируется вопрос о пихтах у мемориального дома, спиленных в 1975 г. Действительно, пихты долго были «символом» Щелькова. Это мешало увидеть, что в XIX в. пихты перед фасадами усадеб не сажались и что они закрывали и затемняли дом. И по плану лесопарковых работ, и по мнению совета, предполагалось восстановление пихт. Вопрос, правда, рассмотрен именно по моему настоянию – видимо, мои аргументы оказались настолько убедительны, что с ними согласились.

2. Экспозиционная работа.

В отчете положительно оценивается работа музея и имеющиеся выставки. Замечания делаются лишь по выставке «Островский на сцене советского театра» – по мнению Е.Н. Дунаевой, ей не хватает обобщений. Но экспозиционный план выставки составлялся сотрудниками ГТЦИМ им. Бахрушина, рассматривался советом и утверждался в 1972 г. президиумом ВТО – выставка создана в полном соответствии с планом. Замечания Е.Н. Дунаевой не конкретны – она не предполагает, в каком месте зала и что именно надо дополнительно экспонировать, а ограничилась общими фразами. Поэтому налицо просто личное мнение сотрудника Гослитмузея о выставке, созданной при участии работников Бахрушинского музея.

Что же касается выставки к 100-летию пьесы «Правда хорошо...», то она стояла в плане и изъята из

него ввиду перегруженности – музей надеется осуществить ее в порядке перевыполнения плана.

3. Экскурсионно-массовая работа.

В этом разделе отчета тоже дается высокая оценка работе музея, число посетителей которого за последние 4 года увеличилось более чем вдвое, отмечено и успешное преодоление музеем всех трудностей. Подчеркнуто хорошее качество экскурсий – результат того, что за предыдущие 2 года по всем экспозициям составлены методические разработки.

4. Комплектование.

Закупочная работа музея всегда была предметом гордости не только его самого, но и ВТО. В музее она была поручена опытной сотруднице Н.К. Знаменской, а экспонаты приобретала для музея закупочная комиссия ВТО, составленная из видных специалистов. В отчете, однако, более всего критикуется данный вид работы.

В отчете указано, и написать так проще всего, что недостатки якобы вызваны отсутствием перспективного плана комплектования. Но музей Островского из года в год комплектуется материалами однородными:

А) предметами усадебного быта XIX в.;

Б) материалами постановок Островского в театрах страны.

И любой перспективный план комплектования будет пяти- или более кратным повторением годового плана, который составлен довольно подробно. К тому же музей имеет перечень экспонатов, которые необходимо приобрести для мемориальной экспозиции.

В отчете из работы по комплектованию критикуется в основном закупочная работа и подвергается сомнению целесообразность приобретения закупочной комиссией ВТО для музея ряда экспонатов, в частности, материалов Н.Ф. Костромского. Сомневаюсь, чтобы кто-то объяснил Е.Н. Дунаевой, что мебель из усадеб (а не квартиры) Н.Ф. Костромского приобретена – он «долго жил в Щелькове». Приобрели потому, что Н.Ф. Костромской – видный актер Малого театра, замечательный исполнитель многих ролей Островского. Он имел

родовую усадьбу вблизи Щелькова – часть ее обстановки XIX в. (наряду с творческими материалами) и закуплена. Не «наряд», а утренняя кофта-матина ближайшей соседки и знакомой драматурга Н.Н. Молчановой (редчайшая, чудом сохранившаяся вещь) куплена потому, что в такой кофте ходила по утрам и Муравейка. Закупочная комиссия ВТО всегда строго требует от Н.К. Знаменской и от меня обоснованной целесообразности закупок, многое отклоняет – сомневаться в компетентности и добросовестности ее членов, подбираемых не музеем, а президиумом ВТО, нет оснований.

Предметы усадебного быта занимают в общем комплектовании музея не «большое», а все-таки скромное место. Музей за последние три года развернул активную деятельность по комплектованию материалами современных постановок Островского – фонды музея ежегодно увеличиваются примерно на 10 процентов.

До 1974 г. музей не имел почти никаких контактов с театрами страны и комплектовался от них случайно. Развертывать эту работу пришлось мне самому и по собственному плану. Смысл его в следующем.

Все центральные, республиканские и областные театры разделены на «кусты», и каждый «куст» закреплен за сотрудником музея, ведущим на свои театры наблюдательные дела. В начале театрального сезона сотрудник запрашивает театр, будет ли ставиться там Островский, что именно, кто режиссер и художник постановки. В случае положительного ответа переносит данные в наблюдательное дело, ставит на контроль и перед премьерой запрашивает у театра афишу, программу и 5–7 фото спектакля (позднее ничего не соберешь). Следовательно, музей составляет список предстоящих в сезоне постановок Островского, без которого комплектование шло бы вслепую. Заимствовать такой список негде: его нет ни в ВТО, ни в Министерстве культуры (мы проанализировали поступающие в Министерство

культуры репертуарные планы театров – в них отражена лишь половина состоявшихся постановок Островского).

Кроме того, сотрудники командировались в те театры своего «куста», где чаще всего ставит Островского, и материалы которых в музее не представлены. Часто это превращается в подлинные «экспедиции спасения» – сотрудники привозят гибнувших на местах (не только из учреждений, но и от самих работников театра) огромный и уникальный материал, даже дореволюционный. Теперь, например, работать над темами «Островский в Азербайджане (или Таджикистане)» без собранных в Щелькове материалов нельзя. Значение поездок и в том, что музей завязал непосредственные отношения с такими артистами, как Н. Ужвий, А. Кульмамедов, Е. Бондаренко, Туфа Фазылова и др., получает от них фото, книги, автографы.

Говорить о каком-то дублировании работы кабинета драмтеатров ВТО можно только по недоразумению. Кабинет ведь сам не комплектовался материалами (например, афишами или эскизами декораций) и работает с театрами РСФСР, а музей – с театрами нацреспублик.

Поскольку в музее еще не было повторных командировок в один и тот же театр, то никто не «привозит материал, уже имеющийся в музее», что, кстати, не возбранялось бы, т.к. для выставок нужны дубли. Что касается упрека, что «материалы комплектуются независимо от художественных достоинств постановки», то музей стремится получить (бесплатно!) афишу, программу и 4–5 фото действительно каждого спектакля (увя, Островского ставят в театрах с каждым годом все реже), а по лучшим – собрать полноценный материал, добавив, что и критерии оценки «лучших» постановок в провинции весьма зыбкие.

Разумеется, музей, вставший на такой путь комплектования два года назад, еще не собрал данных для «общей картотеки ... по театрам, по пьесам и по годам» – это огромная работа на много лет! На 1977 г. предполагается подготовка

рукописи справочника «Островский на сцене советского театра, 1945–1975 гг.» – для него сотрудники привозят из командировок перечни спектаклей в тех театрах, где они были. По той же причине заключено три соглашения с театрами союзных республик на составление ими подобных списков, что обходится дешевле, чем командировки.

Научная библиотека музея получает из НЦБ ВТО ничтожно малое количество книг, причем не самых нужных (не присылается даже новое издание БСЭ). Комплектование занимаю в основном я сам через букинистические магазины Ленинграда. Новую литературу, которую не поставляет ЦНБ ВТО, но которая упорно от нас отказывается, мы действительно пытаемся получать через обlibколлектор, но тот пока упорно от нас отказывается.

Список диссертат составлен и отправлен 2 года назад в НСБ ВТО, которая по нему не прислала нам ни единой книги.

5. Работа фондов.

До 1973 г. фонды музея находились в хаотическом состоянии, что привело в тревогу и руководство ВТО. 3 года все силы музея, львиная часть времени его сотрудников были отданы упорядочению фондов. Поэтому оценка, данная в отчете состоянии фондов на 1976 г., звучит как настоящий дифирамб. Это тем более лестно, что за три года в музее сменилось 4 главных хранителя фондов – каждый очередной был новичком, которого поначалу приходилось постоянно учить, направлять и контролировать.

Все пожелания по фондам носят рабочий характер.

В конце отчета Е.Н. Дунаева вновь вернулась к вопросу о планах, в частности о 5-летнем плане. Как правило, учреждение составляет тот или иной план по предложению вышестоящей организации – ВТО от нас такого плана не требовало. Помимо того, музей – не самостоятельная организация, его общий план – часть плана всего заповедника. Имеется «перспективный план развития заповедника» с

музейной частью, 10-летний план лесопарковых работ, перспективный план фондовой работы – остальные виды планируются в годовых планах.

Должен четко и официально заявить, что приписываемых мне Е.Н. Дунаевой примитивных взглядов и мнений я не разделяю и Е.Н. Дунаевой их не высказывал. Не волея я в присутствии Е.Н. Дунаевой и экскурсий.

Е.Н. Дунаева отмечает, что «коллектив музея произвел на нее самое благоприятное впечатление», что сотрудницы работают «увлеченно», а музей трудится «много и плодотворно». Удивительно, что такой опытный музейевед, как Е.Н. Дунаева, не понимает, что очень многое, если не все, зависит от руководителя, особенно если он не пришел в готовый коллектив с добрыми традициями, а этот коллектив формировал. Не стоит доказывать, что само собой ничего не делается.

Замечания по отчету пишу я с чувством скованности и неловкости. Устное замечание Е.Н. Дунаевой по проверке существенно отличалось от письменного. При проверке Е.Н. Дунаева совершенно не касалась вопросов, которые акцентируются в отчете, в частности, о мемориализации, ни о чем меня не расспрашивала, ничего не просила показать, напротив, всячески заминала любой разговор на подобную тему. Например, во время проверки она ни словом не обмолвилась о пихтах. И не только со мной – на мой запрос старший инженер-лесоход, которая непосредственно этим занимается и у которой хранятся документы (акты и др.), сообщила мне, что Е.Н. Дунаева с нею не встречалась. Видимо, Е.Н. Дунаева пренебрегла проверять музей, имея ряд готовых априорных выводов.

В.Н. Бочков, зам. директора Государственного музея-заповедника А.Н. Островского «Щельково»

ГАКО, ф.р.1224, оп.1, д. 336, л.3146.

Публикация подготовлена Ириной Глиф.

АРХИВНЫЙ ЮНОША ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ БОЧКОВ

Веселая желтая осень 1959 года. В красивейшем особняке Третьякова на улице Симановского, на третьем этаже, отделу информации газеты выгорожен крохотный кабинет. Из распахнутых окон соседнего здания целыми днями взывают тромбоны, наяривает один и те же наигрыши баян – во дворе музыкальная школа. Кабинет занимаем мы с Юрием Тарасовичем Грибовым. Он в разъездах, в командировках, строчит очерки про доярок и лесников. А на меня возложены информационные «субботние страницы», еще не мной заведенные в «Северной правде»: я только-только приступила к первой в своей жизни работе. Позади славные университетские годы и московская беззаботная вольница.

Теперь меня каждый день навешают костромские старички, благообразные (и не очень). В редакцию «Северной правды» они несут заметки о том, сколько арбузов сегодня разгрузили на волжской пристани и сколько вагонов с костромскими тканями отправлено по железной дороге. Кто просительно, кто требовательно, но каждый настаивает, чтобы их новость на газетной полосе появилась незамедлительно.

Вдур на пороге возникает молодой человек. Высокая шевелюра, довольно сильные очки. Буркнул что-то и оставил на столе статью о находке в областном архиве. Что за находка случилась – сейчас не вспомнить. Видно, что-то интересное в ней было, заметка быстро увидела свет. И молодой человек вновь возник на пороге. Тут уж я успела спросить, давно ли он там, в архиве, и где учился. Оказывается, он, как и я, только-только прибыл в Кострому. И уже одно это меня как-то расположило к новому автору.

Историко-архивный институт хоть и стоял в центре Москвы, от университета в нескольких сотнях метров, был от нас, журналистов,

далек, как если бы пребывал на краю света. Мы-то, можно сказать, «жизни смотрим в лицо», а тут пыльные архивы, жизнь, канувшая в Лету...

Редакционные обеды обычно в стенах фабрики-кухни, отстроенной в 1930-е годы как раз напротив Богоявленского собора. В соборе располагались архивисты. Ходили обедать в те же часы, что и мы. Среди женских голов в шумной очереди выделялась вешающая голова моего нового знакомого. Уверенным тоном и довольно громко он всякий раз продолжал убеждать в чем-то своих сотрудниц. Мы с Игорем между собой посмеивались незлобно над тем, что «архивный юноша» не успел, видимо, договорить на работе что-то важное. «Архивны юноши» – помнится, промелькнули где-то у Пушкина. Архивным юношей стали мы звать Виктора Бочкова.

Он жил в милицейском общежитии. Когда мы познакомились поближе, Виктор часто угощал нас байками и анекдотами из милицейского быта. Непосредственная его начальница Вера Константиновна Колбасова, видимо, переживавшая за молоденького нового сотрудника, просила редакционную свою приятельницу познакомиться Бочкова поближе с нами, тоже новичками в городе, но уже как-то обустроившимися. И вот заведующая отделом писем Гасана Гасановна Васильева говорит об этом Игорю. Тот с легкой шуткой бросил: да пусть заходит, поговорим. Стопы Бочкова с его статьей на этот раз направлены, невидимым для него образом, прямохонько в отдел культуры. С Дедковым-то Виктор гораздо быстрее, чем со мной, наладил короткие отношения. Мы же с Виктором до конца дней своих, как это ни покажется удивительным, и через четверть века не перестаем говорить друг другу «Вы». Он по-рыцарски

обращался к женщинам только на «Вы». И я – почти со всеми из Игоревых приятелей, исключая университетских товарищей – не спешила сокращать почтительную дистанцию. Особенно, если это касалось еще и служебных, журналистских дел.

Виктор позвал меня в архив. Показывал сохранявшиеся еще остатки фресок Гурия Никитина, хранилище документов, какие-то уникальные фонды. И, таким образом, один из первых моих репортажей в «Северной правде» был на архивную тему. Бочков хранил этот репортаж, и недавно Лариса Васильевна передала мне пожелтевшую вырезку.

Как-то раз на костромской улице Виктор говорит шутливо Игорю: «А я тебе невесту подыскал...» – «Да я уж, брат, женат», – засмеялся Игорь. Еще больше он расвеселился, когда услышал, что Бочков говорит о «Тамаре Сальниковой». Свои статьи я подписывала тогда девичьей фамилией. Виктор еще не знал, что приехала я в Кострому велед за Дедковым, будучи уже его женой, а познакомилась мы еще весной 1955-го.

Все мы были очень молоды тогда. По весне Бочков эпатировал окружающее народонаселение тем, что в плавках выбирался на крышу соборного придела загорать. В обеденный перерыв летом мы вместе бежали купаться на Волгу. Виктор был очень довок и по бревнам, плавающим возле берега (рядом фанерный комбинат), перебегал подальше, к чистой воде. А я однажды чуть не утонула там. Помню, как Бочков на наших глазах переплыл Волгу туда и обратно. Но это случилось, правда, позднее, году эдак в 1968-м, когда они с женой Ларисой ждали ребенка. Был тот залпыл возле Лулева. Там противоположный берег реки едва виден. Баржи, теплоходы, буксиры один за другим... Волга была тогда работающей, мно-

гонаселенной рекой. Мы, оставшиеся на берегу: Игорь, Лариса, Пьяных Михаил Федорович с Ларисой Ивановой — напереживались, пока дождались возвращения Виктора с другого берега.

У Бочкова была в те годы сильная фигура гимнаста. Почти каждое лето он отправлялся в Крым, на море. И эти поездки были предметом его гордости перед нами, выезжавшими разве что в деревню. Зарабатывал он на эти поездки сверхурочными работами: бегал по учреждениям и обрабатывал архивы.

В.Н. Бочков в читальном зале архива. 1960-е гг.

Одну из первых своих книг о Костроме, написанную совместно с К.Г. Тороп, он подарил нам с такой надписью: «Окостромичившимся» Тамаре и Игорю Дедковым от «окостромичившегося» с их помощью автора. 31 XII 1970. 23.50. В.Бочков».

Очень быстро, в 1962, вышел из печати Путеводитель по Государственному архиву Костромской области, подготовленный В.Н.Бочковым. Понимаю, что подготовительные работы к изданию шли в коллективе архивистов задолго до этого. Важную роль сыграло правильное Положение 1958 года о Государственном архивном фонде СССР. Этим Положением государственные архивы были отнесены к числу научно-исследовательских, и это меняло всю атмосферу работы в них. Но неудачно создание путеводителя уверенно возглавил молодой сотрудник, действительно имевший склонность к

научной работе и навыки именно системного подхода. Он и справился с работой достойно и быстро. На мой взгляд, в путеводителе, при всех прочих его достоинствах (не мне судить), бесценны описания фондов дореволюционного периода, в том числе были важны даже просто назывные упоминания фондов личного происхождения и коллекций. Для Бочкова как исследователя они представляли особый интерес. После известного пожара те документы безвозвратно утрачены для нас и для истории.

В 1964 году архив стал посещать Александр Александрович Григоров, вышедший на пенсию историком-краеведом чисто любительского статуса. Судьба семьи Григоровых и самого Александра Александровича взволновала Бочкова. Я вспоминаю его рассказы о чудесном этом старике, его сильные истории. Бочков, уже в силу своего служебного положения, принимал в изысканиях Григорова непосредственное участие и профессионально помогал ему советами. Думаю, что этому общению Виктор Николаевич обязан и выбором темы кандидатской диссертации, когда настала пора его свершить. Напомню, что это была история «формирования служилого дворянства в Российском централизованном государстве». Богатства костромского архива обещали исследователю фактические открытия. Там хранились документы, которые никогда до этого не упоминались ни в

каких научных публикациях.

Ярче всего помнятся, конечно, те события и случаи, в которых ты принимал непосредственное участие. Коротко упомяну о некоторых историях с собственным моим участием. Виктор уговорил меня написать об одной из воспитанниц Костромской женской Григоровской гимназии. Старая гимназистка работала последние свои годы в областной библиотеке. Очень вскоре после нашей встречи, помнится, умерла. На публикацию было много откликов. Еще больше откликов в редакцию и в архив пришло на «Экскурсию по Костроме», публикацию самого Бочкова. Он писал о «доме над Волгой», т.е. о мужской классической гимназии, и о воспитанниках ее. Самым дорогим был благодарный отклик «дальневосточного» писателя и человека непростой судьбы Всеволода Никаноровича Иванова, в 1906 году окончившего Костромскую классическую гимназию. Дедков перепечатал тогда для себя, с согласия Виктора, большое письмо старого писателя, и текст его не раз цитировал в своих выступлениях. «У нас есть даже некоторое, возможно, перед молодыми современниками преимущество, — писал Вс. Иванов, — мы богаты не только будущим, которое придет, но богаты и прошлым, и добрым теплым прошлым, которое было уже реально. Мы — последние XIX века, а XIX век — век Великого Мира и нарастающей мощи культуры, о чем блистательно свидетельствует русская литература того XIX века: книги-то ведь никуда не девались, книги «живут и дышат, как тогда». Вот почему мы, уходящие, — «люди призывные», мы — такие оптимисты. И оптимисты потому, что у нас у всех — и старых, и молодых, — есть великие «резервы», фундаменты в дорогом прошлом». Судьба этого писателя, воскресшего из небытия, и судьба его книг с того раза продолжали занимать Дедкова. Он разыскивал его роман-хронику «На Нижней Дебре» (1958), изданный в Хабаровске.

Припоминаю еще одну встречу с человеком из прошлого Костромы, с которым меня свел Бочков. Это была Александра Петровна Рязановская. Вдова Ивана Александровича Рязановского, еще добрая ду-

хот и памятью, доживала свои дни в Малышково. Дом престарелых – незавидное место, ей там приходилось несладко. И мы с Виктором ходили в Малышково и по началу с надеждой ей помочь. К сожалению, и после наших хлопот мало что переменялось к лучшему. А воспоминания об этой неунывающей и энергичной женщине остались самые светлые.

Быстрые успехи Бочкова пришли не по душе некоторым из его коллег, его же бывшим сокурсникам, к примеру. Они с немалым успехом продавались по лестнице комсомольских и партийных карьер, а этот «инфант террибл», этот ворчун, часто не воздержанный на язык, подвергавший сомнению и даже осмеивая их бесчисленные собрания и требования, чуть ли не каждую неделю печатается в областной газете. Явно обходит их на дистанции: принят в аспирантуру! И о чем собирается писать, о каких-то дворянских гнездах, о помещичьих усадьбах! По инициативе этих типичных для советского времени активисток затевается травля молодого научного сотрудника. То, что произошло на тех комсомольских и профсоюзных собраниях в конторе Госархива, звучит сейчас, да и тогда звучало, смехотворно (по крайней мере, в переложении самого Виктора), – а чувствую юмора его не оставяло). И оставались бы те речи казусом, если б не имели драматических последствий для самого обвиняемого. К сожалению, «возно» поддержал тогда обком комсомола во главе с первым секретарем В. Филиповым, которого раз беспощадно высмеял Бочков. После официального письма-доноса Бочкова из аспирантуры историко-архивного института исключают. Он вынужден уйти и со службы в архиве, где он как никто другой был на месте. Как оказалось, ему не суждено было вернуться в архив.

Как-то раз под настроение, за обедом, в своем сельковском жилище, Виктор рассказал вот что: отец был репрессирован по «Ленинградскому делу», и они с матерью скитались по ивановским селам. Каждый председатель сельсовета мог сказать им: «Чтоб через 24 часа вашего духа здесь не было». И вот в одной из школ учительница сказала кому-то, что он «сын немецкого шпиона». Дети подвергли

его остракизму. Он ходил задан, чтоб не слышать в деревне, что у него отец шпион. «То были ужасные месяцы, они наложили отпечаток на мой характер», – сказал Виктор. Такой второй по искренности беседы, надо сказать, и не случилось больше. Мы старались подобных болезненных тем не касаться. (Запись в моем дневнике от 19 июля 1976 года).

Дедков посоветовал Бочкову найти работу в областной библиотеке, поговорил с Андреем Сильверстовичем Морозовым. Да сам Виктор был давно своим человеком в библиотеке.

Бочков едет на исторический факультет Московского университета и успешно сдает экзамены. Писали ли и туда добрехали ли, неизвестно. (Коллектив библиотеки был куда демократичнее.) Но с октября 1965 и до 1969 года Бочков учится заочно в аспирантуре МГУ.

Письма Бочкова из Москвы, сохранившиеся у его друга Игоря Дедкова, свидетельствуют о том, как плодотворны оказались для Виктора тогдашние московские занятия в библиотеках. Письмо от 16 ноября 1968 года: «Занимаюсь я усиленно – и в архивах, и в библиотеках. Более всего испытываю приязнь к Историческому музею – там, в отдел письменных источников, надо ходить через все залы, и я по дороге осматриваю что поинтереснее. [...] Читаю тоже всего больше, чем в прочие наезды. К сожалению, дают ненадолго, но кое-что я фиксирую.

Ты, помнится, интересовался Л.Шестовым. В Лен[инской] библиотеке в каталоге значится только:

Шестов Л.И. Собрание сочинений. Изд. 2-е. Т. 1 – 6. СПб.: Шиповник, 1911.

Т.1 Шекспир и его критик Брандес. 286 стр.

Т.2 Добро в учении гр. Толстого и Ницше. 188 стр.

Т.3 Достоевский и Ницше. 245 стр.

Т.4 Апофеоз беспочвенности. 294 стр.

Т.5 Начала и концы. Сб. статей. 197 стр.

Т.6 Великие кануны. 314 стр.

Из других книг могу назвать Г.Шпета – Мысль и слово, Философский ежегодник. М., 1921; Философское мировоззрение Герцена.

Пг., 1921; Эстетические фрагменты, 3 тт. Пб., 1922–1923, и В.Ф.Ходасевича. О Пушкине. Берлин, 1937.

Видишь, сколько можно выписать! Мне же приходится больше брать пражские издания 20-х–30-х гг. по истории, что, впрочем, тоже интересно».

Этот список книг – ответ на просьбу Дедкова найти в московских каталогах издания, которые можно было бы выписать в Кострому по межбиблиотечному абонементу. Такие подробные списки чтения случались в переписке Бочкова и костромского «сидельника» Дедкова не единожды. Чтение часто оказывалось параллельным и становилось предметом их дружеских бесед. Осваивали они дружно наследие русских философов, историков, социологов и писателей начала XX века как раз в 1968–1970 годы.

А вот еще одно письмо, начала 1969 года, с именами друзей и неизбежными подробностями быта тех дней: «[...] Лесневский все-таки написал что-то в «Литературную газету» и «Юность» и переживает – пройдут ли. А я обрадовался больше всего, когда узнал, что твоя статья стоит в третьем номере».

У меня – монотонное писание диссертации. Ежедневная норма – 5 стр., сижу в Историчке с 9 час. утра до 9 час. вечера. Взял, правда, зарубежные книжечки А.М. Ремизова и прекрасные Карлейлевские «Памфлеты последнего дня» – ими и Стасика соблазнил. Читаю по полчасу после трех часов работы.

А так нигде не хожу из-за полного безденежья. Не забудь, пожалуйста, сказать в вашей бухгалтерии, чтобы мне переслали гонорар в Москву на «К-9» (не на университет). Какая-то ерунда получилась – даже на метро не хватает. [...] Мне бы нужно появиться в Костроме, но я не профессор русской литературы и, подобно Белинкову, не могу летать каждую неделю на самолете из Иельского ун[иверсите]та в другой конец и ун[иверсите]та».

Наставали времена, когда возможность защитить диссертацию по шестнадцатому веку становилась все более проблематичной:

«Моя Голгофа – кафедра в МГУ: бывая там, как Данте в аду, вижу чудовищ. А тружусь в благородной Исторической библиотеке, испещряя дести бумаги рассуждениями о

детях боярских, слугах дворных и т.д. То-то будет пиришествво любителям модерновых и актуальных тем. Вот и распишут меня на собственных языках, обложат горчичниками рецензий и сожгут. А вдруг я обернусь Фениксом?». Это было апрельское письмо 1969 года, последнее из тех, где еще сохранялась надежда.

Итак, возвращение на круги своя, служба в областной библиотеке. Бочков начинает читать курс лекций по истории в Костромском педагогическом институте.

Мы radoвались выходу его сборника исторических рассказов «Так начинался подвиг», выходу книги о Костроме. Имя Бочкова авторитетно в городе. Горисполком, сам председатель его В.Ф. Широков предоставляет семье Виктора квартиру. Тогда Костроме еще везло на руководителей, понимающих, на мой взгляд, культуру. Таким интересным, уважаемым человеком был Борис Демьянович Капустин, возглавлявший какое-то время областное управление культуры. В 1972 году он, по рекомендации Игоря Александровича, должность зам. директора по научной части в щельковском музее предложил В.Н.Бочкову. Виктору 35 лет. Он молод, энергичен и честолюбив. Первая самостоятельная должность, да еще где, в музее-усадьбе А.Н.Островского! В кругу общения нового научного работника теперь – внучка великого драматурга М.М.Шателен, известные исследователи творчества Островского А.И.Ревякин, В.Я.Лакшин, председатель Всесоюзного театрального общества народный артист СССР М.И.Царев и другие замечательные личности. Именно с ними нашему другу приходится решать многие насыщенные задачи музея, к ним обращаться за помощью, у них искать поддержки.

В те годы, в пору туристского советского бума, в музей-усадьбу автобусы привозят ежедневно сотни и сотни посетителей. Маршрут «Золотого кольца» пролегал и через маленькое Щельково. Принять десятки тысяч посетителей в год, да еще с минимальным уроном для музея-усадьбы и ее окрестностей – вот это задача!..

В Доме творчества ВТО отдыхают известные артисты, режиссеры, художники со всех концов страны. Областное начальство возит сюда важных гостей, министров, предьявляя Щельково как визитную карточку области. Директор, бывший председатель колхоза, озачобен больше всего именно этим – тем, как угодить именитым гостям, из ВТО ли они, из Костромы ли.

Сразу завязывается узел противоречий и противостояний, ибо новый зам. директора во главу угла ставит интересы сохранения усадьбы. Вырубает мусорный кустарник на нижней террасе, старые нихты пред домом Островского смело заменяет молодыми саженцами, обносит Щельково палисадником. Гости-старожилы в ужасе от столь решительных и столь зримых перемен. Когда-то еще поднимутся саженцы перед домом?! Когда вновь станет тенистой обожаемая «отдыханцами» привычная тропка к родинку?!

Наезжая летом в наше любимое Щельково (Игорь Александрович побывал здесь впервые в 1948 году), мы видим, какими дружными и самоотверженными усилиями сотрудники музея восстанавливается библиотека усадьбы, разоренная в свое время, как пополняется музей крестьянского быта. Все тогдашние живые деревни и села Островского района, Кинешмы и Заволжья дом за домом обошли сотрудники.

Знакомимся с новыми сотрудниками музея Натальей Знаменской, Мирославой Кичоть, молодыми выпускниками московских вузов Олегом Мраморновым, Глебом Анищенко (оба стали впоследствии писателями), Ольгой Кушовой, которая сейчас читает курсы лекций во ВГИКе и Московском университете. Для них Виктор Николаевич остается непрекращаемым авторитетом, русским интеллигентом-подвижником.

Познакомились с художницей Валентиной Кропивницкой, лингвистом Константином Бабицким, ссыльным диссидентом 1968 года, купившим дом в ближайшей деревне.

В Щельково бываю в гостях у Виктора писатели Игорь Золотуцкий, Станислав Лесневский, наши

общие друзья молодости. Сам Бочков часто ездит в театры Москвы, Ижевска, Душанбе, Ашхабада и другие города большой страны, собирая для литературно-театрального музея эскизы декораций, а часто и сами декорации к спектаклям по пьесам А.Н.Островского, афиши, программки, газетные и журнальные рецензии, портреты актеров. Бесценные свидетельства бессмертия великого русского драматурга.

Звездные часы в жизни Виктора. И сделать ему в эти звездные часы удалось немало.

Больно вспоминать о том, как дружно начали выживать его из музея, а потом оставили без работы. Уже одно то, что кто-то из молодых сотрудников крестился, венчался в церкви, становилось предметом пристального внимания спецслужб и вменялось в вину Бочкову. Еще больше досталось за то, что он пошел Бабицкому, – тому не на что было жить, и Виктор взял его на работу стюардом. Новый начальник областного управления культуры Ф.М.Нечушкин вел себя трусливо и недостойно.

Замечательно, что Бочков сохранил мужество и творческое лицо. И после всех испытаний продолжал писать, продолжал работать. Составлял свод памятников истории и культуры Костромской области. Написал и издал книги «Заповедная сторона. Вокруг Щелькова», замечательный сборник очерков об образах и прототипах в русской литературе («Скажи: которая Татьяна?», подготовил к печати редкую книгу «Старая Кострома».

Мне в личности Бочкова видится что-то от Ремизова и от Розанова, как я их представляю.

Игорь Александрович считал Виктора Бочкова самым близким другом и любил его. Об этом свидетельствуют их письма, которые Игорь и Виктор посылали друг другу на протяжении четверти века, в те редкие месяцы, когда покидали Кострому.

Примечания

¹ Речь о первой большой статье Игоря Дедюна в журнале «Новый мир» (1969, № 3) «Страницы деревенской жизни. Полевые заметки».

² Писатель, литературовед Аркадий Викторович Белкин (1921–1970) с 1968 года был в эмиграции в США.

ВСПОМИНАЯ ВИКТОРА БОЧКОВА

Я познакомился с Бочковым в июне 1975 года – пасмурным, влажным, по-щельковски духовитым днем. Виктору Николаевичу исполнилось 38 лет, он был в расцвете сил и дарований, щедро отпущенный ему природой. Держался он деловито, благожелательно, своей постоянной сосредоточенностью на проблематике музея А.Н. Островского производил впечатление первого и самого ответственного лица в щельковском пространстве и действительно являлся таковым.

Щельково было его обширным хозяйством, предметом каждодневных треволений и забот, это была его мастерская – научная и художественная лаборатория, откуда он оглядывал окружающий мир и пытался вести с ним диалог. Мир бывает жестоким и вероломным; Бочков знал это – он был весьма осторожный, настороженный собеседник. Хотя, повторяю, по натуре был благожелательным, временами даже благодушным человеком. Мне довелось трудиться в Щелькове под началом Бочкова около трех лет, вплоть до момента его драматического ухода из Щелькова. Затем – вплоть до преждевременной кончины Виктора Николаевича – нас связывали тесные, ничем не омрачаемые отношения.

1976-й и 1977-й годы были заключительными в его щельковской идиллии. Это были годы наветов и гонений. Власти злобствовали все больше и больше. Их приводила в ярость внутренняя (абсолютная) и внешняя (нескрываемая) независимость Бочкова. Его стремление вести дело по-своему было связано с его самостоятельной музейной, культурно-просветительской, природоохранной, кадровой политикой, а власти (начиная с райкома партии и кончая ВТО) во что бы то ни ста-

ло стремились привести его к раболопию, угодничеству, желанному для них заискиванию. Когда они поняли, что это невозможно, они решили вообще убрать его из Щелькова. Однако Бочков к тому времени сумел приобрести авторитет в научных, музейных, литературных кругах, трудно было оспорить его бескорыстную преданность музею, трудолюбие, профессионализм, ответственность...

Они тогда победили, но «победа» далась им нелегко. Дорого обошлась эта «победа» и музею-усадебке А.Н. Островского, стараниями Бочкова превратившемуся в культурный центр более чем областного масштаба. Думаю, «победители» не испытали «чувства глубокого удовлетворения», – если выражаться на газетном жаргоне тех лет, – скорее, минутное облегчение в их несладкой доле oprичников и душителей. Все-таки иногда и на этой грешной земле торжествует правда. Где теперь эти гонители, укоротившие дни Виктора Николаевича, да и не только его?.. Где все эти так называемые члены так называемых комиссий, якобы музейщики, а на самом деле «искусствоведы в штатском»; где не скрывавшие своих званий полковники и майоры – специалисты по борьбе с инакомыслящими, то есть честными, порядочными, интеллигентными, все эти стражи коммунистического единомыслия, чуть не ежедневно являвшиеся в музей и отравлявшие усадебный воздух – они теперь – «яко прах, его же возметает ветер от лица земли»... Память же Виктора Николаевича чествуется и пребудет...

Бочков не только собрал выдающуюся музейную коллекцию, развернул экспозиционную работу, возвысил статус провинциального музея до общероссийского – он

привлек в музей заинтересованных, способных вести культурную работу людей. Щельково в тот период, когда музеем руководил Бочков, было заповедником-оазисом, где людям легко работалось и дышалось, где человек отдыхал от душной идеологической атмосферы казенных учреждений. Виктор Николаевич в те годы пригнул, дал кров и пропитание не одному из гонимых режимом людей. Самым заметным из них был известный московский лингвист, правозащитник Константин Иосифович Бабицкий, работавший в нашем музее плотником и декоратором. Это был уже отбывший ссылку один из семерых смельчаков, не испугавшихся выйти на Красную площадь в 1968 году, протестуя против ввода советских войск в Чехословакию. Константин Иосифович также отошел в лучший мир. Мы проводили его осенью прошлого года. Он умер в Москве почетным гражданином Чешской республики...

Виктор Николаевич отнюдь не был диссидентом, то есть человеком, профессионально посвятившим себя борьбе с коммунистическим режимом. Он был создан для кабинетной исследовательской работы, но он был последовательно и четко мыслящим человеком, которому было свойственно выражать свои мысли вслух и без обиняков. В те годы это квалифицировалось как инакомыслие...

Бочков был шестидесятником, сформировавшимся в годы хрущевской оттепели. Он любил вспоминать, что его печатал Твардовский, и он действительно публиковался в «Новом мире» примерно в те же годы, когда там печатался Солженицын. Бочков был, конечно, замечательный ученый – архивист, музейщик, историк, краевед, лите-

ратуровед, генеалог – но он был и литератор-очеркист, умевший написать журнальную статью с особым, только ему свойственным изяществом. Журнализм Бочкова носил очень профессиональный научно-просветительский характер. В той или иной его журнальной работе обязательно сообщалась историческая новость, всегда было открытие, но присутствовал еще и отсыл к чему-то большему – к России, к ее великой культуре. Тем самым сообщение, новость встраивалась в более высокий словообразующий ряд, ей придавалась значитель-

ность, знаменательность.

Я сказал, что Бочков по своим связям, умозаключениям примыкал к шестидесятникам, но он, конечно, не был только шестидесятником. Его традиционализм, укорененность в истории превосходили рамки шестидесятичества, его неприятие советизма было глубже и радикальнее, чем у шестидесятников, оставшихся в пределах «социализма с человеческим лицом», его правосознание было свободнее разрешенных в шестидесятые годы представлений, наконец, его чувство России отличалось яр-

ким своеобразием, не укладывавшимся в границы принятых в среде шестидесятников понятий.

При этом Бочков вовсе не был «квасным патриотом», скорее, наоборот. В его ощущениях родины присутствовали горечь, желчность, язвительность, сарказм, неприятие тех уродств, с которыми ему пришлось часто сталкиваться в его нелегкой жизни. Он во многом был «западником», человеком, хорошо знавшим европейскую культуру, ценившим западную традицию, свободу, цивилизацию – хотя всю свою жизнь был невыездым. Тут дело в другом. При своих «западнических» наклонностях Бочков был носителем русского культурного предания, его знание России было не знанием начетчика, но знанием свидетеля. Он не жил физически в дореволюционной старой России, но осязал ее физически. Он уходил в эту страну глубокими корнями, всеми своими изысканиями, несравненной памятью...

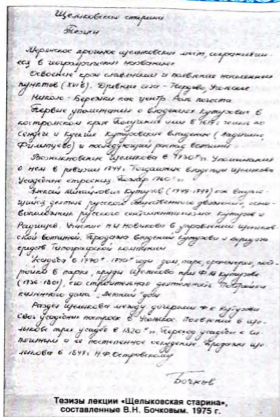
Что, в сущности, делал всю свою жизнь Бочков? Делал как исследователь, организатор, писатель, публикатор, педагог, лектор? Он устранял разрывы, зияния, он воссоздавал последовательную непрерывность предания.

Жизнь его в общем-то безрадостные русские годы была свидетельством и даже как бы своего рода фактом непрерывности предания. Благодаря таким, как Бочков, русская история не знает разрывов, она непрерывна и целокупна. Он побуждал вспоминать то, что нас всеми силами заставляли забывать.

История страны отнюдь не сводится к истории политической, которая суть история преступлений и убийств. И Бочков не любил политическую историю, хотя у него были любимые политические деятели, например, Столыпин. История, которую любил, воссоздавал и делал непрерывной Бочков, это история других – не политических

В.Н. Бочков. Кижы, 1960-е гг.

реалий. Можно сказать, что это история культуры. Это будет правильно, но слишком широко. Я бы сказал, что это история культурного и литературного быта, история человеческих подробностей, человеческой, гуманной среды исторического обитания. Его краеведение не было школьной или скучной дисциплиной. Конечно, в его книжках есть все, что полагается для добротной краеведческой литературы, то есть правда факта, вкус к подробности, детали, но, кроме того, в них присутствует правда исчезнувших человеческих судеб, гуманность. Бочков был гуманистом в старом смысле слова, его интересовало историческое преломление человечности. Это сулит его дощатому описательному краеведению долгую жизнь.

истории в лицах. Бочков всегда и писал, и рассказывал историю в лицах. Я хорошо помню его костромские сюжеты, касающиеся отца Павла Флоренского, Василия Васильевича Розанова, Ивана Александровича Рязановского, костромских краеведов 1920–30-х гг., репрессированных сталинскими чистками; рассказы о посещении Ольги Форш, о проживающих в Костроме сербском патриархе и графине Игнатьевой, сестре «красного графа» Игнатьева, настроенной противоположно своему брату. Рассказы Бочкова давали импульс к поиску, его повествования хотелось дополнить, уточнить. Я думаю, что продолжатели его дела во многом заражались именно его устными рассказами, шли от них. Бочков, дума-

Мне часто вспоминается Бочков-рассказчик. Все, кто знал его в этом качестве, подтверждает, что он был редкостный мастер устной новеллы. Он вообще любил старинные жанры: эпистолярный и устный, и отмечено обоими владел. Русская и костромская история оживала в рассказах Виктора Николаевича. В них содержалось много подробностей, которые я потом, к сожалению, не находил в его печатных работах. Это были

ется, не был сугубым дидактом, он оставлял своим ученикам и слушателям свободу поиска, давая первоначальный импульс этого поиска. Во всяком случае, когда я поехал к Георгию Ивановичу Лебедеву в Чухлому, а потом написал и опубликовал очерк об этом патриархе костромского краеведения, мне захотелось продолжить именно устные рассказы Бочкова...

И еще мне часто вспоминается чтение Виктором Николаевичем стихов. Он был большой ценитель поэзии и знал на память великое множество стихов: читал наизусть Апухтина, Вячеслава Иванова, Гумилева, Михаила Кузмина, Ходасевича. Он украшал беседу поэзией, и в этом заключалась особая учтивость и изящество, которые были свойственны ему как собеседнику.

Виктор Николаевич прожил жизнь русского интеллигента, волнующего вечными вопросами бытия. Его рефлексивность не помешала ему стать человеком дела. Он ощущал свою жизнь как поручение и, несмотря ни на что, это поручение исполнял как свой, если хотите, общественный долг.

Бочков остался в моей памяти как труженик и собиратель, собиратель исторической и культурной Костромы и, конечно, хранитель тех подробностей и черточек, которые после его кончины никто не воскресит. Во внимании к подробности, к детали сказывались завска историка-архивиста, исследовательская хватка.

Я хотел бы закончить свое небольшое воспоминание строчками из стихов В.А. Жуковского, которые часто любил повторять незабвенный Виктор Николаевич:

Не говори с тоской: их нет.
Но с благодарностию: были.
Март 1994 года, Москва

ГАКО, ф. Р-34, оп. 7, л. 201, л. 13–17.

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ РАССКАЗЫВАЛ

Ольга Ильина

Однажды, когда я спросила Колю Шувалова что-то о Костроме, тот ответил, что лучше Бочкова никто старой Костромы не знает. Мы с ним зашли в областную библиотеку, где Бочков тогда работал, но его не застали. Знакомство отложилось на годы и годы.

В 1987 году, будучи председателем общества охраны памятников культуры в своей областной санэпидемстанции, я как-то поняла, что в этом деле свои ресурсы исчерпала. Просматривая прошлые номера «Северной правды», увидела маленькую заметку о краеведческом объединении при клубе им. И.Д. Зворыкина. Позвонила. Мне назвали день занятий. Придя, я подробно расспросила администрацию клуба, чем занимается это объединение, кто руководит, кто посещает. Допрос, очевидно, был очень дотошным, т.к. в клубе решили, что я... «из органов».

Через краеведческое объединение Бочкова прошло много костромичей, но основной, постоянный состав – не более десяти человек. Вавилова Лариса Васильевна, Москалева Луиза Марковна, Васильева

Ирина Григорьевна, Сапрыгина Елена Васильевна, Вдовина Антонина Петровна, Головкина Ольга Вениаминовна, Алексеев Вадим Сергеевич, Иванов Петр Николаевич, Ковшикова Наталья Геннадьевна, Рассыпнова Маргарита Витальевна, Савиновский Петр Петрович, Геннадий Сидоров, Юрий Смирнов, Сизинцева Лариса Ивановна и я. Вот эта группа и подготовила материал для книги «Улицы Костромы». Мы обходили улицу за улицей, записывали, расспрашивали, а Виктор Николаевич по вечерам на занятиях рассказывал нам историческую, архивную информацию. Справки получались полные, подробные. Материал этот – расширенный, уточненный – отчасти вошел и в великолепную книгу В.Н. Бочкова «Старая Кострома», изданную в 1993 году стараниями Андрея Александровича Анохина и Ларисы Ивановны Сизинцевой.

Я старалась не пропустить ни одного занятия, понимая огромную важность деятельности В.Н. Бочкова: он приобрел к краеведению многих и многих. Пусть кто-то приходил три-четыре раза, кто-то боль-

ше – общение с краеведом такого масштаба навсегда оставило свой отпечаток на отношении человека к Костроме, к ее истории.

Иногда Виктор Николаевич устраивал для нас экскурсии по городу. И тут к нам порою присоединялись посторонние люди, просто прохожие. Вряд ли еще от кого-то они могли узнать то, чем щедро делился Бочков со своими слушателями.

Денег за «Улицы Костромы» мы не получили – чай и торт «гуляйка» на свои. Кроме того, в бюро технической инвентаризации, принявшем участие в издании книги, нам предложили самим реализовать тираж. Я закупила тогда много-много – и для своих, и для ГОРСЭС, и для всех знакомых.

Мое участие в работе объединения заключалось главным образом в том, что я старалась сделать интересными «антракты». Приносила в клуб любопытные книги, фотоленки, планы старой Костромы, просто подбирала интересный материал, порой даже и не о самой Костроме. Описала я всего лишь одну улицу – Глазковский проезд, где я тогда жила. Позднее, когда от описания улиц перешли к костромским знаменитостям, собрала материал о преподобном Макарии Уиженском.

Учет посещаемости		Учет занятий												
№/п	Ф. И. О.	Д А Т Ы										С О Д Е Р Ж А Н И Е РАБОТЫ	Инициалы посетителя	
		17.11	22.11	29.11	6.12	13.12	20.12	27.12	3.01	10.01	17.01			
1	Алексеев В.С.												Экскурсия по ул. Ковшикова	В.Н.
2	Васильева Л.В.												Ковшикова ул.	В.Н.
3	Вдовина А.П.												Экскурсия по ул. Энгельса	В.Н.
4	Васильева Л.В.												Экскурсия по ул. Ушакова	В.Н.
5	Ильина О.В.												История ул. Энгельсбургская	В.Н.
6	Ковшиков С.И.												Редактирование справок по истории улиц	В.Н.
7	Ковшикова Н.Т.												Редактирование справок по истории улиц	В.Н.
8	Левина Ф.И.													
9	Посыпалов Л.А.													
10	Мазановский В.С.													
11	Тихонова Т.И.													
12	Рассыпнова М.С.													
13	Савиновский П.П.													
14	Савиновский В.В.													
15	Васильева Л.В.													
16	Серебрянников И.И.													

Журнал учета занятий краеведческого объединения при клубе л/к им. И.Д. Зворыкина. 1980 г.

И.Г. Васильева, 1970-е гг.

С Виктором Николаевичем у меня с самого начала сложились дружеские отношения. Я умела не обращать внимания на свойственную ему язвительность, а он снисходительно относился к тому, что я на его беседах откровенно спала. Тогда я много работала, сна мне явно не хватало, я старалась хоть минутку урвать, где только можно – на совещаниях, на остановках, в автобусах...

Однажды на мой день ангела – 24 июля – Виктор Николаевич тогда с еще маленькой дочерью приехал ко мне на дачу в Сулятино. До Сулятина восемнадцать километров по жаре автобусом и три – лесом. Оля предложила мобилизовать папу на прополку морковки, на что он с готовностью воскликнул: «Я смогу!» Дело до этого не дошло, а на обратном пути мы набрали по трехлитровому бидону черники...

Иногда Бочков приглашал меня в обеденный перерыв к себе – в квартиру на ул. Юрия Смирнова. Все-то у нас был час! И автобус! Однако Лариса Васильевна, у которой был тот же час – всегда полностью сервировала стол. Помню, один из таких обедов был по случаю получения Виктором Николаевичем «Лермонтовской энциклопедии».

Виктор Николаевич рассказывал, что на один из вступительных экзаменов в аспирантуру он пошел без

подготовки и на недоумение экзаменаторов спокойно сказал: «Я знаю столько, сколько вы все, вместе взятые, и еще немножко». Они принесли труды Ленина, стали его «гонять», а он – «Том такой-то, страница такая-то...» Еще рассказывал, что в войну, в блокаду, все жители многоэтажки жили для тепла в одной большой квартире на первом этаже. А мама, идя за водой на реку, всегда брала его с собой, боясь, что этого будет не хватать... Рассказывал также, что в бытность его работы в библиотеке в его обязанности входила «атеистическая пропаганда» на страницах печати: «И никто не заметил, что мои статьи были направлены на критику других конфессий».

По моей просьбе Виктор Николаевич охотно читал лекции в обл. СЭС, водил экскурсии по улицам города. Однажды я уговорила Виктора Николаевича прочитать лекцию по истории Костромы на моей любимой геофизической станции – я раньше там работала. Из всех слышанных мною бесед эта была самая интересная – от истоков до наших дней. Все слушали с неослабеваемым вниманием. К сожалению, лекторам не принято аплодировать – это был как раз тот случай... В память об этом дне Виктор Николаевич преподнес мне одну из своих книг с дарственной надписью.

Есть у меня еще один подарок, преподнесенный Бочковым в ноябре 1980 года. Он сказал, что хочет подарить мне переписанный им в 1960 году сборник стихов Ахматовой, и передал тетрадь со словами: «Почему-то каждая любимая женщина, уходя от меня, уносила с собой томик Ахматовой». Я засмеялась: «Я ни в любимых, ни в любящих...». В костромских библиотеках книги «ANNO DOMINE» («В лето Господне») я не нашла, может быть, это вообще было что-то самиздатское. Много недатированных стихов, датированные охватывают период с 1913 по 1922 год.

Однажды Виктор Николаевич был у нас в гостях, не в праздник, с обычным визитом. Они долго беседовали с мамой, рассматривали фотографии. Про Н.М. Кишкина¹ он сказал, что тот «был выслан из России», на что мама возразила, что Николай Михайлович умер в кремлевской больнице от воспаления легких на руках у ее тетушки по матери. Я потом спросила Виктора Николаевича, что он считает в нашем доме самым интересным. Традиционным всегда был ответ – «Веру Валентиновичу, конечно!», но Виктор Николаевич и тут остался верен себе: «Фотография Веснича². И ведь от Виктора Николаевича я как-то узнала, что мой отец был в Костроме и провел здесь два дня – я была потрясена. Но ларчик просто открывался: он сам узнал это из разговора с моей мамой. Бочков оставался самим собой!»

На одном из областных пленумов общества охраны памятников истории и культуры, в перерыве, мы стояли в очереди в буфете – Владимир Семенович Соколов, Евгений Васильевич Кудряшов, Виктор Николаевич – болтали о чем-то, а потом я предложила: «Люди, проведите у нас в сангидемстанции беседы!» Бочков сказал: «Приду» – и приходил.

На этом пленуме я предложила создать общественную организацию для любителей старины, на что мне ответили: «Хотите – создавайте!» И вскоре мы создали обще-

ство любителей старины, в работе которого большое участие принимал всегда Бочков.

В 1982 году, после пожара в архиве на улице Симановского, Виктор Николаевич рассказывал, что он на этот раз не смог работать в Публичной исторической библиотеке – его каждую минуту вызывали из зала с одними и теми же вопросами: Почему сгорел архив? Что сохранилось? Что будет дальше?..

Как-то я предложила Виктору Николаевичу подарок – «Полное собрание» его статей, на что получила ответ: «Худшего подарка я еще не получал – с каждым годом я знаю все больше и часть материалов я бы сейчас изменил».

Мне хотелось узнать, кто такой Ионкер, рисунки которого у меня оказались. Виктор Николаевич принял все меры – написал одним, вторым, свел все воедино. Результат был великолепен.

Однажды к Виктору Николаевичу обратилась явно не костромская

пожилая пара с вопросом: «Что это за часовня?» (разговор состоялся у Смоленской часовни). Виктор Николаевич беседовал с ними минут сорок. Они были очарованы, восхищены, на что Виктор Николаевич скромно заметил, что это им мог рассказать любой костромич.

От Виктора Николаевича мы узнали, что песня «По долинам и по взгорьям» была маршевой у колчаковцев.

Всем кружковцам очень памятно три события: новогодний вечер – в клубе Зворыкина, пятилетие кружка – у меня дома и прощальное – у Виктора Николаевича. Мы действительно прощались с ним и старались вспомнить все, что сделали, что с нами было интересного, забавного... Я спросила Виктора Николаевича, в чем для него главная трудность болезни. Ответ был в духе Виктора Николаевича: «Раньше я продуктивно трудился до трех-четырёх часов ночи, а теперь в двенадцать меня почему-то смаривает...».

Работоспособность Виктора Николаевича всегда нас поражала.

И МЫ, Й КОСТРОМА ОЧЕНЬ БЛАГОДАРНЫ ВИКТОРУ НИКОЛАЕВИЧУ БОЧКОВУ ЗА ВСЕ ТО, ЧТО ОН СДЕЛАЛ ДЛЯ НАС И ДЛЯ НАШЕГО ГОРОДА...

Примечания

¹ Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) – один из лидеров кадетов; министр Врем. пр. врач. После Окт. рев. участник конгресс. организаций, арестован. После амнистии работал в Наркомздраве РСФСР. И. М. Кишкин был мужем одной из сестер бабушки О. Р. Ильиной – Нины Алексеевны, ур. Постниковой.

² Веснин Леонид Александрович (1880–1933) – один из трех братьев-архитекторов: Виктор Александрович В. (1882–1950), акад. АН РСФСР, деп. ВС СССР с 1937 по 1950 г.; Александр Александрович В. (1883–1959). Веснины возглавляли направление конструктивизма в сов. архитектуре, создавали коллективные проекты, уделяя особое внимание функциональному назначению сооружений, выдвигали в строительство новые конструкции и материалы. По их проектам построены: Дворец культуры автозавода им. Лихачева в Москве и др.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ НА ВКЛАДКЕ:

В. А. Серов. Портрет Е. А. Бальной. 1911 г. Елена Алексеевна Бальная, ур. Постникова – бабушка Ольги Ростиславовны Ильиной. Ныне портрет находится в Нижегородском музее изобразительных искусств.

Боговленский собор. Нач. XX в.

Привычка прочитывать афиши на уличных рекламных щитах у меня давняя... Несколько лет назад внимание мое к ним было повышенным. Я рассматривал пестрые и строгие листы-сообщения, ожидая встретить среди них один – непременно красочный с большим портретом человека, который, сам того не ведая, оказал некогда (и не только на меня) самое сильное влияние в смысле приобщения к костромской истории. По моим вычислениям город должен был праздновать его юбилей – пятидесятилетие.

Я следил за афишами. Их было много. Случались и юбилейные, с портретами. Одни звали на творческий вечер актера в театр, другие приглашали в музыкальное училище на встречу с музыкантом-педагогом, третьи извещали об открытии авторского художественного вернисажа в музее. Время шло, но так желаемой моему взору афиши, ни тем более портрета, на городских досках не наклеивали.

– Неужели забыли? Нет. Вероятно, все переносят, – думалось мне.

Вдруг случайно узнаю: торжество прошло по-семейному, скромно и незаметно. Знали о том немногие...

Мне оставалось лишь ругать местную прессу, не пожелавшую уведомить горожан о столь выдающемся событии.

Нынче, в апреле, он должен был встречать свою пятьдесят четвертую весну. Не случилось – страшная тяжелая болезнь внезапно оборвала его жизнь. Вечная ему память.

Я самовольно взял на себя обязанность рассказать людям о человеке, который волею судьбы более тридцати лет назад сделался подлинным костромичом, отдав нашему краю все – знания, труд, здоровье, целиком посвятив себя служению на по-

прище костромской истории.

Благодаря его многогранной, многопольной научной деятельности мы в продолжение ТРИДЦАТИ лет слушали его радиоочерки и ТРИДЦАТЬ лет читали его статьи и книги.

Мой рассказ о выдающемся историке, краеведе, литературоведе, писателе – ВИКТОРЕ НИКОЛАЕВИЧЕ БОЧКОВЕ.

Он ленинградец. Родился в особом, отмеченном историей, трагически памятном году – тридцать седьмом. Мать – Римма Степановна – студентка педагогического института им. Герцена.

Отец – Николай Кузьмич – инженер военного завода.

С окончанием учебы мать и двухгодовалый сын, исполняя ее институтское распределение, отправляются на жительство в Новосибирск. Римма Степановна служит там в детском дошкольном учреждении.

К лету 1941 года вернулись назад. Война застала их здесь (отец работал в Коврове). В блокадную зиму 1942 года их эвакуируют в Ивановскую область. Оказались в шуйской деревне. Устроив Виктора у случайных людей, мать занялась поисками работы.

Удалось получить место на Ченской ткацкой фабрике. Из деревни перебрались в рабочий барак при фабрике. Педагогической работы, разумеется, мать сыскать не могла, а потому приняла предложение на занятия трудом грязным, малооплачиваемым и требующим приложения сил физических. Виктора приняли в детский сад.

Такое положение виделось временным: жили надеждой на возвращение в Ленинград. Впоследствии Римма Степановна дважды предпринимала такие попытки. Снима-

лась с места, но оба раза постигала неудача...

В очередной раз с возвращением на фабрику приходилось заново хлопотать об устройстве (старое место обитания после таких отлучек теряли).

Одно время (несколько месяцев) случилось квартировать прямо на рабочем месте матери – в утильном цехе.

Фабричное бытовое неустойчивое заставило Римму Степановну искать более сносные условия существования. В той ситуации детский дом казался едва ли не совершенным пристанищем. Переехали в Шую.

В двадцатые годы, в поволжский голод, сюда из Астрахани вывезли группу изможденных детей. Среди них была и юная Римма Степановна. Теперь дом приютил (ее, прежнюю воспитанницу, здесь помнили) мать и сына.

Ей вновь подвернулась нелегкая фабричная работа, а Виктора зачислили в воспитанники заведения.

Детдомовская жизнь известная... О том времени сохранил Виктор Николаевич воспоминания всякие, остались и светлые.

Однажды, заболев, он оказался в изоляторе. Весь день один. Пищу только три раза приносили, да доктор навещал изредка. Давали книги. Вот тогда и пустился в чтение: долгое, глубокое. Полюбились герои М. Риды, Д. Дефо, Ж. Верна... Болельщик прошла. Выписали. Страсть к чтению осталась навсегда.

После детдома неожиданно, ввиду исключительно трудных бытовых условий, Виктор оказался в семье добрых бездетных знакомых. Они работали на фабрике, и мальчик, пристраивавшийся в фабричных помещениях, где случится, для приготовления школьных занятий приглянулся. Зару-

чившись его согласием – упростили мать. Виктор оказался в семье заботливых людей, которые прилагали все усилия в попытке хоть как-то скрасить его нелегкое мальчишеское существование.

Спустя три месяца семья Бочковых переселилась в село Дунилово. Место красивое, приметное древним монастырем.

Стал учеником местной школы. В ученье среди товарищей ничем не выделялся; разве только замечалось в нем больше расположенности к наукам гуманитарным, нежели точным. Учился хорошо. Много читал, и эта книжность, пожалуй, и отличала его от сверстников. Чтение захватило настолько, что книг школьной библиотеки хватило ненадолго – перечитал все. Стал брать книги у всяких людей из домашних собраний.

В 1954 году получил вполне порядочный аттестат зрелости.

Документы решил подать на юридический факультет университета. Не повезло: пришел отказ. Надо было определяться с дальнейшим образованием. Времени на раздумья не оставалось. В один вечер, решив, что историко-архивный институт, хоть и государственный, но наверняка «заудалое маленькое заведение», поступление в который обойдется без осложнений – подал документы. Решил так – «отучусь год, а там и переведусь куда-нибудь».

Институт, действительно, оказался небольшим, с одним факультетом, большим оказался конкурс: двенадцать человек на место. Это обстоятельство настораживало, но брать документы было поздно. Экзамены сдали успешно. Приняли!

Стал учиться. Правда, мысль о перемещении института не оставлял. Напротив, она укрепилась. Способствовал тому, поддерживая идею, сосед по комнате в общежитии, который в будущем избрал для себя

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ г.р. МОСКВЫ

№ 196

27 декабря 1973 г.

Зам. директору Государственного музея-заповедника А.Н.Островского "Щелково" по научной работе тов. Бочкову В.

На Ваш запрос от 10 декабря 1973 года за № 948, пересланный из Государственного архива Московской области сообщая, что в документальных материалах Московского окружного Совета за 1838 год дела о закладе губернской секретарей А.Е. Силигиных своего имени-усадьбы Щелково с окрестными деревнями Киновского уезда Костромской губернии не обнаружено.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА
ГТА г.МОСКВЫ

Жакин

/с.КАЖКИНА/

Ответ ЦГА г. Москвы зам. директора музея-заповедника им. А.Н. Островского В.Н. Бочкову об отсутствии документов о закладе ус. Щелково А.Е. Силигиным. 1973 г.

МАН, очутившись в историко-архивном случае.

Авиационный пригласился и Виктору. Сотоварищи по идее плодотворно готовились к новому поступлению, используя для этого особенно благодатное лекционное время, за что частенько выслушивали замечания и увещания педагогов-профессоров.

Прошел год. Курсовые экзамены сдал на «отлично». Успехи сына радовали мать. Видов на его переменную института она не разделяла и, употребив материнскую власть, таковую попытку сына пресекала. Он уступил.

Ко второму курсу пробудился настоящий интерес к истории, который и захватил студента В. Бочкова целиком.

Жил на стипендию, повышенную, персональную. Мать оказывать материальной помощи не могла – сама нуждалась. Приходилось подрабатывать. Искали заказов на стороне по обработке архивов учреждений. Исполняя эту копеечную работу, приобрел солидный опыт, который в будущем пришелся весьма кстати.

Каникулярное время проводил дома, используя всякую возмож-

ность для заработков. Часто в библиотеке при фабрике, где работала мать, подменял ее служителей на время отпусков. Много читал.

С окончанием институтского курса, где в выпуске шел первым, получил диплом с отличием. При распределении предложили несколько мест: Одесса, родной Ленинград, Кострома. Выбрал КОСТРОМУ! Не случайно: Кострома представляла жилищлощадь и близость с Москвой (собирались учиться дальше) – стали решающими обстоятельствами в определении будущего.

В августе переехал в Кострому. Согласно распределению вступил в службу научным сотрудником архива Костромской области.

Обещанное жилье предоставили в милицейском общежитии. В комнате с семьей милиционеров, что несли охрану обкома партии, стал восьмым жильцом.

Смею утверждать: с момента появления в архиве нового служащего – ВИКТОРА НИКОЛАЕВИЧА БОЧКОВА – начался невидимый для многих, качественно новый, углубленный, каждодневный систематический процесс изучения костромской истории. Сам заканчиваясь процесс стал достойным за-

чинателем дела, начатого историками и краеведами в прошлом.

Вновь прибывший сотрудник архива в первое время вниманием сослуживцев оставлен не был. Интерес к нему отмечался повышенный. Из наблюдений архивных людей спустя некоторое время составил и портрет нового служащего. Он, как оказалось, человек не без достоинств: неординарен, специалист и, пожалуй, личность творчески одаренная. Однако нечто и в поведении, и в суждениях, а особенно в образе мыслей, настораживало наблюдателей.

Замечалась редкая, педантичная самоорганизация к занятиям службым и личным, чтение его представлялось беспорядочным, да еще подчас и сомнительных авторов... По поводу просмотренных сотрудниками кинофильмов в беседе не вступал и, поговаривали, будто кинематограф не посещает вовсе.

Присвокупив к накопленному все службные мелочи о нем, вытепилось: новый сотрудник – человек не наш...

Ярлык повесили. Разумеется, Бочкову он не мешал, но время от времени существование такового давало о себе знать.

Он же, не обращая внимания на кривотолки – работал.

С большинством сотрудников архива отношения сложились равные, а наилучшие с В.К. Колбасовой – она возглавляла архив.

С первых дней службы Виктора Николаевича Вера Константиновна разглядела молодого ученого и поверила в его исследовательский дар подлинного архивиста. Он видел это внимание к себе, ее интерес и, конечно же, ощущал ее человеческое тепло в общении с руководителем. Своей заботой она всячески способствовала его творческим занятиям и оберегала службную атмосферу вокруг, насколько могла.

За короткое время напряженной,

каждодневной работы собственный архив знаний исследователя пополнился весьма значительно. Появились первые успехи.

Уже летом следующего года местная газета поместила первую краеведческую публикацию, за которой последовал и первый радиоочерк.

В архиве возглавил коллектив авторов для составления путеводителя по его фондам. Вскоре он вышел в свет.

Несмотря на постоянную творческую занятость, которая требовала уединения, случилось так, что через несколько месяцев костромского жителя определились отрядные внеслужбные знакомства.

Первым таким знакомцем стал И. Дедков – сотрудник газеты.

От него товарищеский круг расширился. В обществе симпатичных преподавателей пединститута – М. Пьяных, Н. Скатова, Ф. Цанн-Кай-Си – был принят сразу и обрел друзей. Позже познакомился и сблизился с художниками – Н. Шуваловым, С. Румянцевым.

Состоялось множество и других близких знакомств с людьми, по большей части представляющих костромскую культуру.

Этим кругом людей обозначилась среда обитания Виктора Николаевича.

На дружеских встречах с творческой, близкой по духу публикой всегда царил атмосфера взаимопонимания. Такие общения доставляли Виктору Николаевичу радость, удовлетворение, возможность вслух высказывать собственные заветные мысли, иметь беседу о творчестве вообще и о своем в частности, выслушать дружескую критику, а случалось, и похвалу по поводу собственных занятий.

Пусть и нечасты были те встречи (дела не всегда позволяли выкроить время), но любая, хоть скольнибудь малая, возможность представлялась – обращался к друзьям.

Такие контакты, ставшие потребностью, украшали его костромское существование, прибавляли силы для реализации своих творческих замыслов.

С получением в 1961 году собственной десятиметровки в трехкомнатной квартире стал более независимым личным быт. Под коммунальный фон домашнее творчество заметно продвинулось.

В 1962 году вышла в свет и первая книжка – «Открытия Невельского». На службе активно участвовал в составлении обзора коллекции рукописей, хранящихся в архиве.

В это время произошли и первые неприятности: вызов в КГБ для беседы. Этому предшествовало следующее обстоятельство.

Хороший знакомец по Москве – Л. Хлебников, библиограф по профессии и частный собиратель самиздатских произведений, волею обстоятельств оказался в Костроме без службы и средств. Бочков, зная его как способного и опытного специалиста, предложил принять участие в составлении обзора на договорных началах, тем самым закрыть материальную брешь. Договор заключили. Библиограф работал.

Ничего самиздатского он в Костроме не искал, но факт присутствия его в архиве стал известен в КГБ. Бочкова вызвали и за контакты с неблагонадежным типом да еще проживающим на его жилплощади – «пожурили». Антисоветское нутро архивиста подтвердилось у сослуживцев. Другого объяснения поступку Бочкова они дать не могли.

Да и что они знали о нем? В пределах анкетных данных. Ничего...

Между тем, как успел заметить читатель, с малолетства он не был избалован жизнью: без детских радостей, домашнего уюта, в постоянной нужде прошли его годы детства, отрочества, досталось и в

юности... Зато с ранних лет он научился ценить добро, которого сам видел столько, что по пальцам сочтешь, от чего и развила в нем жизнь обостренное чувство справедливости.

Вообще костромское бытие Виктора Николаевича не баловало и принесло всякого... Мы опустим его людские встречи с черствостью, непониманием, обманом и прочей дрянью, оставим их в том времени, а остановимся на светлом – встречах дорогих, памятных, приятных. Надо отметить, что таких он имел от начала шестидесятых годов немало.

Посчастливилось Виктору Николаевичу знаясь с добросердечными, милыми городскими интеллигентами, знавшими много из костромской истории не понаслышке и наблюдавшими вочью многие городские события.

Сначала он познакомился с Л.А. Колгушкиным – собирателем старых открыток и фотографий. Леонид Андреевич страстно увлекался костромской историей. Им написаны красивые воспоминания, где живописно представил он поткам быт и нравы костромичей.

Колгушкин представил Виктора Николаевича А.В. Лаговскому – знатоку-старожилу, по части сведений о домах и людях имеющему весьма значительный запас.

Близкое знакомство с представителями старой России позволило Виктору Николаевичу в то время бесед и совместных прогулок создать записки, которые хранят щедрый дар отзывчивых милых стариков-костромичей.

Десятилетней дружбой был связан Виктор Николаевич с привлекательной, обаятельнейшей женщиной – А.П. Рязановской, женой И.А. Рязановского, человека ученого, в высшей степени образованного – первого директора Романовского музея в Костроме.

Александра Петровна обладала замечательной памятью и при этом была великолепной рассказчицей. От нее Виктор Николаевич узнал много о друзьях и знакомых Рязановского, среди которых: А. Ремизов, Б. Кузнецов, М. Пришвин и еще много и много писателей, художников, замечательных российских личностей.

Виктор Николаевич стал первым исследователем, кто заглянул в архив Рязановского, в частности, в его переписку.

В 1963 году, набрав полный балл, Бочков поступил в аспирантуру при историко-архивном институте. Правда, вопреки желанию, зачисление состоялось лишь на заочное отделение. Причиной, не допустившей его к образованию очному, стала служебная характеристика, где подавался архивист (из-за «убеждений») в весьма непривлекательном виде.

Да и сама возможность продолжить образование явилась ненадолго. Уже весной следующего года последовало исключение.

Этому факту предшествовало бурное комсомольское собрание в архиве. Товарищи по союзу в заботе о чистоте своих рядов публично вскрыли «антисоветскую сущность» архивиста и, единодушно заклеив, изгнали из ячейки.

О происшествии уведомили аспирантура, которая, не мешкая, среагировала.

В чем же обвинили комсомольца Бочкова? Об этом, вероятно, помнят здравствующие ныне устроители того собрания...

Сам Виктор Николаевич так и остался в неведении – за что?

Впрочем, он называл мне несколько «обвинений», но я, чтобы не вызывать улыбок и читательского смеха ввиду их уродства и бесс толковости, приводить не стану.

Осенью 1964 года произошло обыкновенное, знаменательное житейское событие: Виктор Нико-

лаевич женился на сотруднице архива. Это обстоятельство повлекло за собой его служебную перемену. Через несколько месяцев, чтобы исключить обвинения, он переходит в областную библиотеку.

В новом положении библиографа, среди книг костромского собрания, представилась возможность в совершенстве изучить печатные источники по истории края и укрепить библиографические познания.

Библиотечные годы дали новый заряд знаний и оказались плодотворными в собственно творчестве, ритм которого не только не нарушился, а, пожалуй, приобрел еще большую частоту.

В 1965 году, отлично сдав экзамены, Виктор Николаевич поступил в аспирантуру при МГУ (характеристики там не требовали).

Занимался исследованием малоизученного события российской истории – битвы на Святом озере близ Костромы в 1262 году. Труд сей успешно продвигался. Журналы «Вопросы истории» и «Новый мир» опубликовали несколько статей по теме диссертации.

В 1972 году в сборнике «Минувшее свидетельствует» он напечатал очерк «Битва на Святом озере», где в популярном изложении представил читателям предмет своих исследований.

Печатный урожай в том же году продолжил путеводитель «Вокруг Щелькова», написанный в соавторстве с А.А. Григоровым.

Несколько лет в этот период ушло на составление паспортов для подготавливаемого сборника «Материалы свода памятников...». Позже сборник вышел из печати. Добрую половину издания заняли справки и предисловие В.Н. Бочкова.

К концу семидесятых годов круг забот общественных вместе с уже привычными – занятиями в пединституте, где он читал лекции по курсу истории СССР и вел краевед-

ческие занятия со студентами, радиоочерками и газетными публикациями – расширился.

Деятельное участие в жизни общества, занятых популяризацией знаний культурного наследия. Он активно выступал с публичными сообщениями не только в Костроме, но и посещал районные города, устраивая просветительские лекции.

Тогда же обнаружилось и раскрылось еще одно дарование Виктора Николаевича – блистательный экскурсовод. В экскурсионном деле сторонние наблюдатели отмечали его как человека, обладающего феноменальной памятью, глубинными познаниями. Он имел способность удовлетворить ответом всякого, получив вопрос, пусть и выходящий за рамки темы. Люди видели в нем умелого, великолепного рассказчика, увлекательного публику негромкими, красивыми, убедительными сообщениями.

В экскурсиях пеших, автобусных, а особенно по маршруту в Щельково, провел он порядочное количество дорожных часов, просвещая достоверной информацией внимательных слушателей. Оттого и малоустроенные дороги не занимали их внимания, а от сотрясения автобуса при движении не был утомительным неблизкий путь экскурсии.

Часто случалось Виктору Николаевичу участвовать в передвижениях по области по поводу съемки фильмов. Новый, весьма важный вид его творчества состоялся вполне удачно.

В 1968 году он пишет свой первый сценарий фильма – «Земля Костромская», работа над которым стала началом творческой дружбы с замечательным оператором и педагогом культпросветучилища А.П. Костровым.

Александр Петрович. Человек, которому близко, знакомо и дорого прошлое нашей истории. На всероссийском фестивале в Москве авто-

рам фильма по всеобщему одобрению присудили первый приз.

В дружеской компании с А. Костровым последовали новые съемки фильмов – «Вокруг Костромы», «Деревянная Кострома»... В них создателях рассказывали зрителям о ценности материальных, духовных, утраченных и зримых.

Не обошелся без участия Виктора Николаевича и большой кинематограф. Деятели профессионального кино всех рангов обращались к нему за консультациями. Он не отказывал никому.

В круговороте каждодневных дел – служебных и общественных – обыкновенно находил он время и для домашнего творчества: писал статьи, очерки, журнальные публикации, работал над диссертацией.

Материал ее во всей полноте был готов к защите. Но по ряду причин и обстоятельству защите не суждено было случиться. События, вызвавшие их, целиком переменили его положение. Под влиянием их Виктор Николаевич изменил намерения и оставил свой труд без последствий.

Возвратившись из очередного отпуска в 1972 году, в библиотеке он застал для себя дурное известие: приглашали в обком партии. Вызов туда не сулил ничего благообещающего...

Идеологическая служба обкома нашла в составленном Бочковым очередном обзоре, каковые он часто готовил, некий изъян «политического» свойства.

Автор, прибыв для ответа, пытался защитить свой труд, выставляя убедительные аргументы, бесспорно доказывающие ошибочную сторону выводов назидательной цензуры. Усилия его оказались тщетны. Из кабинета Бочков вышел виновным. Логика подсказывала – сие деяние есть начало... Коротко поразмыслив на ходу (зачем ждать известного

конца), принял решение оставить библиотеку.

Надо же было такому случиться, в тот момент в обкомовском коридоре встретил Б.П. Сергеева – директора щельковского заповедника. Он сам совсем недавно настоятельно звал к себе в заместители. Узнав о случившемся, он с радостью повторил предложение.

Через несколько дней Виктор Николаевич занял щельковский вакансию заместителя директора по научной работе.

С приездом в заповедник он оказался в хлопотливом положении.

Музей готовился к 150-летию со дня рождения А.Н. Островского.

Готовились новые экспозиции в с. Николае-Бережка и в только что выстроенном здании театрального музея.

Коллектив сотрудников в музее добрался славный. Работалось легко и плодотворно. Занимались делом совершенно новым: собирали материал к большой теме – «Творчество А.Н. Островского на сценах Союза» – и заметно продвинули его.

Первоначально Виктору Николаевичу, как и многим сотрудникам, приходилось часто разъезжать по городам Союза – разыскивать, отбирать, закупать иллюстративный и постановочный материал во всяких театрах. Разъезды забирали время целиком.

В короткие досужие приезды организовывать для личных занятий сложно. И все же, хоть и урывками, обращался к наброскам будущих своих написаний.

Существенную часть юбилейной работы коллектив музея исполнил. Праздничные события завершились. Начатая большая тема по Островскому получила существование, продолжала пополняться материалами.

Разъездов стало меньше, и щельковское время обратил Виктор Николаевич в благодатную творчес-

кую пору, которая продолжалась у писателя Бочкова несколько особых заповедных лет.

Давнее стремление его написать о любимом драматурге А.Н. Острового исполнилось. Те, кто прочли его труд «Заповедная сторона», смогли убедиться в серьезности авторского изложения, ощутить его писательский дар и насладиться строками этого чудного сочинения.

В ту же пору написал Виктор Николаевич и значительную часть блестящего литературоведческого исследования, которое впоследствии вышло книгой – «Скажи: история Татьяна?».

Кроме того, были и журнальные статьи, и очерки в сборниках, и радиопередачи, которые с отъездом из Костромы не прекращались. Из привычного костромского быта ушла только институтская работа, да переменялся круг общения.

К картине щельковского бытия Виктора Николаевича следует добавить некоторые штрихи из жизни музейного зама.

Щельковский заповедник, как известно, состоит из собственно музея и дома отдыха творческих театральных людей. Директор – один, а хозяйств – два. Музей существовал как приложение к месту отдыха. Руководство заповедника старалось вернуться – и прodelывало это весьма искусно – от обременительных забот по музею, сотрудники которого чего-то постоянно просили, требовали, искали участия. К конфликтам привыкли, только к старым, иногда на время забытым, прибавлялись новые.

Виктор Николаевич служил науке и честь музея отстаивал всем своим существом, не идя ни на какие компромиссы с администрацией, у которой спустя некоторое время по приезде заработал славу несговорчивого руководителя. И без того натянутые отношения с администрацией испортились совершенно

Усадьба Червиных Нерново Солигаличского у. Нач. XX в.

после появления в музее К.И. Бабицкого, которого принял на работу Бочков. Сегодня о бунтаре К.И. Бабицком можно прочесть в каких угодно журналах, газетах. А тогда с человеком, опекаемым КГБ, знакомство было небезопасным...

Константин Иосифович был одним из тех, кто в 1968 году вышел на Красную площадь столицы с протестом против ввода наших войск в Чехословакию. За дерзкое выступление против политики страны он полатился свободой, оказался в ссылке.

Виктор Николаевич много слышал о Бабицком, но знаком с ним не был. В 1974 году, будучи в Москве в командировке, от друзей он узнал, что Бабицкий находится в критическом положении и его вот-вот должны выслать из столицы – «за тунеядство». Бочков, питая к Бабицкому уважительное расположение, через знакомых нашел его и предложил службу в Щельково. Вскоре тот стал сотрудником музея, но не научным служителем – столяром. Столярное искусство он освоил в совершенстве, находясь в северной ссылке. Из филолога Ба-

бицкого получился замечательный мастер-столяр, а некоторые его изделия, подаренные Виктору Николаевичу, хранят память о щельковском времени в квартире историка.

С появлением поднадзорного столяра переменялось отношение руководства и к Бочкову. За три беспоконных года было достаточно склок, обвинений, сплетен. Желание освободиться от ученого зама зрело у руководства давно. Искали случая, и случай представился.

Комиссия ВТО вкупе с представителями культурного управления устроила комиссию. Та обстоятельно провела исследование и установила то, что хотела. Оказалось, что в заповеднике существует (или почти существует) антисоветская организация, которую, конечно же, возглавляет Бочков.

Странное дело: в дни разбирательства вдруг обнаруживается крамольный журнал «Континент», явившийся из тайника прямо в руки комиссии. И, разумеется, без помощи Бочкова он оказался тут. Разбирательство прекратили, Бочкову предложили написать [заявление] по собственному жела-

нию. Он отказался. Его поездка в Москву, в ВТО, в поисках защиты была безрезультатной: Виктор Николаевич Бочков уволен по всем известной статье «тридцать третьей».

В феврале 1977 года он вернулся в Кострому. Работы никакой не было. С увольнением исчез и источник материального существования. Самостоятельный поиск места успеха не принес.

Решил поискать устройства (а вдруг...) с помощью обкома партии. Тамошние руководители в положение вошли, отнеслись сочувственно к просителю, но нашли возможным улыбочиво предложить лишь место актера в театре – вакансий в культуре города, кроме предложенной, не имелось. Актерских способностей Виктор Николаевич у себя не обнаружил...

На творческих хлебах жилось несладко. Существовал на деньги, полученные за выступления в обществе книголюбов, охраны памятников и прочих мест, где случалось выступать. Сделался корреспондентом газеты «Литературная Россия», ездил в командировки, писал очерки.

Поездки экскурсоводом на автобусных экскурсиях в другие города и в Шельково вдруг прекратились – Бочкову ничего не предлагали, а по личному приходу за работой отказывали.

С сентября до конца года по чужому паспорту сторожил клуб фабрики им. И.Д. Зворыкина. Поскольку красть в клубе было нечего, за исключением старых стульев, то, не ожидая прихода злоумышленников, работал – писал. В шесть часов утра покидал объект службы, который два часа оставался без сторожа.

Неизвестно, как бы повернулось дело, если бы не пришли на помощь люди, глубоко почитавшие талант и личность Виктора Николаевича. Они – И.Г. Васильева и Е.В. Сапрыгина – придумали для

Бочкова работу – краеведческий кружок при клубе. Начались хлопоты по выбиванию ставки руководителя кружка. Ставку дали.

С 12 января 1978 года, теперь уж под своим именем, Виктор Николаевич возглавил клубное краеведческое объединение. Сначала занятия посещали люди всякие. Со временем коллектив кружковцев устоялся – остались преданные краеведческому делу.

Клету 1978 года Виктор Николаевич предложил составить историю костромских улиц. Кружковцы эту работу вместе со своим педагогом исполнили блестяще – труд «Улицы Костромы» в 1990 году вышел в свет.

Последнее место службы Виктора Николаевича – инженер производственной группы по использованию памятников архитектуры при областном управлении культуры.

Он занимался там составлением специальных картотек на объекты исторической важности, присутствовал на обмерных работах, имел контакты с реставраторами, проектировщиками.

После службы, дома опять работа, только писательская. Не забыты и газеты, областная и районные, продолжают звучать краеведческие очерки, успешно работает его детище – клубный кружок.

В 1981 году Виктор Николаевич ощутил первые симптомы тогда еще непонятного надвигающегося заболевания. Месяц от месяца оно скрыто прогрессировало. Случалось, проявлялось и, коротко напомнив о себе – исчезало.

К следующему году положение сложилось такое, что визит к доктору более откладывать было опасно.

Месяц пребывания в больнице определил всю серьезность положения. Лечение в столичной клинике отчасти стабилизировало его состояние. Но только отчасти...

Он продолжал работать.

Летом 1987 года здоровье Виктора Николаевича приняло угрожающее состояние. Могла помочь операция из разряда наисложнейших и не гарантирующая успеха. Исход мог быть любым... Какую внутреннюю силу надо было вызвать в себе – решиться на такой шаг, зная о возможных последствиях...

Виктор Николаевич решился. Операция, потребовавшая от него невероятных усилий, физических и моральных, прошла успешно! Наступило улучшение. Казалось, болезнь отступила. Но только два месяца облегчения, затем вновь ухудшение и возврат к прежнему состоянию.

Ни о какой службе помышлять врачи запретили. Оказался на домашнем, восьмидесятирублевом положении.

Дома он целиком отдался любимому творчеству, без которого существование свое не мыслил.

Год назад к уже привычной ему болезни прибавилась еще, только болезнь уже страшная, неизлечимая.

Нынешним мартом Виктора Николаевича не стало. Многие остались сиротами...

Ушел из жизни величайший мастер-исследователь, историк, писатель, личность цельная, красивая, редкая...

Мы еще прочтем и его главный труд «Кострома» – книгу о домах и людях, которая, по моему убеждению, будет отнесена читателем к лучшим образцам костромской литературы о городе. Она будет читаема вечно.

В будущем году, весной, город должен будет праздновать юбилей Виктора Николаевича Бочкова! Я опять буду высматривать на рекламных щитах лист: непременно красочный, с большим портретом моего учителя – ВИКТОРА НИКОЛАЕВИЧА БОЧКОВА.

Вечная ему память!

Кострома, 1991.

Ружковсь.

Конференция

Л.И. Сизинцева, канд. культурологии,
зав. историко-краеведческим отделом
Костромского государственного историко-
архитектурного и художественного музея-
заповедника

О.В. Смурова,
доктор исторических наук,
профессор кафедры культурологии и
филологии КГТУ

В.А. Шершунюв, губернатор Костромской
области, В.Д. Морозов, Л.А. Ковалева,
Ю.Ф. Цикунов в читальном зале архива

И.В. Сахаров

Конференция

Н.М. Рассадин, ректор КГУ им. Н.А. Некрасова.

Л.А. Поросятковская,
заведующая сектором ОИПС и ААТ архива.

Сотрудники отдела реставрации, переплета и
микрофильмирования архива:
О.С. Чекунова, Н.А. Ракова, Г.Л. Маркова

Миниатюра из рукописной книги. XVIII в.

Исследования В.Н. Бочкова с позиций сегодняшнего дня

Кажется невероятным тот факт, что идя на празднование такой даты, мы лишены возможности общения с живым юбиляром. При этом Виктор Николаевич успел понять, для чего он пришел в этот мир, осуществить многое из задуманного, обозначить направления исследований для других и обучить практически исследовательскому ремеслу некоторых из молодых. Среди присутствующих немало людей, приближающихся к возрасту, в котором Виктор Николаевич ушел из жизни (к ним я отношу и себя). Им, как никому другому, понятно соотношение временных и содержательных возможностей жизни.

Мы познакомились в 1979 году, когда я после окончания учебы возвратилась из Ленинграда в Кострому и приступила к работе в «Ипатин». В краеведческое объединение меня привела тоже «гершенивка» Елена Васильевна Сапрыгина. Имя Бочкова мне было хорошо знакомо. Еще в школьные годы я следила за выходом в свет его краеведческих публикаций. В нашей семье было принято за обедом читать. Помню, как я, возвращаясь из школы, садилась обедать, брала в руки «Северную правду», заглядывала на 3–4-ю страницы в поиске краеведческого материала. Это означало, что я искала статьи Виктора Николаевича Бочкова.

Но... возвращаюсь к моменту личного знакомства с Виктором

Николаевичем. Занятия кружка проходили примерно 1 раз в неделю. В то время Виктор Николаевич собирал сведения по истории костромских улиц. Каждый участник объединения получал задание обследовать какую-либо улицу. Сам Виктор Николаевич перед заданием выдавал листочек бумажки, написанный его мелким, убористым почерком. В нем содержались сведения по истории улицы, домов, их владельцев и жильцов, которые он почерпнул из архивных источников, периодической печати и т.д. Затем мы отправлялись на объект. Составляли схему улицы, представляли нумерацию домов, беседовали с местными жителями, на очередном заседании рассказывали об этом маленьком путешествии. Подобные занятия чередовались с экскурсиями, которые устраивал для участников краеведческого объединения Виктор Николаевич. Признаюсь, наши отношения не были очень близкими. Скорее они носили сугубо деловой характер. Разница в возрасте была значительна, авторитет Виктора Николаевича для меня был столь велик, что я выдерживала почтительную дистанцию. Я довольна была тем, что нахожусь рядом с таким человеком. Вряд ли я понимала тогда, но отчетливо осознаю это сейчас, что его краеведческое объединение было творческой научной лабораторией, в которой «подмастерья» имели возможность учиться приемам исто-

рического исследования из-под руки мастера.

Еще до приглашения на этот юбилей я размышляла над тем, насколько современны методологические подходы, приемы, которые использовал Виктор Николаевич. Думаю, именно эта сторона его исследований и была для меня и многих костромичей столь притягательна. Удивительно, что даже статьи по революционной тематике лишены были политизированности. Каждое историческое событие он рассматривал с точки зрения человека, его характера, мотивов его поведения и т.д. Вспомните его исторический очерк «Мамаша» об Анастасии Николаевне Щепетильниковой, хозяйке конспиративной квартиры, проживавшей на улице Галичской.

Как ему удалось сохранить себя? Почему его подходы к анализу исторического материала соответствуют нынешним тенденциям исторической науки? Попробуем реконструировать его жизненный путь, чтобы выявить предпосылки такого почерка исследователя. Можно предположить, что начала этому были положены в историко-архивном институте. Как известно, его руководителем по дипломной работе, посвященной служивым людям Государева двора, был Сигурд Оттович Шмидт, а по кандидатской диссертации – Анатолий Михайлович Сахаров. Работа по составлению путеводителя по Го-

сударственному архиву Костромской области стала фундаментальной подготовкой для исследовательской работы. Мне неизвестны обстоятельства, при которых автором этого путеводителя стал именно Виктор Николаевич. Была ли эта работа ему поручена или он вызвался сам? В любом случае этот факт, с одной стороны, говорит о понимании значимости данного исследования как для самого автора, так и для других исследователей, а с другой – об уровне подготовленности молодого специалиста. Следующая страница послужного списка – библиотека. Работа в ней дала возможность неспешно изучить информационные возможности других видов источников, прежде всего, периодических печатных. Наконец – музей. Новая ситуация позволила обратить внимание на вещественные источники, оценить их способность погружать в историческую эпоху. Для того чтобы полноценно ответить на вопрос о предпосылках формирования научного инструментария Виктора Николаевича, необходимо проанализировать круг его чтения, общения, состав библиотеки; по сохранившимся записям попытаться восстановить поисково-творческий процесс. Но даже беглое знакомство с его биографией формирует представление, что судьба вела его по мудро составленному плану, создавая предпосылки для совершенствования профессионального мастерства.

Я и, наверное, многие задавали себе вопрос, почему человек с таким потенциалом избрал сферой приложения своих творческих сил именно краеведение? К краеведам и краеведению относятся по-разному. Иногда негатив и оправдан.

Но профессионал полезен и заметен везде, сколь малозначительным ни казалось бы это поприще. Да и быть историком местного края – занятие не из простых. Современный историк Джон Тош на страницах своей книги «Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка» отмечал: «Местный историк в чем-то похож на старомодного терапевта из истории английской медицины, который теперь сохранился лишь в памяти пожилых людей. Такой врач лечил человека «целиком» (Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 127). Занятие краеведением требует свободного владения как историческим материалом, так и сопредельными гуманитарными науками, предполагает эрудицию, только в этом случае обеспечен успех. Виктор Николаевич как раз и был таким человеком. Для Костромы это большая удача, что Виктор Николаевич попал на работу сюда. Это мог быть и любой другой город. Что бы тогда знали о нашем крае, людях, прославивших его, городе?.. Вчера я поделилась с потомком Василия Чернова Геннадием Геннадьевичем Шуваевым, доцентом кафедры электротехники технологического университета, что иду на эту конференцию. Он задумался и сказал: «А, пожалуй, после него у нас более никого не было такого масштаба».

В чем же мастерство Виктора Николаевича как историка? Прежде всего, это блестящее знание информационных возможностей разных видов источников и костромских в частности. Но это не исчерпывает всех его достоинств. Он был наделен здравым смыслом, лишен политизированности, поэтому

его статьи и сегодня можно печатать без переработки. В них нет идеологического налета, который мог бы зацепить современного читателя. Его работы не скучно читать, потому что он пишет, в первую очередь, о людях и для людей. Это сегодня в исследованиях по методологии часто можно встретить термин антропоцентризм, это сегодня пишут о необходимости более широкого использования источников личного происхождения, о значении устной истории, приветствуется художественная подача исторического материала, а Виктор Николаевич знал и использовал это тогда. Его методологические приемы в известном смысле опередили время.

На мой взгляд, Виктор Николаевич заложил основание и обозначил направление дальнейших краеведческих исследований, которое я бы обозначила как синтез личностно-синхронистического и событийно-синхронистического начал. Реализация такого подхода позволила бы создать, предположим, «Очерки истории Костромского края». Преимущества подобной работы заключаются в том, что мы бы получили целостный взгляд на историко-культурное прошлое в последовательно-хронологическом изложении. Такая объемная работа потребует усилий коллектива. Полагаю, данный проект мог бы заинтересовать администрацию города, который готовится к празднованию 400-летия династии Романовых.

Жизненный путь Виктора Николаевича Бочкова красноречиво свидетельствует о том, что профессиональная честность и здравый смысл – качества, необходимые для самореализации. Хотя, конечно, это удел избранных.

При изучении вопросов топонимии города Костромы исследователь сталкивается с источниковой базой и работами других исследователей, посвященных разработке истории и этимологии отдельных названий Костромы. Изучению

хвонной культуре народа и воссоздать топонимическую картину мира. Мы анализировали топонимы в историческом плане на разных синхронных срезах во всей полноте их семантических и структурных связей.

Ирина Горланова

ких предпочтениях. Эта группа охватывает период с 1917 года до наших дней.

Этимологию топонимов второго и частично третьего периодов ис-

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИССЛЕДОВАНИЙ В.Н. БОЧКОВА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОПОНИМИКЕ

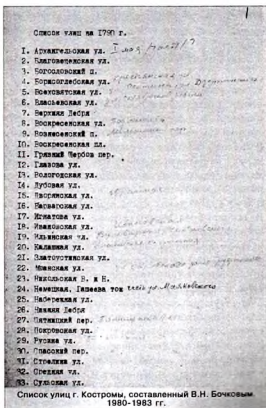
данных проблем в разное время были посвящены работы краеведов И.В.Баженова, В.К.Лукомского, П.Ф.Островского, А.А.Григорова, Е.А.Кудряшова, Н.А.Негорюхина, С.И.Алексеева, С.Г.Виноградовой, Н.С.Ганцовской, Л.И.Сизинцевой, И.Х.Тлиф, Н.А.Зонтикова, О.Ю.Кивокурцевой и др. Наиболее весомый вклад в изучение названий города Костромы внес В.Н.Бочков. Он собрал огромное количество неофициальных названий городских объектов, выявил и систематизировал официальные названия улиц, переулков, площадей города XVIII – XIX веков.

Занимаясь проблемой системной организации онимического пространства города Костромы, мы дали многоаспектный лингвистический анализ указанной системы для воссоздания наиболее полной картины функционирования топонимов в провинциальном русском городе центра России. Идя от В.Н.Бочковым состав неофициальных названий города, мы продолжили сбор и систематизацию этих названий. Это обусловлено необходимостью зафиксировать и сохранить современные бытовые названия и топонимы прошлых лет, что поможет сформировать полное представление о топонимии города Костромы как языковом источнике информации о ду-

Топонимию города Костромы удобно представить на синхронных срезах трех периодов. В первую группу вошли названия от момента возникновения города, дошедшие до нас в источниках XVII века, до XVIII века. Вторая группа выделена в связи с экстралингвистически

утверждением плана и началом регулярной каменной застройки города, повлекшей изменение топонимии Костромы в период с конца XVIII до начала XX веков. Третья группа топонимов сформировалась в связи с актами искусственной номинации после 1917 года, ростом индустриализации и присоединением к черте города сел, деревень, поселков. Данные экстралингвистические факторы повлекли за собой и изменения в лексике и семантичес-

следует В.Н.Бочков. Он собрал большое количество объяснений названий с точки зрения так называемой «наивной этимологии» в процессе беседы с носителями языка. Эти объяснения наряду с лингвистическими исследованиями помогают дать наиболее пра-

вильное толкование топонимов города Костромы.

Рассмотренный топонимический материал позволяет сделать вывод о сложившейся топонимической

структура и архитектурно-планировочные элементы, интенсивность развития промышленности и экономики, соотношения центра города и современных районов.

цию дифференцирующего элемента, ставя в бинарную оппозицию разделяемые зоны и в то же время организуя вокруг себя онимическое пространство каждой зоны.

Краеведческое объединение. Экскурсия по ул. Горной. В центре – В.Н. Бочков. 1978 г.

Анализируемая топонимическая система города Костромы представляет собой сложное сплетение названий, созданных как естественным путем (33% названий), так и при помощи искусственной номинации. Группа естественных топонимов при переименованиях закрепляется в форме народно-неофициальных названий, иногда вновь возникают при повторных переименовани-

ях, анализ которой выявляет закономерности ее развития, индивидуальные особенности организации и функционирования. Топонимия города сложилась в процессе исторического развития края, имеет черты, характерные для городов центральной части России, возникших в XI – XII веках, таких, как Москва, Владимир, Ярославль, но в то же время обладает достаточным количеством индивидуальных черт, формирующих ее как своеобразную сложную топонимическую систему, состоящую из разнородных элементов. Существует ряд факторов экстралингвистического характера, повлиявших на формирование топонимической системы города. К ним относятся: характер рельефа города (наличие гор и низин, соотношение рек и суши), особенности исторического развития края, градостроительная

Некодифицированные формы письменного языка, разговорная речь разных групп городского населения, диалектные формы оказывают непосредственное воздействие на топонимию города Костромы. Оно проявляется и сейчас, в XXI веке, на всех уровнях существования городской речи.

Характерным для топонимии Костромы считается постоянство ее ядра (центра города) и постепенное смещение периферической зоны, представленной тремя полукольцами. Четко прослеживается организующая роль названий 13 рек и речек в онимическом пространстве города. Они делят город на определенные зоны. Зоны эти различны по размерам, местонахождению, историческому значению и топонимической насыщенности. Название каждой реки несет на себе функ-

ция. К ним относятся такие, как: *Агашкина поляна, Белая лавочка (магазин), Гнилице, Гнолице, Губернаторский ступок, Епидолице, Кадкина гора, Козий парк, Крутойяр* и др.

Костромские топонимы вступают в пространственные отношения, которые разворачиваются в рамках разных координационных осей: высоко – низко (*Верхняя Дебря – Нижняя Дебря*), правый – левый (*Правобережье – Левобережье*); состоят в бинарных оппозициях по темпоральному признаку старый – новый (*Старо – Игнатовский*), первый – второй (*Первый кремль – Второй кремль*), а также по признакам свой – чужой (*Кремль – Китай, Город – Посад*) и обыденный, житейский – мифологический, символический (*Новый город, Ипатьевская слобода*). Основными ситуациями, описывающими взаимодействие субъекта

наблюдения и точки отсчета, являются ситуации: точка отсчета номинатора внутри пространства, вынесена вовне и нерелевантна номинатору.

Всего на трех синхронных срезах рассмотрено 1153 топонима. На первом историческом срезе выделено 270 названий. Планарные топонимы, имеющие очаг и периферию, представлены названиями административных частей города, станов, посадов, слобод, сел, деревень, вошедших в состав города. К простым планарным объектам, выполняющим роль организующего центра, относятся: площади и площадки, плацы, озера, пруды, поляны, горы и т.д. Это 62 названия, объединенные в восемь групп по своим типовым характеристикам.

Первым кольцом вокруг городской черты являются посады: *Нижний посад, Дебря*. Со временем они становятся частью города, в то время как в других местах посады развиваются в отдельные города. Наиболее частотными в костромской топонимии были названия 19-ти слобод, являвшихся вторым кольцом вокруг центра – очага, в основе которых лежит географический и хозяйственно-экономический термин (слово «слобода» или «слободка»), а также антропонимы, микротопонимы, апеллятивная лексика: *Рыбная, Немецкая, Пищальная, Полянская слободы*. Связи топонимов данной группы в онимическом пространстве города доказывают наличие в топоспространстве Костромы центра и маргинальных объектов.

Линейные топонимы первого среза представлены 102 названиями. Наиболее продуктивным с древнейших времен является физико-географический принцип номинации топонимов: *улица Миланская, Боровая* и др. И уже встречаются топонимы, созданные на базе апеллятивов, указывающие на важ-

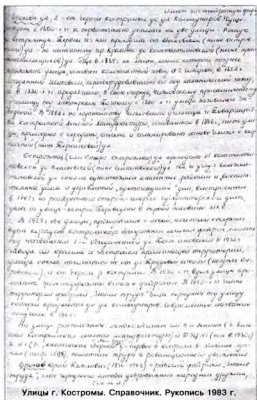
ный объект: *Брагина, Стрелина*. Для периода стихийной застройки города Костромы до XVII века большую продуктивность имел особый тип топонимов-хронотопов – многокомпонентные конструкции при номинации линейных объектов типа *от Ямской слободы через Богоявленский монастырь к городу, переулочек ис Колашной улицы в Златоустинскую, переулочек посторонь Богоявленского монастыря к Покову*.

На данном срезе зафиксировано 106 точечных топонимов, которые в рассматриваемом периоде среди других видов топонимов имели наибольшее значение как ориентиры, пока еще не было уличной планировки. К самым ранним из них относятся топонимы-экклезионимы с адресной приставкой: *Илии Пророка на Городище, Христа Спасителя на торгу, Христорождественская на Суле; башни кремля (33 названия): Наугольная, что на обрубе против рыбного ряда; Глухая от мясных рядов*. Для данного периода характерны 24 топонима, обозначающие хозяйственно-экономические объекты: *Турьма, Кузница, Колодезь, Важня, Онбар* и др., 35 названий торговых рядов в форме устойчивого согласования препозитивного и существительного: *Горшечной, Железной, Иконной, Калашной* и др. ряды.

На втором истори-

ческом срезе выделено 259 топонимов. Основная масса топонимов первого среза продолжает функционировать, исчезают только те названия, которые теряют свою материальную основу, что связано с утверждением и реализацией Генерального плана застройки Костромы. Развивается и переходит из первого среза во второй, но в качестве новым осмыслении как идеологический мотив названия по экклезиониму: *улицы Богословская, Вознесенская, Никольская* и т.д.

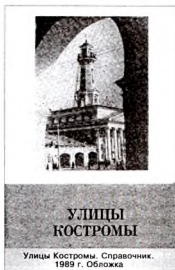
Особенно важными структурными элементами онимического пространства города на втором срезе стали 143 линейных названия, которые объединились по трем принципам номинации: по присущим самому объекту свойствам и каче-

ствам: по отношению к другому значимому объекту; по связи с человеком и его деятельностью. Внутри каждой группы выделялись подгруппы, объединяющие топонимы по различным признакам номинации, здесь сохранились характерные типы и принципы номинации, локальные компоненты названий, ансамбли названий, присутствуют варианты и параллельные названия-архаизмы – все то, что делает топонимию Костромы уникальной и узнаваемой на всех исторических срезах. При образовании топонимов способом омонимизации апеллятива сохранился наиболее древний принцип номинации по присущим самому объекту свойствам и качествам, таких топонимов 28: *Низовая, Бугры* и др. Значительным перевесом среди отапеллятивных топонимов отличается группа названий, образованных от имен производственных предприятий, организаций, учреждений, т. е. эргонимов – 16: *Банковская, Заводская*. Эти предпочтения объясняются экстралингвистическими причинами: Кострома становится более крупной административной единицей, развивается промышленность, топонимическая система реагирует на эти изменения появлением соответствующих названий. Среди топонимов ономастического происхождения наиболее многочисленна группа названий по имени храмов и монастырей, т. е. эклизионимов, их – 32: *Богоявленская, Всехсвятская* и др. Этот тип названий по-прежнему остается продуктивным, включая названия, посвящения по имени членов царской семьи и храма в честь тезоименитого святого: *Павловская, Цареконстантиновская*. Главной задачей точечных топонимов на втором срезе стала задача оживления официальной топонимии города. Искусственные топонимы, воз-

никшие в период регулярной застройки Костромы, на уровне функционирования сопровождался параллельными народно-бытовыми названиями, которые чаще всего были точечными

На третьем историческом срезе в топонимической системе города повсеместно возникли новые оппозиции в семантико-функциональной парадигме старое – новое. В современном топонимическом пространстве определенное место занимают хронотопы предшествующих исторических периодов, иногда в официальных названиях, но чаще

в народно-бытовых, и 624 новых топонима. Сохраняются типичные для костромской топонимии модели образования топонимов. Характерно сохранение традиционной практики застройки Костромы, лишь вместо слобод по окраинам города разрастаются поселки, включаются в городскую черту близлежащие населенные пункты: поселок *Начало, Трудовая* и *Рабочая слобода* и др. На данном срезе сохраняются основные мифологемы, характерные для топонимии города: волжские названия (*Волж-*

ская, Ключевская), историко-культурные названия (*Сусанина*) и топонимы текстильного края (*Ткачей, Рабочая*). Более половины линейных названий третьего периода апеллятивного происхождения – 244 единицы. На втором месте стоит тип древней номинации по качествам и свойствам самого объекта, где 71 название образовано по физико-географическому принципу: улицы *Горная, Овражная, Лесная, Речная* и др.

Среди структурных типов годонимов, выделяемых в топонимии Костромы, наиболее продуктивным можно считать тип простого топонима аффиксального происхождения (80% всех топонимов исследуемой территории). Около 10% топонимов являются составными словосочетаниями и предельными конструкциями (*Березовая роща, Молочная гора*) и 10% топонимов – композиты (образованы из двух и более слов) (*Черноречье, Гидростроительная*).

Для третьего периода характерно использование в речи точечных топонимов-архаизмов из предыдущих срезов, новые создаются реже, но объем их использования значительно увеличивается, насчитывается 97 названий. В связи с большой протяженностью главных улиц Костромы (*Советская, проспект Мира*) линейные топонимы не могут в полной мере выполнять адресную функцию, они членятся при помощи точечных топонимов на несколько частей.

В результате комплексного исследования топонимии Костромы мы пришли к выводу, что названия города Костромы представляют целостную систему в структурно-семантическом и функциональном плане, возникшую в результате длительного исторического развития и сохранившую свои основные черты до наших дней.

В.Н. Бочков у церкви Воскресения на Девре, Кострома, 1965 г.

в 1920-х гг. небывалый взлет, когда даже на фоне общего подъема «золотого десятилетия» было замечено и признано благодаря блестящей организаторской работе В.И. Смирнова, возглавлявшего в ту пору КНОИМК.

С размахом краеведческой деятельности был сопоставим и масштаб репрессий, направленных на разгром этого движения в Костроме и уездах. После арестов конца 1920-х гг. в исследовании края наступила пауза длиной почти в три десятилетия. Попытка возродить краеведение «сверху», предпринятая в 1947 г., закончилась неудачей.

В местном педагогическом институте плодотворно работали фи-

В.Н. Бочков в костромской историографии

Понятие «краеведение» вошло в широкое употребление гораздо позже, чем возникло само явление. Комплексное изучение (в современном значении этого слова) территории, занимаемой сегодня Костромской областью, началось в XVIII веке. В разное время оно велось в рамках географии, статистики, археологии или называлось как-то иначе. Общество, которое в 1912 г. поставило своей целью комплексное изучение губернии, называлось просто – «научным», Костромским научным обществом по изучению местного края (КНОИМК).

В 1920-х гг., когда отечественное краеведческое движение достигло пика своего развития, на страницах специальных периодических изданий прошла дискуссия о том, является ли краеведение наукой¹. Ответ был очень осторожным: связь с наукой не отрицалась, но наука идет путем анализа, а краеведение предполагает синтез. «Край» есть живой комплекс, единый организм,

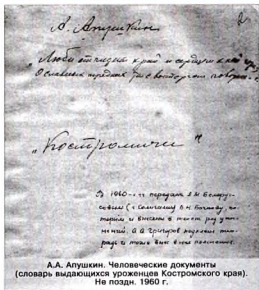
[...] к целому знанию и пониманию которого, как элемента страны и мира, должно стремиться», – писал петербургский теоретик и практик краеведения И.М. Гревс².

Но В.В. Богданов еще раньше предупреждал: «Краеведение, изучение края, есть первичный результат науки, и к какой бы области нашей жизни мы ни подходили бы с краеведческими заданиями, мы, прежде всего, должны проверить и оценить эти задания на достоверных данных науки. [...] Краеведение как одно из проявлений научной деятельности не имеет своих собственных научных методов, потому что наука едина и методы ее едины»³.

Собственно, эти путем и шло Костромское научное общество, издавая узкопрофильные сборники – биологические, лесные, исторические, этнографические и единственный литературный. Костромское краеведение, столетиями накапливавшее потенциал, пережило

философы, филологи, психологи, школа же серьезных исторических исследований во второй половине XX века так и не была создана – конъюнктурные публикации в области истории классовой борьбы её не требовали. Историография в Костроме как бы вернулась к началу, ко времени исследователей-одиночек, первым из которых и стал В.Н. Бочков.

Вряд ли он, в 1959 г. с отличием окончив Московский историко-архивный институт, отправляясь по распределению в Кострому, мечтал о том, чтобы посвятить свою жизнь краеведческим штудиям. Между тем именно работа в одном из богатейших архивов провинциальной России, созданном усилиями нескольких поколений краеведов и поощраженном войнами, неизменно располагала к ним самым характером источниковой базы. Богатейшая библиотека архива давала возможность проследить пути предшественников, проанализировать

собранный и опубликованный до него краеведческий материал, выявить лакуны.

В отличие от столиц, где все-таки легче было найти единомышленников, в провинции пришлось начинать одному, становясь, подобно предшественникам – краеведам XVIII столетия, исследователем-универсалом. Большая часть коллег по Костромскому архиву, бывшему на рубеже 1950–1960-х гг. структурой «компетентных органов», волей или неволей работали над темами, лежащими в русле официоза. Требовалось немалое мужество, чтобы в этой ситуации плыть против течения и, не реагируя на многочисленные «проработки», заниматься всерьез исторической наукой.

Возможностей для узкой специализации не оставалось. Приходилось практически одновременно работать над вопросами историографии и источниковедения, исторической географии, библиографии, генеалогии, истории экономики, политических течений, культуры разных исторических периодов. Это позволяло рассматривать явления комплексно, прослеживая взаимные связи и влияния.

не ограниченного кругом официально разрешенной в те годы информации, обеспечила успех синтеза, к которому стремились, но которого не достигли краеведы «золотого десятилетия».

В.Н. Бочков, профессиональный историк, исследовал прошлое во всей его полноте, используя свою эрудицию не только в гуманитарной сфере. Едва ли не первым он опубликовал результаты исследований о костромских прудах, лесах, оврагах, вторгаясь, казалось бы, в чужую вотчину. Знание новых открытий в области лингвистики позволило ему в диссертации проследить мерцание смысла слов, которые историки пытались свести к оформленным позже терминам. Его интерес к городу как монументальному источнику восходит (осознанию или нет) к городоведению первой трети XX века. Источниковедческая, археографическая подготовка позволяли ему использовать всю полноту неопубликованных письменных источников.

В Костроме оказался человек, владевший не только методами советской исторической науки, но и опытом отечественной и зарубежной историографии, не прошед-

В своей диссертации В.Н. Бочков обосновывал возможность отказа от узкой специализации, ссылаясь на авторитет признанного советского академика, ученого-медиевиста: «Никакой исследователь, – по словам С.Л. Сказкина, – не может быть специалистом по многим из тех проблем, которых ему приходится касаться в процессе синтеза»¹. Но именно широта кругозора молодого исследователя,

шим идеологические фильтры. Первое издание книги Марка Блока не только стояло у него на полке, но и активно использовалось в исследовательской практике. Этот выдающийся французский историк, один из основателей школы «Анналов», однажды написал: «За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самими, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, ИСТОРИЯ ХОЧЕТ УВИДЕТЬ ЛЮДЕЙ»².

В.Н. Бочков одним из первых заговорил о конкретных людях, которые ходили по улицам этого города, жили в этих домах – и город наполнился голосами и звуком шагов. Для этого ему пришлось выстоять востанавливая живую связь поколений, обратиться к тому, что позже назовут в Европе oral history – устной историей.

Самые яркие страницы костромской историографии 1920-х гг. были под запретом. Немногие краеведы, которых В.Н. Бочков разыскивал в начале 60-х, уклонялись от разговоров о прошлом, советуя оставить это опасное занятие. Но были книги, были архивные документы. Нашлись и живые свидетели, которых удалось «разговорить». Первой своей краеведческой публикацией Виктор Николаевич считал газетную статью о знакомце Блока, Ремитова, Кустодиева – И.А. Рязановском, написанную по рассказам его вдовы и материалам сохраненного ею архива³.

Есть материальное свидетельство связи нескольких поколений костромских краеведов – так называемая «тетрадь Алушкина»⁴. Еще на рубеже 1910–20-х гг. А.А. Алушкин, видный деятель, а потом и префект Костромского научного общества, начал собирать информацию об именитых уроженцах костромской земли, расположил ее по алфавиту и записал на страницах общей тетрадки. Он уехал в Москву, а тетрадка, пройдя через надежные руки, оказалась

В.Н. Бочков. 1984 г.

у солигалического краеведа, в молодости – члена КНОИМК, Л.М. Белоруссова, который и передал ее В.Н. Бочкову. Оба сделали свои дополнения, а потом Виктор Николаевич показал ее А.А. Григорову, который тоже внес свою лепту.

А.А. Григоров был намного старше В.Н. Бочкова, разница была более тридцати лет. Пройдя через многие испытания, после многих арестов и лагерей, он вернулся в Кострому в 1959 г., но занялся генеалогией, лишь выйдя на пенсию в 1964 г., первоначально интересуясь представителями только своего рода⁷. Стал ходить в архив, как на работу. В.Н. Бочков, в совершенстве владевший навыками архивного поиска и приемами составления поколенных росписей, помогал ему на первых порах. Мария Михайловна Шателен попросила А.А. Григорова поработать над родословной Кутузовых. Позже результаты этих изысканий легли в основу совместной книги представителей двух поколений – «Вокруг Щелькова»⁸.

Благодаря инициативе В.Н. Бочкова и с его помощью были записаны некоторые воспоминания костромичей, которые им же и были впервые использованы, – так в

официальную историю, политэкономическую по преимуществу, стала просачиваться история повседневности.

В интервью, данном А.А. Анохину, В.Н. Бочков вспоминал о таких встречах: «Первая из них была с Леонидом Колгушкиным – это старый костромич, собирал фотографии и открытки с видами Костромы, оставил очень интересные воспоминания о дореволюционной Костроме в рукописях. Он был долгое время директором школы слепых в Костроме. Я к нему много раз обращался, спрашивал, записывал за ним.

Через Колгушкина я познакомился с Александром Викторовичем Лаговским, и в том же доме, что и Лаговский, на улице Энгельса жил Николай Александрович Полубинский. У них тоже я довольно много взял, то есть я их расспрашивал, а они рассказывали. Лаговский мне рассказал по моим вопросам историю домов на многих улицах Костромы, прямо дом за домом, конечно, в тех пределах, в которых он знал.

[А.А. Анохин:] Вы расспрашивали на прогулках или прямо не выходя из дома?

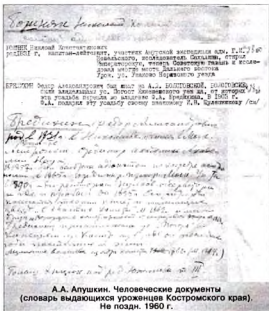
– Нет, мы сидели дома. Я тогда мог, конечно, прогуливаться, но ему было сложнее, тем более трудно записывать на ходу. А так, он как старый костромич и старожил Костромы помнил все, что связано с улицами и домами, даже самыми неказистыми и маленькими, и много мне рассказывал. Потом я соединил материал, почерпнутый из этих рас-

сказов, с теми материалами, которые я сам в архиве выбрал, и получились эти очерки по костромским улицам».

Архивные изыскания оставались тем не менее основой всех исследований. Результатом работы В.Н. Бочкова с фондами Государственного архива Костромской области стало составление путеводителя по ГАКО⁹ и описание коллекции рукописей этого хранилища. Не довольствуясь уже собранными материалами, исследователь выявляет сохранившиеся частные архивы, вывозя их иногда буквально на детских санках. Именно благодаря ему в архив были переданы и документы И.А. Рязановского.

Наряду с этим шла работа по выявлению и публикации документов, например, уже в 1960-х гг. удалось издать (хотя бы на страницах местной периодики) неизвестные письма М.М. Пришвина, Ф. Сологуба¹⁰.

Там же появлялись авторские статьи, рецензии на новые издания, чаще всего содержащие указания на неточности, на неизвестные авторам документы и сведения.

А.А. Алушкин. Человеческие документы (словарь выдающихся уроженцев Костромского края). Не поздн. 1960 г.

В 1965 г. пришлось поменять место службы, уйдя из архива в областную научную библиотеку, где до 1972 г. В.Н. Бочков трудился старшим библиографом. В его распоряжении оказались богатейшие материалы, о существовании которых мало кто догадывался. Особенно тщательно работал он со справочниками, указателями, энциклопедиями, многие из которых до сих пор хранят легкие пометки, сделанные им на полях при нахождении костромского материала. Вероятно, в это время пополнялась его уникальная картотека выдающихся уроженцев края, развивавшая традиции предшественников, которая должна была лечь в основу соответствующего указателя. Работу над ним закончить не удалось¹¹. К этому же периоду относится и учеба в аспирантуре, так что архив из места службы превратился в место регулярных занятий.

В 1972 г. В.Н. Бочков получил приглашение на пост заместителя директора по науке в музей-заповедник А.Н. Островского «Шелыково». Пять лет его руководства музеем-усадьбой не только стали временем интенсивной исследовательской и собирательской работы всего коллектива, но и дали еще одно направление его собственной работы – литературное краеведение. Многолетние труды в этой области оставили заметный след на страницах многотомного биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917», вылились в изданные книги о литературных прототипах «Скажи: которая Татьяна?»¹². Она стала последней книгой В.Н. Бочкова, которую он успел заставить напечатанной. В рукописи до 2002 года оставались «Костромские спутники Пушкина»¹³.

В ту пору, после периода гонений конца 1970-х гг., удалось устроиться инженером в производственную группу по охране памятников при областном управлении культуры. Работа была знакома: уже в 60-е гг., когда движение по охране памятников превратилось в борьбу за исто-

рию без идеологии, В.Н. Бочков составлял исторические справки о различных зданиях и мемориальных комплексах. В 1970 г. им совместно с архитектором-реставратором К.Г. Тороп был выпущен путеводитель по Костроме¹⁴. В последний год работы в Шелыкове он выступил в качестве автора вступительной статьи и ряда материалов о конкретных объектах при подготовке костромского выпуска «Материалов свода памятников истории и культуры»¹⁵.

Став сотрудником производственной группы, В.Н. Бочков подготовил к постановке на охрану такое количество объектов, что это вызвало резкое недовольство местных чиновников от культуры. Опять проявился его дар организатора: он не только привлекал местных и столичных специалистов, но и создал краеведческое объединение при одном из фабричных клубов, подключив к исследованию города людей самых разных социальных слоев, что позволило позднее издать справочник «Улицы Костромы»¹⁶.

Костромской краевед 1920-х гг. В.И. Смирнов утверждал, что краеведение держится на трех китах – архиве, музее и библиотеке. Судьба

провела В.Н. Бочкова через все три этих учреждения, он внес значительный вклад в работу каждого из них, но и сама служба повлияла на его интересы, во многом определила круг осязаемых им источников, сделала его универсальным исследователем-краеведом. К трем китам он добавил город как исторический источник.

Подари ему судьба еще несколько лет жизни – он смог в большей мере использовать то огромное количество «запретной» в советское время информации, которую он собирал без малейшей надежды опубликовать когда-либо. Но остались книги, остались ученые. И самое главное – была возобновлена традиция профессиональных занятий историей, которая выгодно отличает костромское краеведение от традиций многих других областей, где любительское («пионерско-пензионерское») краеведение и краеведение университетское разделяет пропасть. Костромское краеведение удерживает научный уровень, стремясь к синтезу, продолжая традиции предыдущих столетий.

Примечания:

¹ Золотарев А. Наука ли краеведение или только метод? // Краеведение. – 1926. – Т.3. – №3. – С. 329–331.

² Гресс Н.М. Народное искусство в краеведческой работе в школе // На путях краеведения. – М.: Мир, 1926. – С. 129.

³ Богданов В.В. Задачи краеведения и история краеведения в России // Вопросы краеведения. Сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года. – [М.]: Инвалолитграф, 1923. – С. 5–6.

⁴ Блок М. Антология истории или Ремесло историка. – Изд. 2-е, доп. – М., 1986. – С. 18.

⁵ Бочков В. История одного дома // Северная правда. – 1960. – 27 июля.

⁶ Алушкин А. Человеческие документы // ГАКО. Ф. р-1224 (В.Н. Бочков). д. 432.

⁷ Григорьев А.А. Из истории костромского дворянства. – Кострома, 1993. – С. 465.

⁸ Бочков В.Н., Григорьев А. Вокруг Шелыкова. – Ярославль, 1972.

⁹ Путеводитель по Государственному архиву Костромской области / Сост. В.Н. Бочков. – Кострома, 1962.

¹⁰ Северная правда. – 1961. – 14 октября; Молодой ленинец. – 1964. – 9 декабря.

¹¹ Хранится в ГУК КГНХМЗ, инв. 14826/1-933.

¹² Бочков В.Н. «Скажи: которая Татьяна?». – М., 1990.

¹³ Книга была издана редакцией журнала «Губернский дом» (Кострома, 2002).

¹⁴ Бочков В.Н., Тороп К.Г. Кострома: Путеводитель. – Кострома, 1970.

¹⁵ Материалы свода памятников истории и культуры. – Кострома, 1977.

¹⁶ Улицы Костромы. – Кострома, 1989.

ИСТОЧНИКИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ «РАССКАЗА» ВИКТОРА БОЧКОВА

Виктор Николаевич Бочков (16.04.1937–14.03.1991) – прежде всего учёный-архивист и краевед, ибо одно без другого невозможно. «Веданье» о крае открывается тому, кто кропотливо, подчас долго разыскивает документальные свидетельства былой жизни. Отсюда другая особенность краеведения – совмещение времен. Только краеведу становится видимым (вещно-предметным) присутствие прошлого в настоящем. Далее разыскания укрепляются в слове и публикации, которые могут иметь сугубо научный, вне присутствия авторского эмоционального отношения к материалу, либо эссеистический, приглашающий читателя к совместно постижению неизвестного, обнаружению этого неизвестного в знакомом, а потому просто не замечаемом. Думается, что поиск и обнаружение фактов для Бочкова были основанием (своеобразным фундаментом) в реализации требующего выхода писательского дара, коим он, вне всяких сомнений, обладал.

Здесь бы я попыталась указать несколько возможных источников, которые могли оказать влияние на его интерес именно к «занимательному» краеведению. Но, конечно, следует помнить, что в научном постижении служилого сословия в истории России ему было отказано за «не актуальностью». В результате краеведение и оказалось предметом пристального внимания.

Так, на время его молодости приходится опыт такого исследователя Лермонтова, как Иракий Андроников, который с экрана телевиде-

ра часами рассказывал о своих находках и открытиях, а зрители, не отрываясь, слушали эти рассказы. Правда, позднее выяснилось, что не все в его рассказах было фактологично, некоторые эпизоды домыслились автором для эффективности, чтобы заинтриговать, придать напряженность излагаемому событию. Но нельзя не заметить, что Андроникову его рассказы удавались. Удавались в главном – он привлекал внимание миллионов к Лермонтову, его произведениям. Лермонтова читали вместе с Андрониковым. А если и приходилось о чем-то догадываться, то ведь не на научном же собрании он выступал. С другой стороны, такого рода рассказывание не было открытием Андроникова. По замечанию тонкого филолога, историка культуры М.Л. Гаспарова, не так давно ушедшего из жизни, у подобного изложения есть давняя традиция старинных книг о «достопамятных словах и поступках» великих людей! И далее он добавляет: «... нельзя ответить на вопрос: «кто мы такие?», не ответив на вопрос: «откуда мы такие взялись?»². Кстати, и сам ученый не отказал себе в удовольствии написать книгу «Занимательная Греция».

Еще один источник связан с самим краеведением, имевшим на костромской земле богатое прошлое до октябрьского переворота 1917 года, а затем мощно развившееся в 1920 годы и охватившее разные слои населения, что и привело в итоге к его разгрому. Новая власть, спешно сочинявшая миф о поголовно «плохой» жизни челове-

Ирина Едошина

ка в условиях царизма, его бесконечной бедности и нищете, никак не была заинтересована в изучении и собирании источников, которые находились в полном противоречии с обозначенной доктриной. Однако вопреки всему память о самой традиции не просто осталась, но словно персонифицировалась в Александре Александровиче Григорове (1904–1989).

Сохранилась фотография 1989 года (автор – А. Шикалов), года смерти великого труженика и печальника земли русской. На этой фотографии Александру Александровичу Б.К. Коробов, первый заместитель председателя Костромского горисполкома, вручает ленту «Почетный гражданин г.Кострома». За 85-летним А.А. Григоровым, руку которого жмет Коробов, виден опустивший глаза Виктор Николаевич Бочков. Надо заметить, что фотография получилась неожиданно драматургически выстроенной. На первом плане – лепной профиль Григорова, голова в основном залита солнцем, но небольшая тень делает более рельефными складки возле плотно сжатых губ, подчеркивает вертикаль морщин на щеках. Лицо Бочкова находится в тени, он вроде бы улыбается, а вроде бы и нет. Григоров внутренне сосредоточен. Они и разделены, и рядом, потому кажется, звание почетного гражданина получает не только А.А. Григоров, но в его лице все причастные к краеведению исследователи.

Особый драматизм снимку придает 1989 год: Григорову оставалось жизни несколько месяцев, Бочкову – без месяца два года. Но они об этом тогда еще не знали. Они просто честно служили русской культуре. Кстати, с именем Григоровых связана женская гим-

назия, в которой училась сестра В.В. Розанова и которой он собирался подарить часть нумизматической коллекции.

Наконец, третий источник – своеобразие самой личности Бочкова. Кострома – город маленький, исторически купеческий, читай: торговый, с избытком «забытовленный». Оказавшись здесь в конце 1950-х (с перерывами на учебу в аспирантуре), Бочков попал в пространство замкнутое, ограниченное все теми же бытовыми проблемами. Небольшая интеллигентская «лакуна» не меняла общей картины, хотя и давала необходимое творческое человеку общению. Как мне кажется, Бочков был человеком действия, поступка (неважно, реального или мыслимого), ему было важно поделиться своими знаниями и со многими (путеводитель по Костроме, совместно с К.Г. Тороп), и с некоторыми (краеведческий кружок). Многие из своих находок он публиковал на страницах местной прессы. Читал специальный курс для студентов филфака. Писал книги. При его жизни часть из них увидела свет: «Заповедная сторона: Вокруг Щелыкова» (Ярославль, 1988); «Скажи: которая Татьяна?»; Образы и прототипы в русской литературе (М., 1990). Справочники: давший возможность работать с фондами «Государственный архив Костромской области. Путеводитель» (Кострома, 1962); «Улицы Костромы: Справочник» (Ярославль, 1999). После смерти Бочкова вышли: «Старая Кострома» (Кострома, 1997); «Костромские спутники Пушкина» (Кострома, 2002). Кроме того, огромное количество статей в прессе и научных изданиях.

Во всех публикациях Бочков остается человеком пристрастным в смысле действительным, стремящимся соединить разные факты в единое целое, чтобы через живую

ткань повествования прошлое оказалось интересным и близким. Даже если обратиться к путеводителю «Кострома», то обнаружим весьма любопытные «обмолвки». Вот, например, значимые «обмолвки» в рассказе о Муравьевке:

До революции Муравьевка выглядела несколько иначе, чем в настоящее время; она имела три параллельные террасы с аллеями, густо обсаженными кустами сирени, акации и чайного дерева. На выступах, или бастаионах, аллей стояли старинные чугунные пушки, перевезенные сюда со стен кремля... В начале бульвара, на горе, где сейчас выстроен четырехэтажный дом... стояла церковь Бориса и Глеба, построенная в 1800 году, а в конце, на площади, возвышалась Всехсвятская церковь. Муравьевка имела очень красивый вид с Волги⁴. Обратим внимание на последнюю, как бы случайно оброненную фразу, в которой угадывается глубокое сочувствие к утраченным церквям и террасам.

Или вот еще один яркий пример. Перечисляя тех, кто обучался в костромской гимназии, Бочков называет В.В. Розанова, которого в то время влух можно было называть только с нелицеприятным определением. В путеводителе же просто указывается – философ⁵. В 1971 году на это нужно было решиться. Правда, с другой стороны, вся жизнь В.Н. Бочкова – яркое свидетельство принимаемых им весьма не простых решений, из которых и складывалась его судьба. Писательская в том числе.

Для Бочкова-писателя всегда важным является начало рассказа. Причем он несколько не смущается тем, что его «начала» нескрываяемо отсылают читателя к традиции повествования первой трети XIX столетия, то есть времени, с которым тесно связаны его герои. Обратимся к рассказам из книги «Кост-

ромские спутники Пушкина». Вот их начала, в которых сразу явно выделяются старинные «словечки» (выделено жирным)⁶.

Хорошо известно, что А.С. Пушкин очень интересовался своими предками и гордился древним, историческим родом Пушкиных. Не раз писался поэт и в собственные генеалогические изыскания («Пушкин по имени Александр»).

Тамась в 1825 году в ссылке в искомом сельце Михайловском, Александр Пушкин написал знаменитое стихотворение «19 октября». Там есть проникновенные строки:

*... да здравствует лицей!
Наставникам, хранившим
юность нашу,
и мертвым и
живым,
Кустам подъяв признательную
чашу.
Не помня зла, за благо воздадим
(«Наставник Пушкина»).*

В 1825 году Павел Александрович Катенин пишет в известной степенно автобиографическое стихотворение «Элегия». Ее герой поэт Эдгор – сын благородных родителей, бывших «воинами» («Многие много тебе обязаны»).

Александр Сергеевич Пушкин был связан с П.П. Свильным в течение почти всей своей сознательной жизни: читал его сочинения, сам писал о нем, печатался с ним в общих изданиях, пользовался собранными Павлом Петровичем историческими материалами, бывал у него дома и встречался у общих знакомых. Более того, поэт хорошо знал различные перипетии жизни Свильна и интересовался его биографией и личностью («Российский жуик»).

Федор Иванович Толстой был одним из самых оригинальных знакомых Пушкина. Они и горячо ссорились, и готовно мирились, обмени-

вались и колкими эпиграммами, и теплыми письмами, вместе пировали и заседали на литературных вечерах, имели кучу общих друзей («Свят наш Толстой»).

Видный литературовед предреволюционной эпохи А.И. Кирпичников, определяя место Н.М. Кошкина в истории русской литературы XIX века, аттестовал его как «задушевного друга Баратынского, близкого приятеля Дельвига и хорошего знакомого Пушкина» и как «одного из тех любителей отечественной словесности, в кружке которых рос и креп гений Пушкина» («Последний визионер»).

Всеволодов не принадлежал к числу постоянных спутников Пушкина, однако, хотя само знакомство их было непродолжительным, он оказал поэту услугу, требующую определенного гражданского мужества, и фамилия его встречается в пушкинской переписке («Искусный коновал»).

Считается установленным, что Александр Карлович Бошняк - фигура мрачная и одинокая, игравшая в жизни Пушкина (да если бы его одного!) зловещую роль. Впрочем, чему тут удивляться: вокруг каждого гения толпятся не только доброжелатели и почитатели («Загадка Бошняка»).

В первой половине прошлого века человек, не окончивший официального учебного заведения, не состоявший на государственной службе и не поддерживающий регулярную переписку с родственниками и друзьями, рисковал, даже если он был личностью достаточно известной, остаться без биографии или с зияющими в ней дырами из-за отсутствия документальных источников. А коль скоро этот человек еще родился и крепостным крестьянином, то все сведения о нем, как правило, ограничиваются скудными записями в ревизских сказках («Певец»).

Два столетия назад на 23-й версте по столбовому тракту из уездного города Галича в губернскую Кострому стояло на одиночном болоте село Золотово. По древним преданиям, некогда это было многолюдное селение, но к концу XVIII века оно заустало, от прежних строений осталась лишь деревянная барская усадьба с прилегающими службами, да на месте прежней большой церкви виднелась скромная часовня («Квакер Беверлей»).

Ание Ивановне Готовцевой, вероятнее всего, так и не посчастливилось лично встретиться и побеседовать с Пушкиным. Тем не менее поэт хорошо знал костромичку, вел с нею поэтическую переписку, упоминал ее имя в сношениях с друзьями. А для нее Пушкин был божеством, стихи которого наполняли светом и смыслом жизнь скромной провинциалки («Твой недосказанный упрек»).

Иван Козловский принадлежит к сонму третьестепенных и ныне забытых стихотворцев пушкинской эпохи. Однако в окружении Пушкина оказался он не случайно. Это обусловили уже семейные связи... («Секундант»).

К Нишиковой всецело можно отнести слова, сказанные писательницей А.Л. Кобяковой, ее младшей современницей и землячкой: «Не понимаю, за что называют женщин слабыми существами: там, где надо перенести горе, противопоставить энергию сердца разрушительным напорам жизни, там женщины сильнее и крепче мужчин». Вся дальняя и подвижническая жизнь Александры Осиповны служит подтверждением такого вывода («Последний адресат Пушкина»).

Но не только слова оказываются значимыми, гораздо больше — самой построение фразы. Предикат

располагается почти в самом начале предложения, обозначая суть и характер действия, развитие которого стремительно разворачивается к концу предложения. Отсюда рождается особая ритмика синтагм, заставляющая вспомнить прозу не только Пушкина, но и его современников.

Другая особенность заключается в способе завязки сюжета. Завязка дается практически сразу, но всегда с некоторой недосказанностью, намеками, смыслом которых и будет раскрыт автором далее. Этому же способствует и другой прием: не называние сразу будущего героя. Его имя укрывается автором в некоторых подробностях, придающих некую таинственность не только самой личности, которой посвящено повествование, но и самому тексту в целом.

Наконец, автор тщательно скрывает и другое: исследовательское основание своих рассказов. Отсюда впечатление, что сам автор является наблюдателем, почти что участником всех событий, чему в немалой степени способствует непосредственность его впечатлений. Кстати, отсюда же кажущаяся легкость его рассказов, их внешняя простота и незатейливость, за которыми на самом деле стоят годы разысканий и раздумий.

Примечания:

¹ Гаспаров М.Л. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, Новое литературное обозрение, 1996. — С. 2.

² Там же. С. 4.

³ См. кн.: Григоров А. Из истории костромского дворянства /Сост., вступ. статья и примеч. Н.А. Зонтикова — Кострома, 1993. — С. 20.

⁴ Бочков В.Н., Торон К.Г. — Кострома (Путеводитель). — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1971. — С. 159.

⁵ Там же. С. 161.

⁶ Бочков В.Н. Костромские спутники Пушкина. — Кострома, 2002. Приложение к журналу «Губернский дом». Все цитаты даны по этому изданию.

КОСТРОМСКОЙ НАМЕСТНИК ГОЛОСТЕНОВ И ЕГО ПОТОМСТВО

Как известно, наместничеством в последней четверти XVIII столетия в России называлась административно-территориальная единица, состоящая из двух-трех губерний, которой правил глава наместничества – наместник. За период с 1778 по 1796 год в Костромском наместничестве насчитывалось девять наместников, сменившихся затем губернаторами. В ноябре 1778 года ярославский наместник Алексей Петрович Мельгунов открыл Костромское наместничество и сам же возглавил его.

Алексей Давыдович Голостенев стал седьмым по счету костромским наместником, сменив на этом посту своего предшественника Ивана Варфоломеевича Ламба. Его правление было недолгим, оно пришлось на начало девяностых годов XVIII столетия, до 1792 года – времени его смерти. Седьмой костромской наместник происходил из старинного дворянского рода, протекающего от Кондратия Никитича Голостенова, помещенного в Курском уезде в 1628–1630-х годах. Потомство его записано было в 6-ю часть родословных книг Костромской, Тульской и Псковской губерний, но герольдией не было утверждено в древнем дворянстве, а признано лишь со внесением во 2-ю часть родословной книги.

Биография А.Д. Голостенова, как и других костромских наместников, до сих пор почти не исследовалась и, скорее всего, и данная попытка могла не состояться, если бы не было у наместника родственных связей с костромскими помещиками Катениными. Чухломские помещики Катенины, владельцы усадьбы Клусеево, вели на полях старопечатной книги «Псалтырь» своеобразный дневник, где фиксировались важнейшие даты жизни и дея-

тельности представителей рода и их ближайших родственников. К счастью, катенинская псалтырь дошла до нас и сообщила массу полезной информации, в том числе некоторые сведения из жизни наместника Голостенова.

Оказывается, что Алексей Давыдович Голостенев родился в 1740 году. Служил в лейб-гвардии и был любимцем будущего императора Павла I. В отставку вышел в чине генерал-майора. 19 января 1774 года в 34-летнем возрасте венчался с Анной Федоровной Катениной в Санкт-Петербурге на Васильевском острове в церкви Андрея Первозванного, где и проживал в связи со службой в гвардии¹.

Анна Федоровна Катенина, родившаяся в 1756 году, из древнего дворянского рода Катениных, описанных в 6-ю часть дворянской (бархатной) родословной книги, являлась дочерью полковника лейб-гвардии Семеновского полка Федора Ивановича Катенина – деда поэта и драматурга П.А. Катенина. Таким образом, она являлась родной теткой поэта и сестрой отца поэта Александра Федоровича Катенина.

Брак Анны Федоровны Катениной с Алексеем Давыдовичем Голостеновым можно было бы назвать удачным, если бы не ранняя смерть их детей. В катенинской псалтыри перечисляются их имена: сын Петр, родившийся 20 декабря 1776 года и дочери Мария, родившаяся 2 апреля 1778 года, и Александра, родившаяся 5 марта 1780 года.

Все они умерли одновременно в 1781 году, что заставляет подозревать причину их кончины в эпидемии, пожаре или другом несчастном случае.

Впрочем, в какой-то мере судьба компенсировала эту утрату, пода-

рив в 1885 году им еще одну дочь Александру меньшую, судьба которой была поистине незаурядной.

Ее отец костромской наместник А.Д. Голостенев умер 1 марта 1792 года, уступив место наместника Ивану Варфоломеевичу Ламбу, который занял этот пост вторично, после недолгого перерыва, что породило ошибку, будто наместник Ламб беспрерывно исполнял должность костромского наместника в течение десяти лет. Сашенька Голостенова осиротела в семилетнем возрасте. Ее растила мать, которая в 1800 году выдала Александру Алексеевну замуж за Ивана Антоновича Шипова – сына отставного полковника и уездного судьи Антоны Васильевича Шипова.

Он был капитанармусом лейб-гвардии Преображенского полка. В войну 1812 года – подпоручиком 1-го пешего полка Костромского ополчения.

Уничжительную характеристику И.А. Шипову дал в своих воспоминаниях его родственник лексикограф и гитарист Н.П. Макаров:

«Иван Антонович Шипов был глуп и пьяница. За него выдали Александру Алексеевну насильно, так как он имел хорошее родовое имение 1000 душ. Выпивал через каждые два часа, был неряха и заядлый охотник, а жена управляла хозяйством, у нее был сын Алеша, которого потом определили в школу гвардейских прапорщиков, в Петербург»².

Дальнейшая судьба Александры Алексеевны Шиповой прослеживается из «Сведений о Горницком монастыре», где автор, архимандрит Пимен, пишет:

«В заключение моего рассказа упомяну еще об одной подвижнице ... о матери Агнии, бывшей в миру Александре Алексеевне Шиповой... Александры Алексеевны выш-

Портрет А.И.Шипова.
На обороте надпись: Алексей Иванович Шипов – двоюродный брат отца П.Д.Антиловой, пост. 1920, из собр. Антиловой, б., акв. 16,8 x 14,7

ла замуж за Ивана Антоновича Шипова, когда ей исполнилось едва 15 лет, следовательно, около 1800 года, и прошло около шести лет, а детей у них не было. Шипов имел великую веру ... к преподобному Феодосию Тотемскому, которому усердно молился, чтобы он испросил у господа чадордие его жены. По происшествии некоторого времени они были обрдованы рождением сына Алексея. Мальчик попрос и оказывал в учении необыкновенные свои дарования. Родители им утешались, но радость скоро омрачилась печалью: Шипова заболела ногами. Она не могла ходить, страдала от нестерпимой боли; врачи истощили все свое искусство и не принесли ей ни малейшей пользы, так что слишком два года носили ее на простынях. Однажды она в изнеможении заснула и видит во сне, что к ней пришел преподобный Феодосий Тотемский, обещающий ей исцеление. Она рассказывает сон мужу и некоторым из близких, которые стали ее уговаривать съездить к мощам преподобного. Она согласилась и действительно получила у мощей преподобного мгновенное исцеление: в церковь ее вели с трудом, а из церкви она возвращалась одна, никем не поддерживаемая и совершенно здоровая. По смерти своего мужа

она дала себе обещание, что как скоро сыну ее минет 25 лет, она непременно вступит в монастырь. Наступил 1834 год; ее сыну, находившемуся в то время адъютантом при великом князе Михаиле Павловиче, исполнилось уже 27 лет, но она все еще не была в монастыре.

Однажды на молитве она услышала слова апостола: «Сей ныне время – благоприятно, се ныне день спасения». И она решилась.

Вскоре после вступления в Горницкую обитель Шипову постигла в расфор, а в 1844 году в мантию с именем Агнии, а в

1747 году в схиму с прежним именем Александры. Она вела строгую подвижническую жизнь, занимала должность письмоводителя и, проживши 20 лет в обители, с миром почил в Господе в 1854 году»¹.

Ну, а как же сложилась жизнь Алексея Ивановича Шипова – единственного внука костромского наместника Алексея Давыдовича Голостеннова, названного в память деда Алексеем? Он родился в 1807 году, так что дед, умерший в 1792 году, не подозревал о его существовании и не мог видеть внука. После окончания школы гвардейских прапорщиков он попал в свиту великого князя Михаила Павловича, что обещало быстрый карьерный рост. До нас дошел его акварельный портрет в молодых годах, где он изображен как генеральский адъютант в чине поручика². Бросается в глаза его хрупко-болезненная конституция, полученная, вероятно, по причине пристрастия к алкоголю его родителя. Портрет принадлежит музею изобразительных искусств города Ярославля.

По отставке Алексей Иванович Шипов женился на Елене Михайловне Васильчиковой, которая, овдовев, вышла замуж вторично за барона Сердобина.

У четы Шиповых было две дочери Наталья и Александра Алексеевны.

Их отец скончался в 1847 году сорока лет от роду. На нем прервалась данная ветвь рода Шиповых, ибо наследников мужского пола Алексей Иванович не оставил. Его мать Александра Алексеевна Шипова, урожденная Голостеннова, пережила сына на семь лет, и поскольку род их пресекался, то имение, состоящее в Кологривском уезде Костромской губернии, перешло, за вычетом части отошедшей церкви, в род их родственников Катениных, сначала Александру Андреевичу, за которым закрепилась деревня Михалево с другими деревнями: Савачево, Мокруши, Худышино, Калинин, Горшково и др., а после его смерти в 1860 году его имение наследовал племянник Михаил Иванович Катенин.

В полюбовном разделе общего наследства с братом Николаем Ивановичем Катениным он писал: «Я, Михаил Катенин, беру себе на часть Кологривское имение, в полном его составе со всеми землями, какие остались после матери полковника Шипова, подпоручицы Александры Алексеевны Шиповой...»³.

Таким образом, земли, полученные в приданое Анной Федоровной Катениной при ее замужестве за костромским наместником Алексеем Давыдовичем Голостенновым после трех поколений владения Голостенновыми-Шиповыми вернулись назад в род Катениных, представителем которого бессознательно способствовали памяти исчезнувшей фамилии родственников Голостенновых, занося даты значимых событий их жизни на полях катенинской псалтыри.

Примечания

¹ Катенинская псалтырь // Сапрыгина Е.В. – Костромская вотчина Катениных. Кострома, 1992 – С. 92.

² Макаров Н.П. Мои семидесятилетние воспоминания. – 1928 – С. 7.

³ Горницкие старицы. Из воспоминаний Архимандрита Пимена (Мещерякова) // Памятники отечества. – № 3-4. – 1993.

⁴ На обороте портрета имеется надпись: «Алексей Иванович Шипов – двоюродный брат отца А. Д. Антиловой, Атрибуция А. М. Горшман уточнил, что изображен гвардейский генеральский адъютант в чине поручика.

⁵ ГАКО, ф. 116, он 5, л. 55, а, 3.

ЮБИЛЕЙ ГОСТИНОГО ДВОРА

Каменные торговые ряды уже 170 лет определяют облик центральной площади Нерехты. Сейчас трудно представить что-то иное на их месте. Линия торговых рядов не только определяет геометрию площади, но и раскрывает ее по красной линии центральной улицы города, четко ориентируясь на главную высотную доминанту – соборную колокольню. Это сейчас она самая высокая вертикаль, а на период проектирования рядов на ее месте стояла более скромная колокольня Казанского собора.

Автор проекта гостиного двора был замечательным градостроителем, не только решавшим проблему замены ветхих деревянных торговых лавок, но создававшим лицо главной площади города. Из архивных документов известно, что ради установки этой линии рядов «сносятся питейный дом и два жилых и переносятся деревянные ряды». То есть строительство каменных рядов не отменяло существования и деревянных, только весь торговый комплекс, развернутый в сторону реки, приобретал парадный фасад.

На плане торговой площади 1847 года рядом с каменными рядами, образуя каре, стоят 10 корпусов деревянных лавок, помеченных как ветхие. То есть торг на площади существовал издревле, что вообще характерно для городов, сосредоточивавших вокруг центральной площади административные здания, соборный комплекс и торг.

Деревянные строения русских городов были весьма уязвимы для пожаров, и вышеназванную триаду дополняли пожарная каланча с депо. Увы, от пожаров не спасают ни новейшие средства передвижения пожарных команд, ни близость их к объекту возгорания.

Пожар в Государственном архиве Костромской области в 1982 году нанес непоправимый ущерб нашей исторической памяти. Сгорели дела, связанные с историей

строительства, и проектные чертежи гостиного двора в г. Нерехта. Многие теперь уже невозможно узнать, подтвердить документально. И все-таки судьба иногда посылает удачу.

Главный архитектор Костромской специальной научно-реставрационной производственной мастерской Галерия Густавовна Тороп считала необходимым условием работы по сохранению, реставрации памятников архитектуры области сбор документальных сведений об истории создания, ремонтах, пристройках и перестройках, то есть о жизни памятника, зачастую насчитывающей столетия. В плотном графике текущих дел она умела находить время для работы с документами архива и к этому же приучала всех архитекторов мастерской. Ее архивные выписки на сегодняшний день – это ценнейший материал, тем более что она не просто записывала тот или иной факт, а копировала документ, таким образом давая возможность извлечь из него максимум сведений.

Просматривая архив К.Г. Тороп, нам удалось найти сведения и по гостиному двору в Нерехте.

Торговые ряды в Костроме были одним из важнейших объектов деятельности реставрационной мастерской, и их активная жизнь сегодня была обеспечена качественной реставрацией 1960–1970-х годов. Тогда же были собраны основные архивные материалы по их истории. Параллельно велись работы по восстановлению ансамбля торговых рядов в г. Галич. К.Г. Тороп на основании подлинных проектов сумела установить автора проекта этих рядов. Губернскому архитектору Н.Метлину не удалось до конца реализовать замысел. На основе сохранившихся в архиве авторских

чертежей планов и фасадов при реставрации рядов удалось выполнить все в соответствии с проектом Н.Метлина.

В архиве К.Г. Тороп нашлись выписки и по торговым рядам в Нерехте.

Оказалось, их тоже проектировал Н.Метлин.

«О некоторых строениях, подлежащих к перемещению для постройки гостиного двора г. Нерехты.

Губернатору Баумгартену от губернского архитектора Метлина.

Орденом Вашего превосходительства предложено мне составить план и фасад, по коим должен быть устроен Костромской губернии в уездном городе Нерехте каменный гостинный двор, который во исполнение того предписания мною и составлен и при сем на утверждение к Вашему превосходительству представить честь имею.

Губернский архитектор Николай Метлин.

Августа дня 1820 г.»¹

Итак, проект уже был готов в 1820 году и, судя по отчету Нерехтской думы, на приобретение материалов, кирпича, известки и прочие расходы к окончанию строительства уже израсходовано 3000 рублей.

Следовательно, к 1823 году линия гостиного двора числом семь лавок была уже выстроена.

В 1824 году Нерехтская дума заочинялась в правильности постройки гостиного двора и подала рапорт губернатору К.И.Баумгартену.

«Дело по представлению Нерехтской городской думы о встретившемся сомнении по неправильной постройке тамошнего гостиного двора.

Рапорт Нерехтской думы К.И.Баумгартену от 19 апреля 1824 года [...] о вновь застроенном [...] каменном гостинном дворе и уже выс-

троенных в оном семи номеров лавок, приведенных каменной работою к окончанию [...] едва ли могут быть оные с имеющимся на то плану, подписанным в 1820 году губернским архитектором титулярным советником Николаем Метлиным, какательно вышины и прочего, правильно».²

Губернскому архитектору П.И. Фурсову, занявшему эту должность после смерти Н.Метлина в 1822 году, последовало 24 апреля 1824 года предписание губернатора обследовать здание гостиницы двора в Нерехте.

Рапорт П.И.Фурсова «Его превосходительству господину действительному статскому советнику костромскому гражданскому губернатору и разных орденов кавалеру К.И.Баумгартену.

По ордеру Вашего превосходительства за № 2419 от 24 апреля 1824 года отправиться мне в уездный город Нерехту, освидетельствовать там вновь строящиеся каменные лавки, сообразно ли оные плану и фасаду, имеющимся в городской думе. И в каком оные положении окажутся, донести Вашему превосходительству, по случаю донести тамошней городской думе, что хотя и намерены с наступающим удобным временем приступить к совершенной отделке застроенных в прошедшем году семи лавок, но, не имея сведения, сообразны ли оные с планами, имеющимися в городской думе от предшественника моего, не могут начать отделки выстроенных лавок, ни новой пристройки, почему мне должно по освидетельствовании сообщить также и думе, сообразно ли с планом и фасадом означенные

лавки построены или должны быть в чем-либо исправлены.

Во исполнение сего приказанья имею честь донести Вашему превосходительству, что освидетельствование учинили в присутствии господина нерехтского городничего, главы городской думы и ратмана, и оказалось, что оные построенные ни с чем не сообразно. От плану и фасаду сделаны большие отсут-

которые при сем рапорте имею честь представить.

Костромской губернский архитектор Фурсов».³

29 июня 1824 года губернатор предписывает «найденные по замечанию архитектора непрочности [...] тотчас [...] привести в надлежащее устройство». На что Нерехтская дума пишет, что денег на исправление нет.

23 мая 1825 года Нерехтская дума сообщает в письме на имя губернатора, что гостиница двор «находится совершенно в таком положении, как Ваше превосходительство изволили видеть в 1823 году. Все стены покололись и, по-видимому, угрожают падением».

Итак, «исправить тотчас непрочности» никто не спешил, и через год положение усугубилось: покололись уже все стены и даже угрожают падением.

Далее в деле была переписка о том, что в разрушении рядов виноват бывший нерехтский глава Полубенин и бывшие члены думы. Смотрителем постройки был родной брат Полубенина. Полубенин просит освободить его от ответственности, так как это грозит разорением. Он утверждает, что разрушения произошли от дождей, от того, что здание стояло без присмотра.

4 июня дума вновь испрашивает разрешения губернатора о понуждении бывшего главы Полубенина и гласного Пастухова к перестройке лавок.

30 июля 1827 года городничий еще раз донес губернатору: «Полубенин и прочие, доколе об нем в Костромской палате уголовного суда не окончится следствие, приступать к общей перестройке гостиницы двора не может».

ления и потерян весь размер и правильность архитектуры как по горизонтальному, так и по вертикальным плоскостям, и самая прочность такого здания вовсе не соблюдена, ибо средний фронтон дал большие трещины и угрожает падением, равно и колоннада по сторонам на легке складена и низко поставлена. Почему имею честь представить на благорасмотрение Вашего превосходительства, что по моему знанию нашел, что оно здание лицевые стены должно разобрать по цоколю, также и две с каждой стороны простенка, и следовать производством работ в точности утвержденному Вашим превосходительством плану и фасаду,

Из донесения губернатору от Нерехтской думы о причинах незавершенности строительства каменных лавок гостиного двора

28 июля 1835 года

«Строился с 1823 года в гостинном дворе [...] и построены были семь лавок. По предписанию губернатора были тогда же освидетельствованы архитектором. Было решение губернатора, «чтоб дума поправку строящихся лавок произвела на шест тех, [...] от нестроения коих произошла помянутая неисправность», то есть градского головы Петра Полубенина и гласного Пастухова.

После тяжбы, отказа, просьбы, в которой было отказано, в 1827 году перестройка была произведена. В губернское правление просили откомандировать архитектора вновь 16 июня 1828 года, 31 января, 11 апреля и 8 августа 1831 года.

8 января 1832 года губернское правление дало знать, что губернскому архитектору Фурсову «о приведении в исполнение предписания того правления строжайше подтверждено и с наложением за медлительность чувствительной пени в первый раз 20, а последний – 30 рублей».

В 1833 году лавки все же были освидетельствованы архитектором Уткиным. Признаны прочными и соответствующими проекту. На заднем фасаде трещины признаны неопасными. Но лавки стоят без крыши и еще не... И что же еще не сделано? Вероятно, отделка помещений. И вся эта канитель еще длилась до 1835 года.

Неслучайно на освидетельствование прибыл архитектор Уткин. Фурсов к 1832 году уже был отстранен от занимаемой должности губернского архитектора. Не сложились у него отношения с новым губернатором. Объем работ как в самом губернском городе, так и в уездных столицах возрастал, а на все просьбы Фурсова об увеличении штата чертежников, даже привлечении вне штата по договорам,

губернатор отвечал отказом. И как следствие очень русский вариант разрешения всех проблем – провинциальный гений зодчества записал, перестал являться на службу, игнорировал разные предписания и ордера губернатора.

И все-таки только ли запой мешал Фурсову съездить в Нерехту для освидетельствования перестроенных рядов? Уткин хоть и признал новую постройку прочной, но оговорился о трещинах на стене заднего фасада. Фурсов мог знать о качестве строительства. В 1829 году он делал проект перестройки сооруженной еще в 1761 году полотняной фабрики под присутственные места и место жительства нерехтского городничего. Для этого он, наверняка, не раз выезжал в Нерехту. При его принципиальности он мог еще раз написать неудовлетворительный рапорт, а это было чревато непредсказуемыми последствиями. Не исключены прямые угрозы в его адрес со стороны исполнителей перестройки. Я не утверждаю, а лишь предполагаю, так как только серьезность мотива могла заставить не очень состоятельного архитектора пойти на потери 50 рублей в виде «чувствительной пени». Не в эти ли годы родилась нерехтская поговорка «Не бойся воров, а бойся каменных домов»?

Непокорного зодчего уволили, назначив на его место архитектор Уткин в 1836 году был переведен в Псков, и вакантную должность губернского архитектора занял М.М.Праве, с чьим именем связано проектирование и строительство Дома дворянского собрания в Костроме.

И все-таки проблемы штатов в ведомстве губернского архитектора стояли весьма остро не только в Костроме. Это вынудило правительство принять решение об открытии губернских строительных комиссий. В Костроме она открылась в 1833 году. В ее ведение передавались все губернские гражданские сооружения: казенные и обществен-

ные, в нее же были переданы от губернского архитектора все планы, фасады, сметы. Вероятно, тогда оказались потерянными многие проекты общественных зданий.

Подведем итог этого исследования: установлено, что автор проекта гостиного двора губернский архитектор Н.Метлин, дата утверждения проекта – 1820 год, строительство затянулось из-за плохого качества работ до 1836 года. П.И. Фурсов не был автором проекта, он лишь как губернский архитектор освидетельствовал качество строительных работ и соответствие их утвержденному проекту и этим инициировал перестройку рядов.

Губернское правление поддержало вывод П.И.Фурсова и с настойчивостью добивалось того, чтобы виновники «нестроения» произвели исправления за свой счет.

Здание перестроили, и оно стоит, украшая город, хотя с заднего фасада по-прежнему видны следы трещин и разных этапов строительства.

В архиве сохранился проект новых деревянных лавок, которые, очевидно, должны были заменить изветшавшие. Они по внешнему виду напоминают каменные, с такой же галереей и колоннадой тосканского ордера, только вместо двускатной крыши один скат с понижением на задний фасад. Когда исчезли все деревянные лавки торгового здания, постепенно, с исчезновением частной торговли и ярмарок. Приезжего в Нерехте изумляет торговля молочными продуктами и огородной мелочью около торговых рядов прямо на земле. Может, стоит вновь рассмотреть старый план размещения торговых мест и по этому плану сзади каменных рядов устроить прилавки с навесами для летней торговли?

Примечания

¹ ГАКО, ф.133, оп.2, д. 6631, л.4.

² Там же, оп. 6, д.11033, л.1.

³ Там же, л.4.

Почти 70 лет назад, в 20-ю годовщину Октябрьской революции, в Москве над башнями Кремля впервые загорелись рубиновые звезды. До лета 1935 года кремлевские башни были увенчаны двуглавыми орлами, орлов заменили звезды, отлитые из металла. В центре каждой звезды находились выложенные из драгоценных камней серп и молот, сверкавшие в лучах направленных на них прожекторов.

чайно тщательно и быстро выполнил все работы, связанные с устройством саркофага. В этой работе тов. Курочкин проявил много изобретательности, избавив нас от консультаций иностранных специалистов. За эту работу, выполненную весьма удачно и безвозмездно, тов. Курочкин получил благодарность Президиума ЦИК СССР...»¹.

В 1925–1926 годах по личной инициативе Курочкина им были изготов-

Татьяна Карпова

ка приобрели в годы Великой Отечественной войны. Было налажено массовое производство изобретенных им в 1920-е годы стеклянных параболических отражателей, необходимых для Красной армии. В условиях войны спешным порядком для этого были созданы производственная база и оборудование⁴.

Самородок (Курочкин Никанор Илларионович)

Над созданием звезд из стекла рубинового цвета трудился большой коллектив, состоявший из художников, конструкторов, инженеров, металлургов, электриков и светотехников. Главным стеклошлифом был назначен Никанор Илларионович Курочкин.

Людьми, причастными к стеклольному делу, слагались легенды о его удивительном таланте и необыкновенном мастерстве. Будучи изобретателем-самоучкой, Никанор Илларионович, благодаря своему пылкому уму и природному дару, познал «душу стекла».

Курочкин родился 120 лет назад, в 1887 году, в деревне Гусево Галичского уезда Костромской губернии в многодетной семье крестьянина-бедняка. Окончил 4 класса сельской школы. В 1905 году 18-летним юношей поступил на работу в Миусский трамвайный парк гор. Москвы, вставая стекла в трамвайных вагонах. Уже тогда, с разрешения администрации парка, начал проводить самостоятельные опыты по гнанию стекла, придавая ему нужную форму.

К 20-м годам Курочкин прослыл крупным специалистом в области стеклольного дела и выполнял специальные работы по личному указанию Ф.Э. Дзержинского.

Летом 1924 года Никанор Илларионович был привлечен к выполнению особо важной работы по изготовлению саркофага В.И. Ленина. Как свидетельствовал заслуженный деятель науки, профессор Борис Ильич Збарский, «Курочкин чрезвы-

чайно первые в СССР образцы стеклянных параболических отражателей диаметром 60 и 150 см для отечественных прожекторов.

В 1928 году Никанор Илларионович поступил на 4-й механический завод НКВД мастером по гнанию стекла. Позднее завод перешел в ведение управления госцирками и стал называться фабрикой светозеркальной аппаратуры. Трудясь на фабрике, Курочкин не только налазил выпуск гнутых стекол для нужд госцирков, но и разработал совершенно новую технологию гнута стекла, в корне отличавшуюся от старой, добился полного обновления оборудования. В 1937 году было решено импортные посадочные фары для самолетов заменить отечественными. К этой работе в качестве технического руководителя был привлечен Курочкин и, как всегда, выполнил ее блестяще².

В 1938 году в гастрономе №1 столицы были установлены изготовленные под руководством Курочкина гнутые стекла для прилавков, простоявшие вплоть до капитального ремонта магазина, который проводился в 1940 году.

Руководство магазина отмечало, что стекла эти никогда не трескались, за исключением случаев «сильного удара со стороны покупателя каким-нибудь твердым предметом»³.

Производственную и изобретательскую деятельность Курочкин сочетал с работами по реставрации Кремля.

Особую востребованность уникальные изобретения нашего земля-

При непосредственном участии Курочкина было налажено изготовление стекол для полетных очков летчиков.

Ему принадлежит авторство множества изобретений в области изготовления гнутого стекла: стекла для светокопировальных аппаратов, гнутые стекла для самолетов, речных и морских судов, автомобилей¹.

К Никанору Илларионовичу, человеку с «низшим» образованием, обращались за советом и консультациями крупные инженеры, специалисты по стеклу, имеющие высокие научные степени и звания.

В 1949 году, после смерти руководителя БНР Георгия Димитрова, Курочкин в составе группы советских специалистов был командирован в Болгарию, где принял деятельное участие в постройке и оснащении мавзолея Георгия Димитрова в Софии, за что Президиум Великого народного собрания Болгарии наградил его «Серебряным орденом Труда».

Удостоился Курочкин и высоких наград Родины – в 1951 году ему была присуждена Сталинская премия. Он кавалер ордена Трудового Красного Знамени⁴.

Скончался Никанор Илларионович 3 сентября 1967 года на 81 году жизни.

Примечания:

¹ ГУ «ТАИНИКО», ф. Р-3215, он. 2, а. 269, а. 5.

² Там же, а. 2.

³ Там же, а. 4.

⁴ Там же, а. 6.

⁵ Там же, а. 328, а. 56.

⁶ Там же, а. 54.

Труды В.И. Смирнова и изучение крестьянства Костромской губернии

(историографический аспект)

Н.П. Шлеин. Портрет В.И. Смирнова. 1923 г.

Виктор Николаевич Бочков был первым костромским краеведом, который опубликовал биографический очерк В.И. Смирнова¹, и это освобождает от обязанности излагать основные вехи жизни учредителя, ответственного секретаря и председателя Костромского научного общества. Благодаря этому появляется возможность подробнее рассмотреть роль В.И. Смирнова в изучении крестьянства Костромской губернии, встреть его в историографический ряд.

Для начала нужно сказать несколько слов о предшественниках Василия Ивановича Смирнова.

Информация о костромских крестьянах встречается в трудах исследователей XVIII–XIX веков. Но крестьянство не являлось предме-

том исследования этих авторов, поэтому в работах были лишь отрывочные сведения о костромских земляделах.

Историк XVIII века Н. С. Сумароков специально историей крестьянства не занимался, но в его труде «История о первоначалии и происшествиях города Костромы до учреждения наместничества, сочиненная тогда костромского дворянина предводителем секунд-майором Николаем Сумароковым»² встречаются сведения о жизни костромских крестьян. Импульсом к началу его исследовательской работы стали знаменитые анкеты Императорской Академии наук, а они предполагали комплексное «топографическое» описание территории³, включая и труд земледельцев.

Информация о крестьянах в труде Н.С. Сумарокова носит справочный характер, она служит предисловием к основной части его работы, в которой описывается история города Костромы, а потому из крестьян отдельно упоминается лишь Иван Сусанин, «жизнь свою за царя положивший».

Также можно отметить исследование другого историка XVIII века И.К. Васькова. В своей работе «Описание Костромского намест-

ничества вообще»⁴ (1780-е гг.), также созданной по материалам ответов на очередную «топографическую» анкету, он подробно изучил и описал площадь, географические особенности, число селений, ярмарки, занятия местных жителей и т.д. по каждому уезду Костромского наместничества.

И.К. Васьков, как и Н.С. Сумароков, описывает особенности земледелия костромских крестьян, этапы хозяйственной деятельности как в отношении культур, так и технических культур – льна, хмеля⁵. И.К. Васьковым была зафиксирована такая особенность костромских крестьян, как занятие ткацким промыслом.

С 80-х годов XVIII века в Костроме выдвинулся очаг местных любительских исторических занятий, связанный с *духовенством*⁶. Ярким представителем исследователей духовного звания являлся Михаил Яковлевич Диев. В своей работе «Город Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX века» он написал историю города Нерехты и близлежащих населенных пунктов. Его интересовали занимательные факты из истории города, люди, связанные с Нерехтой, и особенно, так как М.Я. Диев был сельским священником, история церквей Нерехтского края.

Исследование было построено по хронологическому принципу. Из него можно почерпнуть и некоторые факты из жизни сельского населения окрестностей Нерехты, тесно связанной в ту пору с жизнью города. Автор писал о неурожайных годах и событиях, связанных с неурожаем, и о ценах на хлеб. Были упомянуты М.Я. Диевым одежда крестьян и их образ жизни⁷. Этнографические наблюдения М.Я. Диева нашли отражение в его переписке с профессором Императорского Московского университета И.М. Сне-

гиревым, опубликованной в конце XIX столетия.

В первой половине XIX века *военным ведомством* России были осуществлены два крупных статистических проекта по описанию империи. Первоначальной целью было исследование губерний с точки зрения военных нужд. Однако довольно скоро исследовательский интерес преодолел ведомственные границы, ставя все новые и новые вопросы. В 1848 году вышло статистическое обозрение Костромской губернии, написанное А.П.Воронцовым-Вельяминовым⁸. Незадолго до создания этого труда он проводил топографическую съемку губернии. Им были изучены природно-географические, климатические, демографические особенности губернии, состояние дорог, промышленности, торговли, а также «образованность» населения.

Говоря об отходниках Костромской губернии, А.П.Воронцов-Вельяминов сообщает об их количестве, о профессиях и об узздах, составляющих отходников. Не остались без внимания автора лесные и фабричные промыслы⁹.

О земледелии в Костромской губернии из статистического обозрения становится известно, что системой землепользования было трехполье. Земледелие требовало большого труда от крестьян. Урожай за редким исключением были невелики, так как почвы губернии были не самого лучшего качества, а скотоводство оставалось на низком уровне. А.П. Воронцов-Вельяминов сообщал о зерновых и технических культурах, выращиваемых крестьянами, об урожаях, об орудиях труда.

Отдельно в статистическом обозрении даются сведения об огородничестве и садоводстве, луговодстве, скотоводстве и лесоводстве.

Второе статистическое исследование для Генерального штаба

В.И. Смирнов у себя дома в Костроме. 1929 г.

было проведено в конце 1850-х годов Я.С.Крживоблоцким¹⁰. Его работа во многом похожа на работу А.П. Воронцова-Вельяминова: даны статистические сведения о географии, жителях, промышленности губернии, об образованности. Но исследование Я.С. Крживоблоцкого более детальное, более широкое, чем у А.П. Воронцова-Вельяминова, информации о сель-

ских жителях больше, она более разнообразна.

Кроме того, в работе Я.С. Крживоблоцкого появилось этнографическое исследование крестьян. Отдельная глава посвящена быту сельского населения, опубликованы сведения о приметах, касающихся погоды и народного календаря. Крестьянство стало изучаться более детально, в том числе в

поле зрения исследователей оказалась и духовная культура сельского населения.

Не только военные, но и гражданские учреждения проводили статистические исследования губернии. С 1838 года в Костроме начал свою работу по сбору количественной информации *губернский статистический комитет*. Изданием, где публиковались труды комитета, были «Материалы для статистики Костромской губернии» под редакцией В.Г. Пирогова (1870–1891 гг.). Так, в одном из этих выпусков в 1891 году выходит работа Д.Н. Жбанкова «Бабыя сторона»¹¹, в которой описывается влияние отхожих промыслов в Солигаличском и Чухломском уездах Костромской губернии на жизнь крестьян.

Проведение статистических исследований земскими учреждениями чаще всего обуславливалось двумя практическими потребностями земского хозяйства: необходимостью иметь материалы для правильной раскладки земских повинностей и необходимостью иметь сведения о продовольственных нуждах населения. Иногда земская статистика возникала и по другим поводам, например, вследствие потребности в сведениях, относящихся к народному образованию, народному здравью, к местной промышленности, торговле и др. В значительном большинстве случаев работы особых земских статистических учреждений относились к изображению хозяйственного быта. Одной из таких работ является исследование А.А. Тилло «Отхожие и кустарные промыслы Костромской губернии»¹².

Важным событием в изучении крестьянства стало создание в 1885 году в *Костромской губернской ученой архивной комиссии*. Первоначальной целью ГУАК было спасение памятников письменности, впоследствии члены комиссии распространили свое внимание на все прочие предметы старины. Эта

организация стала первой, чьи труды были специально посвящены этнографии сельского населения Костромской губернии. В 1899 году Костромская губернская ученая архивная комиссия провела исследование по этнографии. Результаты работы были проанализированы В. А. Андрониковым в докладе «О материалах по этнографии Костромского края, собранной местной ученой архивной комиссией (Живая старина в Костромской губернии)»¹³ и опубликованы.

Вспомнив предшественников, теперь остановимся более подробно на роли этнологической станции КНОИМК и роли В.И. Смирнова в изучении костромского крестьянства. КНОИМК было создано 5 мая 1912 года для изучения истории, экономики, этнографии, природных условий Костромского края.

В 1922 году по инициативе председателя КНОИМК В.И. Смирнова при обществе была создана этнологическая станция, которая велла работу сразу в нескольких направлениях – антропологическом, этнологическом, этнолингвистическом и археологическом.

Цель, которую поставил перед собой В.И.Смирнов, когда стал изучать этнологию Костромского края, была сформулирована в XXXIII выпуске «Трудов Костромского научного общества по изучению местного края» в статье «Из вопросов и фактов этнологии Костромского края».

В.И. Смирнов писал, что население Костромского края почти все великорусское, но при этом неоднородно и пестро в этнологическом плане. Жители костромских селений различаются по условиям жизни, по физическому типу, по говору, понятиям и обычаям. Эти различия объясняются не только природными условиями, но и степенью влияния древнего местного населения на колонизаторов-славян. Именно поэтому, считал В.И. Смирнов, «ре-

шение вопроса о том, кто населял Костромской край до прибытия сюда славян, имеет чрезвычайно существенное значение не только в научном отношении, но, в конечном счете, и в отношении хозяйственном»¹⁴.

В.И. Смирнов отмечал, что, изучив материальный и духовный быт населения края, можно выяснить этнический состав населения, взаимоотношения отдельных групп и экономическое его положение. Чтобы это сделать, нужно было обратиться к материалам этнографического характера, которые к тому времени, как писал В.И. Смирнов, были еще недостаточно собраны или недостаточно изучены¹⁵.

Так как письменные источники не отражали дославянскую историю края, то В.И. Смирнов предлагал: «Для выяснения вопросов местной доисторической этнографии ... прибегать к другим источникам – 1) к данным доисторической археологии, 2) к лингвистическому анализу хорографической номенклатуры края – к географическим названиям населенных мест, рек, гор и урочищ, 3) к диалектологии края и 4) к антропологическим данным и т.д.»¹⁶.

То, что для выяснения генезиса населения Костромского края В.И. Смирнов изучал именно крестьян, неудивительно. Крестьяне оставались самой консервативной и статичной частью населения, медленно реагирующей на влияния извне. Да, крестьянство постепенно менялось в XX веке под влиянием событий, происшедших в это время в России, но в своем образе жизни, в быту, верованиях оно еще сохранило черты, присущие ему на протяжении многих веков.

Часть трудов В.И. Смирнова была посвящена быту крестьян.

В 1915 году выходит работа В.И. Смирнова «Крестьянская изба и её резные украшения в Макарьевском уезде Костромской губернии»¹⁷. В исследовании даны сведения об основных элементах избы, о

функциях, ими выполняемых, дано описание рельефной и сквозной резьбы, украшающей жилище. Описывая крестьянский дом, автор старается также воспроизвести название частей избы в различных волостях Макарьевского уезда. Так, например, пишет В.И. Смирнов: «Чердак называется «потолком», «на потолок» – значит – на чердак (с. Ил.-Заборское). В других местах он называется «сушила», «подволока» (Ловыгинская волость)»¹⁸. Изучая крестьянские дома, В.И. Смирнов приходит к выводу, что старые деревянные постройки постепенно вытесняются современными городскими. На этот процесс влияют два фактора: близость к городу и отход крестьян.

Еще одна работа В.И. Смирнова, в которой дается описание жилища в Костромском крае, называется «Свайные постройки Костромского района (По материалам обследования 1926 г.)»¹⁹. Автор исследует необычную архитектуру в селени-

ях междуречья Волги и Костромы. Крестьяне в этих местах были вынуждены строить свои дома и хозяйственные постройки на сваях, так как весенние разливы рек затопляли деревни.

Из исследований В.И. Смирнова становится известно о хозяйственной деятельности крестьян. О земледелии говорится в статье «Население Костромского края в прошлом и настоящем»²⁰. О промыслах можно многое выяснить из рукописи «От Молвитина до Буя»²¹. При этом автор считал, «чтобы правильно описать какой-нибудь промысел, необходимо самому выучиться этому производству, так как во всяком деле, даже в плетении лаптей, есть своя суть дела, которую сразу не схватишь»²².

Им были изучены крестьянские средства передвижения, он утверждал, что «при бездорожье и больших расстояниях этот вопрос имеет не только этнографический интерес, но и хозяйственно-экономический»²³.

Кроме быта, в трудах В.И. Смирнова освещены также элементы общественного сознания крестьянства.

Одной из черт, присущих крестьянам, был фатализм. Об этом В.И. Смирнов пишет в статье «Народные гадания в Костромском крае (очерк и тексты)»²⁴. Крестьяне не могли полностью осознать сложный комплекс причинно-следственных связей, что, как считал автор, «повлияло на выработку одной существенной черты народного мирозерцания – на выработку фаталистического взгляда: каждому в жизни предопределена своя доля». Люди, стремясь раскрыть будущее и уяснить непонятные явления жизни, создали новый ряд примет, истолковав которые, можно было узнать свою долю – это гадание»²⁵. В.И. Смирнов предполагал, что приметы и гадания прекрасно характеризуют создавший их народ²⁶. Именно поэтому он так глубоко исследовал этот вопрос.

Сотрудники этнологической станции за работой: Л.С. Китицина, В.И. Смирнов, Е.М. Полянская. 1926 г.

В статье «Клады, паны и разбойники»²⁷ В.И. Смирнов говорит об исторической памяти крестьянства. «В Костромском крае, где помнят еще времена татарских набегов, о каких-то панах, о литовских людях, бродивших здесь, об удалых шайках разбойников, в его дремучих лесах и на могучих реках создались или принесенные из других мест росли и окрепли многочисленные поэтические легенды о скрытых в те времена в земле кладах, заклятых страданиями заклятиями»²⁸.

Об отношении крестьян к смерти можно узнать из работы Василия Ивановича Смирнова «Народные похороны и причитания в Костромском крае»²⁹. В работе описан общий порядок похоронного обряда. Автор был собраны народные приметы близкой смерти. Толкование снов, предвещавших смерть, предсмертные обычаи, обряды во время похорон и по проществу времени. В работе собраны причитания по умершим.

Интересно описывал В.И. Смирнов воспроизведение в крестьянской среде мифов и легенд. Он считал, что «у народной памяти есть замечательное это свойство твердо хранить приемы эпического склада, и у нее всегда имеется богатый запас готовых выражений и сюжетов, и в эти готовые рамки легко уже потом укладывается неустанно творимое фантазией сказание, нередко дающее объяснение новым явлениям жизни»³⁰. Именно так в 1920-е годы появляется легенда о коммунисте-иконоборце, у которого родился черт, когда на старую основу легенды легли элементы современной жизни³¹.

В статье «Этнографические заметки и записки»³² В.И. Смирнов рассуждает о методах работы этнографа с легендами. Этнограф должен подходить к легенде «как естественный наблюдатель, вскрывающий своим скальпелем цветок или другое произведение природы, он отыскивает в художественном народном произведении более простые элементы народного творче-

ства, выясняет их происхождение и постепенные наслонения»³³.

Представляет интерес работа В.И. Смирнова «Отношение деревни к войне: по данным анкеты Костромского научного общества по изучению местного края»³⁴, в ней отражены понимание крестьянами причин войны, активизация общественной жизни и надежды крестьян на будущее.

Во всех своих работах В.И. Смирнов старался точно передать говор и терминологию, использовавшуюся крестьянами в разных местностях Костромского края, записывал слова песен, примет, гаданий, крестьянских выражений.

В заключение можно сказать, что в работах В.И. Смирнова впервые в костромской историографии изучались разные аспекты жизни костромских крестьян (хозяйства, быт, жизненный круг, фольклор, верования, обряды, гадания и многое другое) в их органической взаимосвязи. Детально изучая население, описывая его быт, В.И. Смирнов хотел выяснить «генезис населения, историю того, как и из каких элементов складывался человек Костромского края»³⁵.

Работа В.И. Смирнова была трагически прервана. В 1930 году он был арестован и сослан в Архангельск. После ареста В.И. Смирнова и ликвидации КНОИМК в Костромском крае не было организации, которая бы работала так разносторонне и плодотворно в деле изучения этнологии сельского населения.

Примечания

¹ Бочков В. Подвижники Костромского краеведения // Второе свидание. - Ярославль, 1974. - С. 42-61.

² Судариков Н.С. История и персонажица и о прощественных города Костромы до учреждения министерства Рухольск. Кон. XVIII в. // Российский государственный архив древних актов Ф. 196. Магурин № 1639.

³ См.: Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография XVIII века // РАН, Археологическая комиссия. - М., 1998. - С. 52-57.

⁴ Васюков И. К. Описание Костромского наместничества вообще. СПб. Физкал ИРИ РАН, архив. Собрание рукописных книг ЛОИИ. №603. - С. 34.

⁵ Там же, с. 41-74.

⁶ Севастьянова, А.А. Указ. соч. - С. 171.

⁷ Днев М.Г. Нерета в XVIII и в первой четверти XIX века. - Кострома, 1920. (Отт. от: Труды КНОИМК. - Вып. 13). - С. (63).

⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. - Т. IV. - Часть 3: Костромская губерния // [Сост. Воронцов-Вельяминов]. - СПб.: в тип. Департамента Генерального штаба, 1848.

⁹ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. - Т. IV. - Часть 3: Костромская губерния // [Сост. Воронцов-Вельяминов]. - СПб.: в тип. Департамента Генерального штаба, 1848. - С. 84.

¹⁰ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. - Т. XXIX. Костромская губерния // [Сост. Крайноблочкин]. - СПб.: тип. Н. Туболева, 1861.

¹¹ Жбанков Д.Н. Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк // Материалы для статистики Костромской губернии. Под ред. В.П. Пирогова. Вып. 8. - Кострома, 1891.

¹² Талло А.А. Отмокине и кустарные промыслы Костромской губернии. - СПб., 1883.

¹³ Андронов В.А. О материалах по этнографии Костромского края, собранных местной южной архивной комиссией (Живая старина в Костромской губернии). - М., 1902.

¹⁴ Смирнов В.И. Из вопросов и фактов этнологии Костромского края // Труды КНОИМК. - Вып. XXXIII. - Кострома, 1924. - С. 1.

¹⁵ Там же, с. 22.

¹⁶ Там же, с. 1.

¹⁷ Смирнов В. Крестьянская изба и ее резные украшения в Макарьевском уезде Костромской губернии // Труды КНОИМК. - Вып. 3. - Кострома: Электронпечатня М.Ф. Риттера, 1915.

¹⁸ Там же, с. 174.

¹⁹ Смирнов В.И. Славные постройки Костромского района (По материалам обследования 1926 г.) // Советская этнография. - 1940. - Вып. IV. - С. 149-167.

²⁰ Смирнов В.И. Население Костромского края в прошлом и настоящем. - Кострома, 1926.

²¹ Смирнов В.И. От Молчитина до Буя (Из записной книжки краеведа) // Рукописи, 1928.

²² Там же, с. 7(44).

²³ Смирнов В.И. Население Костромского края в прошлом и настоящем. - Кострома, 1926. - С. 83.

²⁴ Смирнов В.И. Народные гадания в Костромском крае (очерк и тексты) // Труды КНОИМК. - Вып. XLI. - Кострома, 1927.

²⁵ Смирнов В.И. Народные гадания в Костромском крае (очерк и тексты) // Труды КНОИМК. - Вып. XLI. - Кострома, 1927. - С. 1.

²⁶ Там же, с. 1.

²⁷ Смирнов В.И. Клады, паны и разбойники (Этнографические очерки Костромского края) - Кострома, 1921.

²⁸ Там же, с. 1.

²⁹ Смирнов В.И. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды КНОИМК. - Вып. XV. - Кострома, 1920.

³⁰ Смирнов В.И. Этнографические заметки и записки // Труды КНОИМК. - Вып. XXIX. - Кострома, 1923. - С. 5.

³¹ Там же, с. 8.

³² Смирнов В.И. Потоушские колокола. Чорт родился. Этнографические заметки и записки // Труды КНОИМК. - Вып. XXIX. - Кострома, 1923.

³³ Там же, с. 1.

³⁴ Смирнов В.И. Отношение деревни к войне: по данным анкеты Костромского научного общества по изучению местного края // Труды КНОИМК. - Вып. V. - Кострома, 1916.

³⁵ Смирнов В.И. Из вопросов и фактов этнологии Костромского края // Труды КНОИМК. - Вып. XXXIII. - Кострома, 1924. - С. 28.

Конференция

С.В. Рябинцев, сотрудник Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Т.М. Карпова,
начальник отдела научного использования и
публикаций документов ГУ «ГАНИКО»

Г.Н. Маслова,
председатель Историко-родословного Григоровского
общества (г. Кострома)

Григоровы Александра Митрофановна
и Татьяна Ивановна. Нач. XX в.
(к статье "Два краеведа")

Конференция

Н.Ф. Басова, зав. сектором
краеведческой литературы
Костромской областной универсальной
научной библиотеки им. Н.К. Крупской

Чертеж торговой площади г. Нерехты, 1848 г.
(к статье С. Катковой)

Гостиница «Москва», ул. Павловская (ныне пр. Мира)

Н.А. Дружнева,
зам. директора архива по основной деятельности

ДВА КРАЕВЕДА

А.М. Григорова (воспоминания о А.Н. Григорове)

А.Н. Григоров. Фото с портрета XIX в.

Виктор Николаевич Бочков и Александр Александрович Григоров стали сотрудничать, изучая усадьбу А.Н. Островского Щельково и родословие Островских. В результате этой работы родилась книга «Вокруг Щелькова». Для Григорова это был первый сорпар в 200 рублей, и на семейном совете было решено потратить деньги на приобретение печатной машинки.

Два краеведа часто общались по телефону, и дочь Григорова Люба однажды, подойдя к телефону, сказала: «Папа, тебя бабушка спрашивает». С тех пор за Бочковым закрепилось прозвище Бабушка. Часто Григоров говорил: «Сегодня мне Бабушка звонила». Это была своеобразная традиция и привычка Александра Александровича

вича – давать милые семейные прозвища родным, друзьям, знакомым: Владимир Соболев – Соленька, Елена Сапрыгина – Алёна.

Когда деда не стало, я частенько звонила Виктору Николаевичу. Он много и с удовольствием помогал мне в краеведческих поисках, никогда не отказывал. Эта доброжелательность подвигла меня к занятиям краеведением, генеалогией, своим родословием.

Недавно я нашла воспоминания, напечатанные на пишущей машинке Еленой Митрофановной Григоровой (1879–1972 гг.). Интересно, что, опасаясь репрессий, воспоминания она оформила в виде сочинения, без указания имён, дат и даже города.

Сопоставив известные мне факты, я сделала вывод, что это воспоминания Александры Митрофановны Григоровой об Александре Николаевиче Григорове. Помогло мне и то, что я помнила разговор деда и Ольги Митрофановны Григоровой о том, что у Митрофана Александровича были кудрявые волосы, но они пришли к выводу, что это воспоминания об Александре Николаевиче, так как их бабушка Анна Николаевна могла катать своих дочерей по паркету на ильефе платья в доме, где жила семья Александра Николаевича. Этот дом находится на Сушинской площади, между улицей Ленина и проспектом Мира.

Вот эти воспоминания.

Галина Маслова-Григорова

«Какое время приходится переживать. У меня все утрачено, святыни поруганы, родина опозорена, растерзана, вся залита кровью, родное гнездо разорено и отнято, я лишилась родных, друзей, все ушедшие терпят страдания и лишения, как бурей, разметанные по всем концам России, я не имею средств к жизни, никакого заработка, здоровье начало изменять, я всего лишена, во всем разочарована. Казалось бы, как легко теперь умереть, ничем не связанной свободно перейти в иной мир, где нет болезни и печали. А между тем по-прежнему велик страх смерти и крепка сила жизни, а т.к. в будущем нет надежд, то сердце льнёт к прошедшему и в воспоминаниях ищет отрады, хотя с ними неразлучна горечь утраты и невозможности поправить ошибки и заглянуть вину. Только детство сияет, как безоблачное летнее утро, и к нему все чаще переносится мысль, ища забвения от горькой действительности. Найдя приют в одной из родственных семей, тесной и обездоленной, упорным трудом добывающей себе пропитание, томясь сознанием своей бесполезности и тяжелым вынужденным досугом, я попытаюсь занять себя своими воспоминаниями, хотя сознаю, что более верный путь –

А.М. Григорова с дочерью Александрой. 1868 г.

это старание отрешиться от всего земного и все сосредоточить на стремлении к вечному и неотъемлемому.

Минувшее не миновалося,
Во глубине души осталось
Оно сокровищем святым.

О милое воспоминание
О том, чего уж больше нет,
О дума сердца – упование
На лучший неизменный свет.
Блажен, кто вас среди губящего
Волненья жизни сохранил
И с вами низость настоящего
И пренебрег, и позабыл.

Образы прошлого возникают и теснятся в душе, так что трудно остановить и запечатлеть их. Бесперывно, как зарницы в темном небе, вспыхивают предо мною отражения минувшей жизни, то юности, то детства, то зрелых лет и сладкой болью отдаются в сердце. С чего начать? С пяти лет я помню уже все связано и последовательно, до тех пор память сохранила несколько коротких отрывков.

Смутно представляются мне высокие красивые комнаты нашего городского дома, большая лестница, уголок сада, куда меня проносили на руках мимо злой цепной собаки Амура. Вспоминается, может быть, больше по рассказам, как мама сажала нас поочередно на шлейф своего платья и так катала по паркету в зале. Но очень ясно представляются мне наши утренние посещения дедушки. Только что проснувшись, ещё в халатиках, мы отправлялись здороваться с дедушкой в его кабинет. Он ещё не вставал с постели. Я вижу его красивую голову с седыми кудрями и добрым, ласковым выражением лица. В ногах его большой кровати стоит худой человек в зеленом спортуке и желтых панталонах, а подле него небольшая собака. Эта собака умеет делать фокусы. Ей говорят: «Мальчик, умри», и она падает на пол, лежит без движения, пока ей не прикажут встать. Мы в восторге от этого представления. Дедушка,

поздоровавшись с нами, приказывает подать высокую жестянку с монпансье и, несмотря на ранний час, оделяет нас лакомством, и мы весело бежим назад в детскую.

Другое моё воспоминание о дедушке. Он лежит среди ярко освещенной, наполненной народом комнаты. Глаза его закрыты, он покрыт великолепным сверкающим покровом, меня прельщает эта красота, и я говорю: «Какое у дедушки красивое одеяльце, вот бы мне такое». Потом я ухожу в другие комнаты, везде встречаю черные пла-

ту другого замечательного краеведа – В.Н. Бочкова. Истории семей костромских дворян, история города хранят ещё много увлекательного и неизведанного. И каждая, даже самая маленькая, разгаданная тайна приносит удовлетворение и радость.

Действующие лица повествования.

Александра Митрофановна Григорова (1865–1933 гг.)

Девица, сестра милосердия. В войну 1904–1905 гг. и Первую мировую работала в передовых госпиталях. Автор «Воспоминания...» в журнале «Братская помощь» за 1907–1908 гг. В 1915 году тяжело ранена в госпитале на Мазурских болотах, попав под артобстрел, после чего долго болела. После революции работала патронажной сестрой в Москве.

Елена Митрофановна Григорова (1879–1972 гг.)

Окончила гимназию С.Н. Фишер, работала учительницей в частных домах. Сохранилась её переписка с актрисой МХАТ Марией Николаевной Ермоловой, с которой она была дружна. Была дружна с отцом Павлом Флоренским, также сохранилась их переписка. Во время репрессий Флоренский прятал её у себя. Впоследствии арестована и репрессирована. До конца жизни жила в Муроме, учительствовала.

Елена Митрофановна была духовной дочерью епископа Антония Флоренцова. Воспоминания о нём и воспоминания Александры Митрофановны напечатаны на одной пишущей машинке.

Анна Николаевна Григорова, ур. Соимонова (1840–1917 гг.) – сама высокообразованная женщина, впоследствии дала образование всем своим детям.

Александр Николаевич Григоров (1799–1870 гг.) – российский просветитель, создавший в Костроме первую в России всеобщую женскую гимназию, почетный гражданин г. Костромы, записан на вечное поминовение в Богоявленском монастыре.

Е.М. Григорова. Нач. XX в.

ты и заплаканные лица и начинаю смутно понимать, что происходит что-то печальное.

Пока был жив дедушка, мы жили с ним зимой в губернском городе К., летом в именин, куда надо было ехать на пароходе и лошадах».

Зёрна любви к генеалогии и краеведению, посеянные моим дедом, дают плодотворные всходы. С теплотой я вспоминаю помощь и забо-

«Ах, королева, – игриво трещал Коровьев, – вопросы крови – самые сложные вопросы в мире! И если бы распростились...».

Распростить было некого, и я, странным образом убежденная, что к «страшной и соблазнительной психологической загадке» Розанова (прот. Г. Флоровский) следует подходить со стороны именно «этих вопросов», открыла пыльный архивный фолиант. Пастыри и герои хмуро поднимались из небытия, потревоженные человеческим любопытством, беспомощным и острым, как все живое. «Ищу Розанова!» – крикнула я. И из глухо волнующейся массы стали проступать силуэты, послышались голоса, обрывки диалогов...

«...Лета тысяча семь сот семдесят седмаго года, – выделился женский певучий голос – геваря в шесть на десяток день Галицкая помещица вдова Настасья Сергеева дочь, Секунд Маюра Афонасевна жена Леонтьева сына Шишкина и в роде своем не последняя, продала я, Настасья, маюру Ивану Сергееву сыну Жадовскому и его наследникам ... крепостных своих крестьян, дошедших мне по купчей от Галицкой помещицы маюриши Анны Леонтьевой дочери жены Жадовской...»¹.

Голос этот, однако, скоро был прерван другим, страстным и сбивчивым, и тоже женским:

«А как за ... коллежским асессором Иваном Жадовским ... находилась в замужестве и содержана была в крайнем гонении, а тем паче в тиратском мучительстве ... И как имея немалую власть, умыслил он злодейски сочинить от имени [моего], якобы продала сестре его, вдове Настасье Сергеевой дочери жене Шишкиной ... крестьян без земли на вывоз за двести Рублев, на которые ... и купчую совершил. [А я] оной вдове Шишкиной ... объявленных крестьян не продавала и देने ничего от нея не получала и руки ко оной купчей не прикладывала»².

Полотно времени развернулось, и открылась картина сельской усадьбы, утонувшей в зелени полей и лугов, воиспнесенных разливами древней Письмы. Свет полуденного солнца смягчал простоту усадебного хозяйства: деревянный с черной горнишей дом, старое сушило, хлебный амбар и закопченные баньки – все смотрелось под его лучами удивительно мило и притягательно.

Вместе с тем в усадьбе кипела жизнь, и во дворе, как раз напротив дома, производились весьма немирные действия. Немногочисленная челядь то испуганно жалась в кучку, то растерянно металась между хозяевами. Последние же враждо бранили друг друга, причем одной из них была «маюриша Анна Леонтьевна Жадовская», вторым – брат ее мужа Яков Сергеевич Жадовский,³ старый вояка и морской капитан. Раздор был следствием претензий на имение, заключавшееся в буйской усадьбе Высоково, во дворе которой, собственно, и происходил скандал.

Не выдержав накала поединка, женщина начала отступать и, наконец, совсем «пошедь со двора, приказала идти за нею для получения от нея повеления людям своим, которая за ней и пошла».

Однако «людей» этих считал «своими» и второй спорщик. Увидев маневры дамы, он «в зневе закрывая собственному своему человеку, чтоб подал ружье, которое в тот же самый час и подал ... кое ухватя, намерен был стрелять и приложив к плечу, шел с ружьем, держа оное на прикладе и взведя курок».

...Опережая события, следует сказать, что никто из участников сцены не пострадал. Ни Анна Леонтьевна, которая все пыталась вернуть принадлежавших ей крес-

тьян и часть недвижимости, перевезенной из села Митина Галицкого уезда – родового имения Сытиных. Ни, тем паче, деверь ее, сражавшийся в свое время со шведами на галерах (1747 г.) и имевший в память о военном прошлом рану, полученную в боях при Цюрндорфе. Как ни азартно направлял он ружье – о нет! не в даму – а в опущенного для краткости повествования «маюра Корина» (зятя Анны Леонтьевны)⁴ – не понес ушиба и майор Корин, не без корысти случившийся в усадьбе в этот спорный день. Менее всего событие коснулось мужа Анны Леонтьевны Ивана Сергеевича Жадовского, «злодейски умысливаго составить ложную купчую» в пользу сестры Настасьи Шишкиной – накануне родственной встречи Иван Сергеевич бранный мир оставил, и некогда любознательную сердцу буколические картины родной усадьбы более интересовали его, естественно, не могли.

Итак, никто не пострадал – злополучный курок не был спущен.

И все-таки ружье выстрелило! И выстрел попал в цель. Правда, цели бывают разные, да и стрелок, в общем-то, был совсем из другого фолианта.

У Жадовских в Галицком уезде была еще одна усадьба одноименная буйской. Род развивался, старые имения становились тесны... Весьма соблазнительно предположить, что буйское Высоково – «отпрыск» галицкой усадьбы Жадовских. Однако в документах тому достаточных подтверждений нет. И все же связь двух усадеб очевидна, как очевидна связь буйских и галицких Жадовских с родом В.В. Розанова.

В ревизской сказке 1811 года о дворовых буйской усадьбы, перешедших деду писателя Ивану Фе-

доровичу Шишкину и его сестрам³, есть две записи. Из одной следует, что «Герасимов с сыном, писанный по 5 ревизии за дедам капитаном Яковом Сергеевым сыном Жадовским, господам ... доставить после его по наследству». Из второй, что другие «дворянские люди переведены Галицкой округи из селца Высоково 1798 года, которая по 5 ревизии писаны за бабкой нашей маюшей Настасьей Сергеевой дочерью женой Шишкиной ... а нам достались по наследству».

Добавим, что еще часть именей Шишкиных – Смертно, Чумсаново Буйского уезда в середине XIX века тоже принадлежали Жадовским.

От Ивана Федоровича родилась Надежда Ивановна Шишкина⁴, мать писателя. Детство и юность она провела в высококовской усадьбе. Замуж вышла за Василия Федоровича Розанова⁵, не дворянина – муж был из духовных, и уехала в Ветлугу, где муж служил письмоводителем в местном окружном управлении. Надо полагать, родовое поприще он оставил не без влияния будущей супруги. Там, в уездной Ветлуге и суждено было родиться Василию Васильевичу Розанову – праправнуку Настасьи, Якова и Ивана Жадовских.

После ранней смерти отца и переезда семьи в Кострому «бессознательное детство» ребенка-Розанова неумолимо перешло в безотрадное. И начались «костромские дожди»...

«Это уже потом – «Суслова»,⁶ «Петербург»...

А вообще... вожденная сладость «печеного лука», делимого с голодным и беспризорным, как он сам, братом Сережей. Прощальная ласка сестры, протягивающей «ляльки, выпутый из булки».⁷ И умирающая на прогнившей соломе мать, не успевшая поднять детей. «Не сильная...».

«Мать Василия Васильевича Розанова происходила из древнего, обедневшего дворянского рода, о

чем она любила с гордостью рассказывать...» – это, пожалуй, все, что знал о своих предшественниках оторванный от родовых корней Розанов.¹⁰

– УМЕСТНО ЛИ ВСПОМНИТЬ? Много лет спустя священник Павел Флоренский¹¹ обвинял Розанова в «неприятии Голгофы»: «Не приемлет Голгофу, боится Голгофы, бежит и отводит ее от себя и других...» (неточная цитата). Но обвиняемый еще с Костромы «кое-что» знал о «Голгофе», как знал и то, что никто ее не минует и у каждого она своя. Как своя Великая Голгофа у Христа. Вечно гнуть «душу живу» в тень Великой Голгофы – «безбожно». Дайте же, наконец, набраться сил! Налюбоваться на «клеякие зеленые листочки, на пчелку, вылетающую из летка за сладкой данью своей...»

Прошли сроки, и уже в чекистских застенках о. Павел назвал Розанова самым гениальным человеком из тех, кого он знал. Протоиерей Павел Флоренский подходил «к пику своей Голгофы».

ТАК ЧТО, БИШЬ, «ВОПРОСЫ КРОВИ»?

– А есть среди хора голосов «предков» писателя один нежный, печальный и страстный голосок, настроенный на камертон Розанова. И добавить к этому более ничего, ибо их владельцы связаны тонкими, невидимыми, но неотделимыми узами – «узами крови». И потому не случайно «высокому безумству» Ю.В. Жадовской¹² –

*Безумная, я все еще его люблю!
При имени его душа моя*

*трепетает;
Тоска по-прежнему сжимает
грудь мою,
И взор горячею слезой невольно
блещет...*

конгенитально розановское, сказанное с вершины созданной им философии Любви, религии Любви, где он уже поставил свою кумирню и возжег жертвенный огонь –

*Ах, не холодеет, не холодеет еще
мир. Это – только кажется.*

Горячность – сущность его, любовь, есть сущность его. И маленький Розанов, где-то закутавшийся в его персях. И вечно сосущий из них молоко. И люблю я этот сосок мира, смуглый и благовоный, с чуть-чуть волосами вокруг. И держат мои ладони упругие груди, и далеким знанием знает Глазница мира обо мне и бережет меня.

И дает мне молоко и в нем мудрость и озонь.

Потому-то я люблю Бога.

³ Жадовская Настасья Сергеевна (? – ок. 1790) – дочь Праксавы Андреевны и (?) Жадовских, прапрабабка В.В. Розанова. Ее муж – секунд-майор Афанасий Леонтьевич Шишкин (? – ок. 1780).

⁴ Жадовский Иван Сергеевич (? – 22.08.1783) – майор; в 1777 – прокурор Вологодской провинциальной канцелярии. Брат Настасьи Сергеевны Жадовской; двоюродный прапрадед В.В. Розанова. Женат на Анне Леонтьевне, ур. Ситиной.

⁵ В документе идет речь о купчей, совершенной 14 января 1777 года.

⁶ Жадовский Яков Сергеевич (1731 – не ран. 1790) – капитан; 1847 г. – возвел со Шпешевой на галерея; 1749 – Царский полков на Рейн; 1756–1762 гг. – участвовал в Семилетней войне; ранен в сражении при Цорндорфе. Брат Настасьи Сергеевны Шишкиной и Ивана Сергеевича Жадовского. Двоюродный прапрадед В.В. Розанова.

⁷ Корин Иван Иванович – майор; Женат на Екатерине Ивановне, дочери Анны Леонтьевны и Ивана Сергеевича Жадовских.

⁸ Шишкин Иван Федорович (1798 – 03.02.1856) – подпоручик. Дея В.В. Розанова. Мария Федоровна Шишкина, Екатерина Федоровна Шишкина (в зам. Наволожкова), Наталья Федоровна Шишкина (замужем за канцеляристом Иваном Андреевичем Кадниковым) – сестры И.Ф. Шишкина и двоюродные бабки В.В. Розанова.

⁹ Шишкина Надежда Ивановна (27.07.1826 – 22.06.1870) – в зам. Розанова. Мать В.В. Розанова.

¹⁰ Розанов Василий Федорович (1819/20 – 28.02.1861) – чиновник Костромской палаты государственной черки с. Матвеева Кологривского уезда (ныне Парфеньевский район) Федора Никитича Елангина, выпускник Галицского духовного училища (1834 г.) в Костромской духовной семинарии (1840 г.). Отец В.В. Розанова.

¹¹ Суслова Аполлинария Прокофьевна – первая жена В.В. Розанова.

¹² Розанова Вера Васильевна (24.12.1848 – 1868) – сестра В. Розанова. Умерла от чумки 19-ти лет.

¹³ Из воспоминаний Т.В. Розановой, дочери В.В. Розанова.

¹⁴ Флоренский Павел Алексеевич (1882 – 1937?) – священник, ученый, друг В.В. Розанова. Растворен в 1937 г.

¹⁵ Жадовская Юлия Валерьяновна (1871 – 1883) – поэтесса. По неполно сохранившимся после пожара в архиве (1982 г.) документам степень родства В.В. Розанова и лиричнейшей из русских поэтесс XIX в. установить не удалось. Вероятно, этот вопрос можно разрешить через документы Геральдической конторы, хранящиеся в фондах РГИА (СПб). Более подробно информирована см.: Ирина Тлиф. «Корень рождения моего». – Кострома, 2005.

Нина Басова

Библиографическая деятельность В.Н. Бочкова

Общий читальный зал библиотеки им. Н.К. Крупской (3-й этаж). 1960-е годы

В Костромскую областную библиотеку имени Н.К. Крупской Виктор Николаевич пришел в октябре 1965 года на должность библиографа по общественно-политической литературе. Этот год для библиотеки был ознаменован большим событием, которого с нетерпением ждали все читатели Костромы и Костромской области: 12 сентября состоялось торжество по случаю открытия библиотеки в новом, специально выстроенном здании на улице Советской, 73. Коллектив сотрудников в те годы постоянно пополнялся молодыми специалистами – выпускниками столичных и костромских вузов, которые активно включались в работу библиотеки, привнося много нового и интересного. В библиотеке проводилось немало различных творческих встреч, вечеров, читательских конференций, диспутов, обсуждений книг, кинофильмов, театральных спектаклей и т. д.

В.Н. Бочков органично вошел в коллектив и, несмотря на то что он не отличался открытостью характе-

ра, очень скоро расположил к себе как сотрудников библиотеки, так и читателей. На любой, даже самый сложный запрос, читатели получали самую исчерпывающую информацию, а коллеги-библиотекари учились у него методологии библиографического поиска.

Должностные обязанности у Виктора Николаевича были такими: дежурства у каталогов, выполнение библиографических запросов, просмотр новых книг, журналов, распisyвание их на предмет краеведения, ведение картотеки статей, подготовка и чтение библиографических обзоров, оказание методической и библиографической помощи библиотекам области (участие в семинарах) и т. д. Все это он выполнял с присущей ему педантичностью, высоким профессионализмом и постоянной готовностью поделиться своими знаниями. После окончания рабочего дня он очень часто допоздна задерживался в библиотеке, обдумывая тексты будущих книг, статей, работая над диссертацией, которую так надеялся защитить. Увы, защита не состоялась.

В приведенной ниже библиографии трудов В.Н. Бочкова мы видим, как много он успел сделать, и в то же время с горечью констатируем: сколько бы еще сделал, если бы не обстоятельства, которые не позволили этому свершиться.

Выписки из журнала приказов по Костромской областной библиотеке имени Н.К. Крупской:

Приказ № 74 от 9 октября 1965 г.
§ 3. Тов. Бочкова Виктора Николаевича с 13 октября 1965 г. принять на должность библиографа с окладом 80 руб. в месяц.

Директор библиотеки А.С. Морозов

Приказ № 73 от 5 сентября 1966 г.
§ 2. Бочкову В. Н. с 10 сентября предоставить отпуск как аспиранту МГУ на 30 календарных дней.

Основание: заявление т. Бочкова

Приказ № 51 от 3 ноября 1967 г.
В дни празднования славного юбилея нашей Родины – 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции приказываю: за многолетнее участие в строительстве коммунистической культуры, активную помощь партийным и советским организациям в обслуживании книгой специалистов народного хозяйства и культуры, добросовестное отношение к работе по комплектованию, организации и пропаганде книжных фондов областной библиотеки и оказанию методической помощи городским, районным и сельским библиотекам области объявить благодарность под № 9 Бочкову Виктору Николаевичу, библиографу отдела библиографии.

И.о. директора библиотеки Н. Быков

Приказ № 12 от 2 апреля 1968 г.
§ 2. Бочкова В.Н. с 29/III по 2/IV с г. считать в командировке в г. Солигаличе по оказанию помощи в работе библиотек.

Приказ по областной научной библиотеке № 49 от 10 октября 1972 г.

§ 1. Библиографа Бочкова В.Н. с 16 октября с г. освободить от работы в библиотеке по собственному желанию. Бухгалтерия произведи полный расчет т. Бочкову В.Н.

Основание: заявление т. Бочкова В.Н.
Директор Н. Городецкая

Библиография¹

Библиография трудов В.Н. Бочкова составлена на базе фондов Костромской областной универсальной научной библиотеки имени Н.К. Крупской и не претендует на исчерпывающую полноту.

Библиография состоит из следующих разделов:

Труды В.Н. Бочкова (рецензии, посвященные той или иной работе В.Н. Бочкова, указаны велел за основными библиографическим описанием).

Рецензии, написанные В.Н. Бочковым. Библиографические указатели и обзоры. Литература о жизни и творчестве В.Н. Бочкова.

Порядок систематизации материала во всех разделах принят хронологический. Сначала указываются отдельные издания, затем публикации в сборниках, монографиях и периодических изданиях. Журнальные статьи указаны впереди газетных.

Книги

Костромские спутники Пушкина: ист.-худож. очерки. — Кострома: Б. и., 2002. — 174 с.

Юбилейный выпуск журнала «Губернский дом». Старая Кострома: рассказы об улицах, домах и людях. — Кострома: Б. и., 1997. — 203 с.: ил.

Библиография /сост. Н.Ф. Басова, Л.В. Ванилова. С. 208—218.

Ред. Муравьев В.А. Запоминающиеся рассказы о старой Костроме // Мир библиографии. — 2000. — № 1. — С. 39—42.

Зайцев Е. Сказ о старой Костроме // Сев. правда. — 1998. — 29 янв. — С. 6.

Эта пионерная «Старая Кострома» // Костром. ведомости. — 1998. — 14 янв. (№ 3). — С. 3.

Пашин В. «Старая Кострома» // Молодежная линия. — 1997. — 26 окт. — С. 5.

Государственный архив Костромской области: путеводитель /отв. за вып. В. Н. Бочков. — Кострома: Кн. изд-во, 1962. — 318 с.

Открытие Невельского. — Кострома: Кн. изд-во, 1963. — 43 с.

Коллекция рукописей Государственного архива Костромской области: обзор, подготовленный В. Н. Бочковым. — Кострома: Б. и., 1964. — 109 с.

Так начинался подвиг: ист. рассказы. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1969. — 128 с.

Ред. Рымашевский В. Книга оживает историю. — Волога. — 1969. — № 10. С. 180—182.

Рымашевский В. Так начинался подвиг // Сев. рабочий. — 1969. — 26 сент.

Гублев Е. «Так начинался подвиг»: критика и библиогр. // Сев. правда. — 1969. — 18 мая.

Кострома: путеводитель. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1970. — 190 с. В соавт. с К.Т. Тороп.

Ред. Шаповал В. Путеводитель по Костроме. — Молодой ленинец. — 1971. — 19 янв.

Бугин А. Путеводитель по Костроме // Сев. правда. — 1971. — 26 янв.

Кострома. — [Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1971]. — 13 с.

Битва на Святом озере // Маслов В. Сунирская находка. Бочков В. Битва на Святом озере — Ярославль, 1972. — С. 49—95.

Ред. Голубев Е. Ратная слава предков // Сев. правда. — 1973. — 1 марта.

Вокруг Щелькова: путеводитель по историко-мемориальным местам. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1972. — 96 с. В соавт. с А.А. Григоровым.

Ред. Хмельская Е. Земля Острогоского // В мире книг. — 1973. — № 12. — С. 21.

Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: памятники культуры /ред. — сост. Н.М. Булатов; под общ. ред. Н.К. Андросова. Тр. /НИИ культуры. Т. 34. Костромская обл. — М., 1976. — 154 с.

Соавтор всест. ст. и ряда других статей. — В.И. Бочков. Ред.: Полещеский М. Интерное издание // Сев. правда. — 1983. — 11 окт.

Безов Л. Книга о памятниках культуры // Ленинский путь. — 1977. — 10 нояб.

Заповедная сторона: вокруг Щелькова. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1988. — 91 с.

Ред. Ксенофонтова О. Заповедная сторона // Сев. правда. — 1989. — 7 июля.

Улицы Костромы: справочник /под ред. В. Н. Бочкова, Н.И. Захарова. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1989. — 96 с.

Ред. Анохин А. Энциклопедия Костромы // Сев. правда. — 1989. — 20 апр.

Совсем К. «Улицы Костромы» // Молодой ленинец. — 1990. — 21 апр.

Пашин В. «Улицы Костромы» появились в прозаге // Сев. правда. — 1991. — 16 июля.

«Сказки: которая Татьяна?»: образы и прототипы в русской литературе. — М.: Современник, 1990. — 318 с.

Ред. Тороп К. Литературные герои Костромского края. Заветы Ильича. — 1990. — 19 янв.

Пашин В. Еще одно, не последнее сказание // Сев. правда. — 1990. — 22 сент.

Нольман М. Образы и прототипы // Лит. Кострома. — 1991. — Февраль (№ 2). — С. 5.

Публикации

в сборниках и альманахах

Островские в Костроме: краткий путеводитель /авторизовано В. Н. Бочковым // Костромской Вертоград /изд. Бочковского семинара. № 1. — Кострома, 1995. — С. 5—7.

«Камбита Дивонович» // Мир истоничности (Сб. в честь С.О. Шмидта). — М. — Пенза, 1994. — С. 75—80.

Колопанов Нил Петрович // Русские писатели. 1800—1917: биогр. словарь. — М., 1994. — Т. 3. К — М. — С. 40.

Жохан Михаил Федорович // Русские писатели. 1800—1917: биогр. словарь. — М., 1992. — Т. 2. Г — К. — С. 276—277.

Кашпирев Василий Владимирович // Русские писатели. 1800—1917: биогр. словарь. — М., 1992. — Т. 2. Г — К. — С. 522—523.

Дом Борцова // Памятники Отечества: альм. Всерос. об-ва охраны памятников истории и культуры. — М., 1991. — Вып. 1 (23). — С. 111—114; ил.

Дом генерал-лейтенанта, участника Отечественной войны 1812 года С. Борцова, построенный в 1823 году на главной площади Костромы.

Ветлужский летописец: образы краеведов // Памятники Отечества: альм. Всерос. об-ва охраны памятников истории и культуры. — М., 1989. — Вып. 1. — С. 72—78.

Краевед Д.П. Деметьев-Барчин.

Бошняк Александр Карлович // Русские писатели. 1800—1917: биогр. словарь. — М., 1989. — Т. 1. А — Г. — С. 323.

Готовцева Анна Ивановна // Русские писатели. 1800—1917: биогр. словарь. — М., 1989. — Т. 1. А — Г. — С. 658—659.

Заветный «Терем» // Костромская быль. — М., 1984. — С. 429—436.

Художник Е.М. Кустодиев

Подвижники костромского краеведения (Василий Смирнов, Леонид Казаринов, Дмитрий Деметьев) // Второе свидание: глазами краеведов. — Ярославль, 1974. — С. 42—80.

Евгений Федорович Дюбюк // Их жизнь борьба: очерки о деятелях «Северного рабочего союза РСДРП». — Ярославль, 1973. — С. 99—106. В соавт. с Д. И. Деметьевым.

Иван Платонович Александров // Их жизнь борьба: очерки о деятелях «Северного рабочего союза РСДРП». — Ярославль, 1973. — С. 15—25.

Бочков В. Н., Румянцев Е. И. Тихон Иванович Попов // Их жизнь борьба: очерки о деятелях «Северного рабочего союза РСДРП». — Ярославль, 1973. — С. 182—191.

«Легенды» о выезде дворянских родов // Археографический ежегодник за 1969 год. — М., 1971. — С. 73—93.

Щедрость души // Влюбленность. — Ярославль, 1969. — С. 121—146.

Красев И.А. Рыжовский

Публикации

в периодической печати

Пяных М. Повесть о костромской и щельковской жизни: письма В. Бочкова Михаилу Пяных // Губернский дом. — 1999. — № 4. — С. 47—53.

«Там всюду прах и ветхость...»: из дневника 1981 года // Губернский дом. — 1997. — № 2. — С. 37—39; 42—44; 1996. — № 4. — С. 27—36.

«Загадки» Платона Актова // Губернский дом. — 1996. — № 2. — С. 43—44.

О сложном собрании библиофила П. Я. Актова: прота известию костромского краеведа, протомеера М.Я. Дюбова

Новогодняя елка: рассказ // Губернский дом. — 1995. — № 2. — С. 66—69.

Дом над Волгой // Губернский дом. — 1994. — № 5. — С. 29–30.

Костромская губернская классическая гимназия.
Рец. Иванов В. Н. «Надо конюхи мы прожили в мире» [Письмо-отклик на очерк В. Н. Бочкова «Дом над Волгой», первая публикация которого была в 1971 году подл. подгот. Л. В. Вавиловой // Губернский дом. — 1994. — № 5. — С. 31–33.

Последний адресат Пушкина: имя в истории края // Губернский дом. — 1994. — № 3. — С. 70–73.

Детская писательница А. О. Ишимова.
Костромские Козловские // Губернский дом. — 1994. — № 2. — С. 42–49.

Князя Козловские и их роль в истории русской культуры.

Великоленое Щельково / фото И. Стин, А. Фирсова, М. Рахманова // Наше наследие. — 1994. — № 29–30. — С. 63–71.

Музей-заповедник А. Н. Островского.
«Наше великоленое Щельково» // Губернский дом. — 1993. — № 3. — С. 25–29.

Антиповская коллекция // Костромская старина. — 1992. — № 3. — С. 34–37; ил.

Горская усадьба Антиповых на углу нынешних улиц Энгельса и Свердловая в г. Костроме. В соавт. с Е. В. Сапрыгиной.

В гости к купцам на Никольскую: глава из будущей книги В. Н. Бочкова «Кострома: Рассказы об улицах, домах, людях» // Костромская старина. — 1992. — № 3. — С. 27–29.

Костромские пруды // Губернский дом. — 1992. — № 1. — С. 26–27.

История одного дома // Костромской край. — 1992. — 16 апр.

Дом № 20 по пр. Текстильщиков в г. Костроме, где жил историк и краевед И. А. Рязановский.

Катерина ли она? // Волга. — 1990. — № 11. — С. 189–191.

Гэ из кн. «Сказки южная Татьяна».

В начале проспекта Мира: из истории костромских улиц // Сев. правда. — 1990. — 24 июня.

Улица Павлова (ныне проспект Мира), где купцы Дуранины основали одну из крупнейших полотнольных мануфактур в России.

«Огородники» // Сев. правда. — 1990. — 27 мая. — С. 14.

Отрывок из кн. «Сказки южная Татьяна».

Их имена: из истории костромских улиц // Сев. правда. — 1990. — 13 янв.

Вверх по Набережной: из истории костромских улиц // Сев. правда. — 1989. — 28 окт.

Улица Верхняя Набережная (ныне Перво-Мая). Краевед из Чуломова // Сев. правда. — 1989. — 27 июля.

Л. Н. Казарнов.

Внучка драматурга // Сев. правда. — 1989. — 10 июня. 13 июня.

Внушка А. Н. Островского М. М. Шателен.

Соединяя центр с окраиной: из истории костромских улиц // Сев. правда. — 1989. — 1 апр.

Улица Шарьевская (ныне пр. Текстильщиков). Судьба ученого: подвиги науки // Сев. правда. — 1989. — 10 февр.

Экономист Н. Д. Кондратьев, уроженец г. Галицкой Кеминской уезды Костром. губ.

За кремлем: из истории костромских улиц // Сев. правда. — 1988. — 25 дек.

Улица Ильинская (ныне ул. Чайковского). «Мы подмостыря науки...»: подвиги науки культуры // Сев. правда. — 1988. — 4 окт.

Костромской краевед В. И. Смирнов.

Костромские Дебри: из истории костромских улиц // Сев. правда. — 1988. — 23 авг.

Улицы Боровая, Нижняя и Верхняя Дебри.

Молочная гора: улицы старой Костромы // Сев. правда. — 1988. — 5 авг.

Народный метель // Нерехтская правда. — 1988. — 20 февр.

Предводитель костромских крестьян конца XVIII в. XIX в. И. Ф. Хабаров, уроженец с. Осенево Нерехт. уезда.

Дом на проспекте Текстильщиков // Сев. правда. — 1987. — 15 дек.

Дом костромского краеведа И. А. Рязановского.

В народе силу черная // Блокнот агитатора и политинформатора. — 1987. — № 18. — С. 10–18.

Областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны.

Большевик Степан Данилов: люди с горящими сердцами // Сев. правда. — 1987. — 16 окт.

Александр Асаткин: наши земляки // Волжская новь. — 1987. — 15 окт.

Революционер, уроженец с. Вознесенское Костром. уезда.

Народный заступник: рассказы о прошлом // Волжская новь. — 1987. — 27 июня.

«Благородный разбойник» И. Ф. Хабаров, который в XIX веке во главе отряда бедных людей «еремичило» в Костроме уезде.

Последнее письмо поэта // Сев. правда. — 1987. — 10 февр.

Последнее письмо А. С. Пушкина, в котором говорится о детской писательнице А. О. Ишимова.

Смотрю в лицо // Молодой ленинец. — 1987. — 10 февр.

Костромской поэт Глеб Ясин, автор стихотворения «К партизану», посвященного А. С. Пушкину.

Первый художник // Волжская новь. — 1986. — 30 дек.

Художник XVIII века Я. В. Полозов, уроженец г. Которово Костром. уезда.

Из истории Костромы // Сев. правда. — 1986. — 18 нояб.

О лесах, окружавших древнюю Кострому.

Площадь Революции: отчий край // Молодой ленинец. — 1986. — 6 нояб.

Костромской исследователь «Слова...» // Лит. Россия. — 1986. — 26 сент. (№ 39). — С. 24.

Исследователь и переводчик «Слова о полку Игореве» И. Ф. Грамматин, уроженец Костромской губернии.

Современник Пушкина // Сев. правда. — 1986. — 12 сент.

Академик, педагог и библиограф В. И. Веселовод, уроженец с. Марьянское Нерехт. уезда.

Некрасов в Костроме: к Некрасовскому празднику поэзии // Сев. правда. — 1986. — 2 июля.

Наперник муз: Из прошлого // Сев. правда. — 1986. — 8 июля.

Поэт-сатирик XVIII века Д. П. Горчаков, уроженец г. Пушкино Костром. уезда.

Через расстояния // Сев. правда. — 1986. — 7 мая.

Изобретатель и радиолюбитель Н. Р. Шмидт, проживавший в с. Волча, первым принял сигнал бедствия от экспедиции У. Нобле.

Энтузиаст агрономии // Волжская новь. — 1986. — 10 апр.

Ученый-агроном и популяризатор науки А. К. Ковальковский, уроженец д. Афанасово Костром. уезда.

Рядом с великим // Сев. правда. — 1986. — 14 февр.

Поэт пушкинской плеяды Н. М. Кошкин, уроженец г. Комарин.

Комментарии Грамматина: к 800-летию «Слова о полку Игореве» // Сев. правда. — 1985. — 12 дек.

И. Ф. Грамматин.

«Возвание к любителям вольности» // Сев. правда. — 1985. — 9 окт.

Автор стихотворения «Воззвание» — М. Жюко, уроженец Ветлуж. уезда Костром. губ.

Библиотека Павла Катенина // Книжное обозрение. — 1985. — 4 окт. (№ 40). — С. 16.

«Наперник муз» из Пушкина // Волжская новь. — 1985. — 28 сент.

Поэт Д. П. Горчаков, уроженец д. Пушкино Костром. уезда.

Губернский архитектор Метлин // Сев. правда. — 1985. — 7 авг.

И. И. Метлин работал в Костроме в конце XVIII — начале XIX в.

Исследователь «Слова...» — костромич // Сев. правда. — 1985. — 12 июля.

И. Ф. Грамматин.

Кирово // Волжская новь. — 1985. — 4 июля.

История усадьбы Зиновьево (ныне д. Кирово Костром. р-на), связанная с именем героя Отечественной войны 1812 года П. Я. Корнилова.

Жизнь, посвященная революции // Сев. правда. — 1985. — 8 июня.

Костромин В. В. Булюев.

Рабочая казарма — «Сборная»: памятник революционного движения // Сев. правда. — 1985. — 28 марта.

Дом, возведенный в 1898 г. для рабочих Большой Костромской льняной мануфактуры.

Первый историк Костромы // Сев. правда. — 1985. — 12 февр.

Н. С. Суваров, уроженец усадьбы Курново Костромского уезда.

Гений русской песни // Вперед. — 1985. — 19 янв.

Песни, композитор и собиратель народных песен И. А. Рутин, уроженец с. Сланово Чулом. уезда.

Из истории скверов Костромы // Сев. правда. — 1985. — 6 янв.

Костромской Кулибин // В мире книг. — 1985. — № 1. — С. 55–56.

Протоап Кулибина из драмы А. Н. Островского «Гроза» — костромской изобретатель-самоучка А. В. Красильников.

Гений русской песни // Сев. правда. — 1984. — 6 дек.

Песни и композитор И. А. Рутин, уроженец с. Сланово Чулом. уезда.

Костромские фамилии // Сев. правда. — 1984. — 25 авг.

Продолжение некоторых местных фамилий Библиотека Павла Катенина // Сев. правда. — 1984. — 25 июля.

Усадьба библиотеки поэта.

Костромской герою Чернышевского // Сев. правда. — 1984. — 13 июля.

Ученый-термолитик В. Ф. Лутигин — прототип одного из героев романа П. Г. Чернышевского «Пролог».

«Библиотечный дом»: страничка истории // Сев. правда. — 1984. — 7 июня.

Дом № 33 по ул. Советской в г. Костроме, где в 1855 году была открыта первая публичная библиотека.

Столетний юбилей // Сев. правда. — 1984. — 4 мая.

Торжества по случаю столетия со дня рождения видного деятеля революционного движения в Костроме и педагога И. Ф. Иорданского.

Ансамбль торговых рядов: памятники Отчуждения // Сев. правда. — 1984. — 25 марта.

«...и великий чудак»: След в жизни // Лит. Россия. — 1984. — 10 февр. (№ 7). — С. 24.

Директор гимназии и училища Костром. губ. Ю. Н. Баргенов, уроженец Галич. уезда.

Костромской воспитатель А. С. Пушкина // Сев. правда. — 1983. — 8 дек.

Профессор русской истории И. П. Шульгин, уроженец усадьбы Синичино Костром. уезда.

Костромские пруды // Сев. правда. — 1983. — 29 сент.

Галицкий приятель А. С. Пушкина // Сев. правда. — 1983. — 15 сент.; Ленинский путь. — 1983. — 15 сент.

Директор гимназии и училища Костром. губ. Ю. Н. Баргенов, уроженец селыши Золотого Галич. уезда.

Торговые ряды: к 650-летию Солигалича // Знамя Ильича. — 1983. — 1 сент.

Деревянные торговые ряды в г. Солигаличе — памятники архитектуры XIX века.

Рудных дел мастер: наши земляки // Сев. правда. — 1983. — 19 авг.

Г. Капустин, уроженец с. Данюшино Костром. уезда.

Верный ленинец: рассказ об А. М. Стопане — делегате Второго съезда РСДРП // Сев. правда. — 1983. — 4 авг.

«Мы все равны...» // Лит. Россия. — 1983. — 22 июля (№ 30). — С. 24.

Полк XIX в. М. Ф. Жюков, уроженец Белужского уезда Костром. губ.

Дом-памятник // Сев. правда. — 1983. — 2 июля.

Дом А. Янсен по ул. Чайковского, 11 в г. Костроме Костромскому театру — 175 лет. // Сев. правда. — 1983. — 2 июня.

Костромской областной драматической театр имени А. Н. Островского. История.

Выдающийся геолог: наши земляки // Сев. правда. — 1983. — 24 апр.

Видный деятель науки А. И. Антонов — организатор промышленных училищ им. Ф. В. Чюхова в Костром. губ. // Совет с. Е. В. Сапрыгина.

Выдающийся военный историк: наши земляки // Сев. правда. — 1983. — 6 марта.

Генерал В. А. Апушкин, уроженец Солигалич. уезда.

Многоликий Фигнер // В мире книг. — 1983. — № 4. — С. 51-53.

Герой Отечественной войны 1812 года А. С. Фигнер, отец которого владел усадьбой Марьинские Кологрив. уезда.

Одна из первых костромских актрис: к 175-летию драмтеатра им. А. Н. Островского // Сев. правда. — 1983. — 2 февр.

М. Д. Львова-Синевича

Дом на улице Лермонтова // Сев. правда. — 1982. — 25 сент.

Дом № 14, где жил купец Г. И. Чернов, послуживший прототипом Фомы Гордеева в одноименном романе А. М. Горького.

Изо дня Толстых: история литературных героев // Сев. правда. — 1982. — 19 сент.

Ф. И. Толстой, уроженец Кологрив. уезда, двоюродный дядя Л. Н. Толстого.

Герой 1812 года // Сев. правда. — 1982. — 3 апр.

А. С. Фигнер, уроженец Костром. губ. Архитектор Воротиллов // Сев. правда. — 1982. — 3 февр.

К 240-летию губернского архитектора Огородник из Чухломы // Лит. Россия. — 1981. — 11 дек. (№ 50). — С. 15.

Саловины Фигурин — прототип героя статистора И. А. Некрасова «Огородник».

По болотам вдвоем...: к 160-летию со дня рождения Н. А. Некрасова // В мире книг. — 1981. — № 12. — С. 73-75: фото.

Крестьянин д. Шолы Костром. уезда Г. Я. Захаров, с которым поэт охотился в костромских лесах.

Многоликий Фигнер // Новая жизнь. — 1981. — 3 дек., 5 дек., 8 дек., 10 дек., 12 дек., 15 дек., 19 дек., 22 дек.

Участник Отечественной войны 1812 года А. Фигнер, уроженец Межевского края.

За подписью Арсений // Сев. правда. — 1981. — 1 дек.

Большая Я. А. Андреев

Речь: ист. рассказ // Сев. правда. — 1981. — 6 июля.

Депутат 3-го Гос. думы П. И. Сурков, уроженец г. Кострома.

Вблизи Белниского: забытые имена // Лит. Россия. — 1981. — 2 окт. (№ 40). — С. 22.

Князь П. Д. Козловский, уроженец с. Боршюва Перест. уезда.

Одному Н. С. Лескову и его прототип // Русская лит. — 1981. — № 1. — С. 159-162.

Солигалицкий кварталный А. А. Рыжков «Огородник» // Вперед. — 1981. — 22 янв., 24 янв.

Прототип героя некрасовского статистора — саловин Фигурин и др. Зинаиде Чухлом. уезда

«Свинины приезжает на ярмонку...»: поиски и находки // Лит. Россия. — 1981. — 9 янв. (№ 2). — С. 22.

Писатель П. П. Свинин, уроженец Галич. уезда

За счастье людей труда: соратники В. И. Ленина на костромской земле // Сев. правда. — 1980. — 23 окт.

«Любимица науки»: поиски и находки // Лит. Россия. — 1980. — 17 окт. (№ 42). — С. 24.

Костромская поэтесса XIX века А. И. Готовицина Широкая натура // В мире книг. — 1980. — № 9. — С. 76-78.

Прототип Фомы Гордеева в одноименном романе М. Горького — костромской купец Г. И. Чернов. Есть фото его в штабной картонке.

Костромской друг В. Г. Белниского // Сев. правда. — 1980. — 11 июня.

Князь П. Д. Козловский, уроженец Перест. уезда

Прототип Фомы Гордеева: костромичи и русская культура // Красное Приволье. — 1980. — 22 июня, 24 июня.

Волжский паромщик Г. И. Чернов, уроженец г. Кострома.

Поэтесса Анна Готовицева: наши земляки // Буйская правда. — 1980. — 21 июня.

Современница Пушкина: страничка из прошлого // Сев. правда. — 1980. — 23 мая.

Костромская поэтесса А. И. Готовицина

Чрезвычайный уполномоченный: соратники В. И. Ленина на костромской земле // Сев. правда. — 1980. — 29 марта.

Энтузиаст краеведения // Сев. правда. — 1980. — 8 февр.

Заслуженный учитель школы РСФСР и краевед из г. Солигалича Л. М. Белорусов в соавторстве с В. В. Павловым.

Современник Пушкина: поиски и находки // Лит. Россия. — 1979. — 23 нояб. (№ 47). — С. 22.

Иван Дмитриевич Козловский — литератор в офицер.

Соратник Пугачева: из прошлого // Сев. правда. — 1979. — 14 нояб.

И. Арестов, уроженец Суздальского края

Вблизи А. С. Пушкина // Сев. правда. — 1979. — 18 окт.

Князь И. Д. Козловский, отец которого владел усадьбой Боршюва в Перест. уезде.

Путь ученого // Сев. правда. — 1979. — 1 авг.

Бюджет С. С. Смирнова, работавший в Костроме в 1920-е годы.

Издательница «Костромского листка»: странички истории // Сев. правда. — 1979. — 28 марта.

Т. П. Андроникова

Славен город Кострома // Огонек. — 1978. — № 50. — С. 25.

Начальник боевой дружины: из революционного прошлого // Сев. правда. — 1978. — 21 окт.

К. Ю. Волков

Прототип Хлестакова // Сев. правда. — 1978. — 26 сент.

Писатель П. П. Свинин

Краеведческое объединение за работой // Сев. правда. — 1978. — 21 сент.

Объединение краеведов при клубе лыжников им. И. Д. Зверькина Подольск. в Выжово.

Агроном // Сев. правда. — 1978. — 7 сент.

Ученый-агроном А. К. Ковальковский, уроженец д. Афанасово Костром. уезда.

Увековечить память Ф. Г. Волкова // Лит. Россия. — 1978. — 25 авг. (№ 34). — С. 14.

В доме № 8 по ул. Симановского в г. Костроме родился создатель русского национального театра.

Центральная площадь Костромы // Сев. правда. — 1978. — 24 авг.

Площадь Революции

Улица-памятник // Сев. правда. — 1978. — 16 июля.

Улица Горная в г. Костроме

В этом доме жил... // Нерехтская правда. — 1978. — 25 марта.

Краевед М. Я. Днев

Павел Низовой: к 100-летию со дня рождения // Молодой ленинец. — 1977. — 12 нояб.

Писатель, уроженец Костромского р-на

Красный летчик Юнгмейстер: наш земляк Василий Юнгмейстер // Молодой ленинец — 1977. — 18 окт.

Шли турки в Нерехту... из истории нашего города // Нерехтская правда. — 1977. — 18 окт.

Дом на Галичской // Молодой ленинец. — 1977. — 5 окт.

Из истории Костромской областной партийной организации

Сергей Малышев — первый красный мэр: к 825-летию Костромы // Сев. правда. — 1977. — 4 окт.

Каменная Кострома // Сев. правда. — 1977. — 6 сент.

Архитектор Праве // Молодой ленинец. — 1977. — 3 окт.

Губернский архитектор М. М. Праве. В поисках Фурсова // Молодой ленинец. — 1977. — 4 авг.

Губернский архитектор XIX в. В те далекие годы // Сев. правда. — 1977. — 24 июня.

Кострома в XVII в. Загадки Платона Актова: пыль веков от хартий отряхнул // Молодой ленинец. — 1977. — 21 июня.

Об уникальной библиотеке, собранной средним братом костромского краеведа, протопера М. Я. Диева.

Ярилина долина: 14 июня в Шелькове на день памяти А. Н. Островского собрались почитатели его творчества // Молодой ленинец. — 1977. — 16 июня.

«Снегурочкина беседа»: сегодня — день памяти А. Н. Островского // Сев. правда. — 1977. — 14 июня.

В усадьбе Шельково. Серов и Корвин в городе на Волге // Сев. правда. — 1977. — 1 июня.

Подпись В. Ванюков «Служил Отечеству...»: поиски и находки // Лит. Россия. — 1977. — 13 мая. (№ 20). — С. 16.

П. А. Катенин. Зодчий Степан Воротилов // Молодой ленинец. — 1977. — 5 мая.

Губернский архитектор XVIII века, уроженец посада Большие Соли Нерехт уезда Книги нерехтинца Актова: история уникальной библиотеки // Нерехтская правда. — 1977. — 29 апр.

Библиотека П. Я. Актова — среднего брата костромского краеведа, протопера М. Я. Диева. Судьба архива П. А. Катенина // Заветы Ильича. — 1977. — 19 апр.

«О, дружба, это ты!» // Лит. Россия. — 1977. — 11 марта. (№ 11). — С. 24.

История эпитафии на могильной плите П. Ф. Островского — отца драматурга, в Николо-Березках

Кабинет А. Н. Островского // Знамя Октября. — 1976. — 18 дек., 21 дек., 23 дек., 25 дек., 28 дек.

В музее-усадьбе Шельково Островский строит фангель // Знамя Октября. — 1976. — 20 нояб.

В усадьбе «Шельково». Заглядывая в столетия: страничка истории: к 825-летию Костромы // Сев. правда. — 1976. — 17 нояб.

XIV—XV вв.

Дом у пруда // Лит. Россия. — 1979. — 8 июня.

Надпись рассказывает // Сев. правда. — 1976. — 20 окт.

Эпитафия на могиле Н. Ф. Островского в Николо-Березках

Покровские загадки // Лит. Россия. — 1976. — 24 сент. (№ 39). — С. 19.

История с Покровского, расположенного близ Шелькова

Стольный град: к 825-летию Костромы // Сев. правда. — 1976. — 3 сент.

Поездка к Кустодиеву // Сев. правда. — 1976. — 15 июня.

Приезд дочери художника — И. Б. Кустодиевой в д. Маурино Остров р-на

Революционер, ученый: к 100-летию со дня рождения Е. Ф. Дюбука // Сев. правда. 1976. — 13 июля.

Год Шелькова // Сев. правда. — 1976. — 13 июня.

Мемориальный музей-усадьба А. Н. Островского. Древнейший на Верхней Волге: к 825-летию Костромы // Сев. правда. — 1976. — 21 мая.

В Ясную Поляну за опытом // Сев. правда. — 1976. — 26 марта.

Поездка коллектива музея-заповедника А. Н. Островского «Шельково» в Ясную Поляну

«Шельково» — имение господ Островских: отрывок из кн.: «Шельково» — страна Островского // Знамя Октября. — 1976. — 8 янв., 10 янв., 13 янв., 1 апр., 3 апр., 6 апр., 8 апр., 15 апр.

Поездка к Кустодиеву // Знамя Октября. — 1976. — 30 янв.

Усадьбы Маурино и Павловское Остров р-на

Костромская родина декабристов // Сев. правда. — 1975. — 26 дек.

Декабристы, имеющие связь с Костромским краем

Шельковская старина: отрывок из книги «Шельково» — страна Островского // Знамя Октября. — 1975. — 22 нояб., 25 нояб.

Загадки села Покровское // Знамя Октября. — 23 сент., 25 сент.

Художник В. П. Ванюков из Нерехт уезда

На бойком месте // Сев. правда. — 1975. — 9 сент.

Местонахождение трактира «На бойком месте», описанного А. Н. Островским в одноименной пьесе

Заброшенный памятник архитектуры // Сев. правда. — 1975. — 7 сент.

Церковь Благовещения в с. Красное-на-Волге Юбилей М. М. Шателен // Сев. правда. — 1975. — 29 июля.

К 80-летию со дня рождения

Внучка драматурга // Сев. правда. — 1975. — 12 июля.

М. М. Шателен

Шельково — 75 // Сев. правда. — 1975. — 5 июля.

Новый экспозиционный сезон музея

Памятник в Березках: историческое место // Знамя Октября. — 1975. — 10 июня.

Памятник архитектуры XVII в. в Остров р-на

Уникальный альбом. // Сев. правда. — 1975. — 10 июня.

Альбом «Старый быт в произведениях А. Н. Островского», хранящийся в фондах Шельковского музея, и отрывки о нем видных деятелей культуры

Выставка в Шелькове // Сев. правда. — 1975. — 20 мая.

Выставка одежды из фондов Костром. ист.-архит. музей-заповедника «Ипатьевский монастырь». Музей собирает // Сев. правда. — 1975. — 27 марта.

О музее-усадьбе А. Н. Островского в Шелькове. Кустодиев в Шелькове // Сев. правда. — 1974. — 24 дек.

Письмо издалека // Сев. правда. — 1974. — 21 сент.

Первый биограф Л. Н. Толстого — П. И. Бирюков, уроженец с. Ивановское Костр. уезда

Выдающийся актер // Молодой ленинец. — 1974. — 3 сент.

П. М. Саловский

Самородок // Сев. правда. — 1974. — 13 авг.

Изобретатель XIX в. А. В. Красильников

Второе открытие Шелькова // Сев. правда. — 1974. — 6 июля.

Выставка изобразительных материалов из фондов Шельковского музея в Костромском музее ИЗО

«Сочувствию» Радицева // Сев. правда. — 1974. — 6 апр.

Общественный деятель XVIII в. А. М. Кутузов, уроженец Костром. губ.

Откуда началось Шельково: к истории усадьбы // Сев. правда. — 1974. — 15 февр.

«Дело» толстовского биографа // Лит. Россия. — 1973. — 28 дек. (№ 52). — С. 16.

П. И. Бирюков

Культурное развитие Костромского края: дореволюционный период // Знамя Октября. — 1974. — 8 янв., 10 янв., 12 янв., 17 янв., 18 янв., 19 янв.

Блистательный путь: к 70-летию со дня рождения М. И. Царева — народного артиста СССР // Сев. правда. — 1973. — 1 дек.

Посвященный Шелькову // Сев. правда. — 1973. — 27 нояб.

Вестер «А. Н. Островский в Шелькове» состоялся в Центральном Доме актера в Москве.

Земский врач // Сев. правда. — 1973. — 16 авг.; Знамя Ильича. — 1973. — 30 авг., 1 сент.

Д. Н. Жбанков

Дом с колоннами // Сев. правда. — 1973. — 26 июля.

Дом № 11 по ул. Чайковского

Строила все Россия: к 150-летию А. Н. Островского // Лит. Россия — 1973. — 6 апр. (№ 14). — С. 16.

Нарядная чигальня имени А. Н. Островского в Костроме

Вид на Куекшу: о шельковском парке // Сев. правда. — 1973. — 19 июня.

Улицы Островского: путешествия по Костроме // Сев. правда. — 1972. — 13 дек.

Страница истории: к 150-летию со дня рождения А. Н. Островского // Сев. правда. — 1972. — 20 сент.

Судьба одного архива // Сов. Россия. — 1972. — 17 сент.

Архив А. С. Грибоедова хранится в помещении его матери в Нерехтском уезде

Костромичи на Бородинском поле // Сев. правда. — 1972. — 7 сент.

Подпись В. Ванюков

Дом с львиными масками // Сев. правда. – 1972. – 1 сент.

О доме № 33 по ул. Советской в г. Костроме
В нашей памяти // Сев. правда. – 1972. – 5 авг.

Учитель-экономист и краевед Е. Ф. Дюбюк
И все-таки «ямка» // Сев. правда. – 1972. – 24 июня.

Дом № 8 по ул. Симановского, в котором родился основатель национального театра Ф. Г. Волков

Отвечаем читателям // Сев. правда. – 1972. – 23 июня.

Долгатовский пруд в г. Костроме.
Из котогоры Прометеев: сегодня – 90 лет со дня рождения Г. М. Димитрова // Сев. правда. – 1972. – 18 июня.

Подпись К. Караваев
Дмитрий Дементьев: очерк о краеведах-земляках // Призыв. – 1972. – 6 июня, 8 июня, 10 июня, 13 июня.

Один из многих: борцы за народное // Сев. правда. – 1972. – 14 мая.
Г. В. Кравков, уроженец с Богданово Костром. губ.

Леонид Казаринов: наши знатные земляки // Вперед. – 1972. – 13 апр., 15 апр., 18 апр., 20 апр.

Краевед, музеевед и археолог.
Соратник Ленина // Сев. правда. – 1972. – 16 апр.

Н. Г. Полежаев Подпись К. Караваев
Автографы из Чернышова // Сев. правда. – 1972. – 8 апр.

Письма М. Ю. Лермонтова, адресованные его дяде, генералу П. И. Петрову, проживавшему в г. Галиче и усадьбе Чернышова Макарьев. уезда.

Видный деятель партии // Сев. правда. – 1972. – 19 февр.

Активный участник революционного движения в Костром. губ. Т. И. Попов
Призвание // Сев. правда. – 1972. – 17 февр.

Краевед В. И. Смирнов.
Вполне реальный прототип // Сов. Россия. – 1972. – 6 февр.

Костромской иобратель А. В. Красильников, послуживший прототипом Кузмина из драмы А. Н. Островского «Идиот»

Чухломский краевед // Сев. правда. – 1972. – 20 янв.

Л. Н. Казаринов
Комиссар // Сев. правда. – 1972. – 9 янв.

Организатор социалистического кружка молодежи в Костроме А. Языков

«Вот мчится тройка удалая» // Сов. Россия. – 1971. – 5 нояб.

Песни, музыка и в сборнике народных песен И. А. Рупин, уроженец д. Садвиново Чухлом. уезда
«Старый двор» // Сев. правда. – 1971. – 3 окт.

Дом на 5120 улице Чайковского и Советской в г. Костроме, где до революции располагался гостиный «Старый двор»

«Завидую смелости, завидую твердости его...» // Сев. правда. – 1971. – 9 сент.

А. Рупин – активный участник становления Советской власти на Севере, уроженец г. Макарьева Подпись К. Караваев

Поэт Глеб Ясин // Сев. правда. – 1971. – 3 сент.

Публикация стихотворений

Улица Симановского // Сев. правда. – 1971. – 4 авг.

Подпись К. Караваев.
Эти дома на Ивановской // Сев. правда. – 1971. – 3 июля.

О домах Башошка, П. М. Третьякова, С. И. Спасокукуцкого в г. Костроме

Человек долга // Сев. правда. – 1971. – 19 мая.

Революционер А. Н. Подпалая Подпись К. Караваев

Путь атамана // Сев. правда. – 1971. – 26 февр.

Вожаки костромских крестьян И. И. Пономарев, участвовавший в восстании Степана Разина

Дом над Волгой // Сев. правда. – 1971. – 31 янв.

Костромская мужская гимназия
Дом на площади // Сев. правда. – 1970. – 15 дек.

Дом Боршова на Сусаннинской площади

Родина декабриста // Сев. правда. – 1970. – 28 нояб.

П. Д. Чернин, уроженец усадьбы Нерехово Солнечный уезда

В начале улицы Симановского // Сев. правда. – 1970. – 17 нояб.

Улица Дзержинского // Сев. правда. – 1970. – 7 окт.

Гаврил Петрович // Сев. правда. – 1970. – 26 сент.

Революционер Н. Н. Панин Подпись В. Вавилов
В начале проспекта Мира // Сев. правда. – 1970. – 19 сент.

Здание Дворцовского собрания в г. Костроме

Полвека художественного музея // Сев. правда. – 1970. – 11 сент.

Костромской музей ИЗО Подпись В. Вавилов

Первая в России // Сев. правда. – 1970. – 6 сент.

Григорьевская женская гимназия в г. Костроме и ее основатель А. Н. Григоров

Мамаша // Сев. правда. – 1970. – 13 авг.

Хозяйка конспиративной квартиры в г. Костроме А. Н. Шенфельдманова

Генералиссимус из Костромского края // Сев. правда. – 1970. – 21 июля.

А. В. Суворов Подпись В. Вавилов
...Наш Суворов // Нерехтская правда. – 1970. – 26 июня.

А. В. Суворов и Нерехтский край Подпись В. Вавилов

Первые маевки // Красное знамя. – 1970. – 29 апр.

Маевки в Костром. губернии Подпись В. Вавилов

Ленин издавался в Костроме // Сев. правда. – 1970. – 16 апр.

Первый субботник в Нерехте // Нерехтская правда. – 1970. – 11 апр.

В рядах партии // Сев. правда. – 1970. – 8 апр.

Партийный работник В. Н. Соколов, уроженец г. Костромы Подпись К. Караваев

Первый орден Ленина // Сев. правда. – 1970. – 8 марта.

Танкица тыномовицкая им. В. И. Ленина Е. И. Ситова, первая из костромичей получившая орден Ленина Подпись В. Вавилов

Милич: из прошлого // Сев. правда. – 1970. – 6 марта.

Учитель городского трехклассного училища Е. М. Микфорова, выступивший инициатором строительства в Костроме библиотеки-читальни им. А. Н. Островского

Командующий Нарвским направлением // Сев. правда. – 1970. – 22 февр.

Д. П. Парский, возглавлявший в 1908–1914 гг. Костромской гарнизон Подпись В. Вавилов

Солдат революции: к 90-летию со дня рождения Н. И. Подвойского // Сев. правда. – 1970. – 15 февр.

Подпись К. Караваев

Воспоминания костромичей – соратников В. И. Ленина // Блокнот агитатора и политинформатора. – 1969. – № 24. – С. 26–31.

Партийная клочка «Повар»: соратники Ильича // Сев. правда. – 1969. – 10 дек.

Ф. Шевцов Подпись К. Караваев

Исцеление: рассказ // Сев. правда. – 1969. – 23 нояб.

Речь: исторический рассказ // Сев. правда. – 1969. – 6 нояб.

Депутат III Государственной думы П. Суворов

Таковыми гордится народ: соратники Ильича // Сев. правда. – 1969. – 20 сент.

Н. Г. Полежаев Подпись К. Караваев
К истории памятника В. И. Ленину // Путь Октября. – 1969. – 14 сент.

Большой человек: соратники Ильича // Сев. правда. – 1969. – 2 авг.

Т. И. Попов Подпись К. Караваев

Партийная клочка «Макарь»: соратники Ильича // Сев. правда. – 1969. – 13 июня.

Революционер П. И. Александров Подпись К. Караваев

Агент «Искры»: соратники Ильича // Сев. правда. – 1969. – 2 апр.

М. П. Голубева Подпись К. Караваев
Профессор Волин: соратники Ильича // Сев. правда. – 1969. – 21 марта.

Бывший пред. Костром. губисполкома Б. М. Волков Подпись К. Караваев

Автографы Н. К. Крупской // Сев. правда. – 1969. – 2 февр.

Книги, присланные в Костромскую областную библиотеку Подпись В. Вавилов

Не всякому «потомку» честь: продолжается ли род народного героя Ивана Сусанина в настоящее время // Сев. правда. – 1968. – 29 дек.

Костромской типографии – 200 лет // Сев. правда. – 1968. – 28 дек.

Подпись В. Вавилов

Депутат рабочих // Сев. правда. – 1968. – 19 дек.

Депутат IV Государственной думы Н. Р. Шагов Подпись В. Вавилов

Допрос: исторический рассказ // Сев. правда. – 1968. – 6 нояб.

Революционер А. М. Стоянов

Воины двенадцатого года: из исторических рассказов // Сев. правда. – 1968. – 10 сент.

И. М. Ситович и Е. Н. Белевцов

Василий Юнгмейстер: с огнем большевистским в груди // Сев. правда. – 1968. – 3 авг.

Подпись В. Вавилов

Гербы костромских городов // Сев. правда. — 1968. — 12 мая.

Подпись В. Вавилов
По первоисточникам: костромские издания в трудах В. И. Ленина // Сев. правда. — 1968. — 21 апр.

Подпись К. Каравалев
Право на память // Сев. правда. — 1968. — 3 янв.

Ф. Г. Волков. Подпись В. Вавилов
К. Маркс, «Капитал», Кострома: к 150-летию со дня рождения Карла Маркса // Сев. правда. — 1968. — 4 мая.

Подпись К. Каравалев
Чижовские миллионы // Сев. правда. — 1967. — 4 апр.

Ф. В. Чкалов. Подпись В. Вавилов
Первое «почему»: Б. Виктор отвечает на вопрос пионеров об истории ул. имени Ленина // Молодой ленинец. — 1967. — 19 февр.

Выдающийся педагог: к 140-летию со дня рождения педагога В. Я. Стоюнина // Сев. правда. — 1967. — 3 янв.

Подпись В. Вавилов
Щедрость души: из прошлого // Сев. правда. — 1966. — 15 дек.

Краевед А. А. Рязановской. Подпись В. Вавилов
Жажда // Сев. правда. — 1966. — 19 нояб.

Путешественник и ботаник М. Н. Альбов, имевший связи с Костромой. Подпись В. Вавилов
Страницы одной жизни // Сев. правда. — 1966. — 7 авг.

О пробытии генерала А. П. Ершова в костромской ссылке в 1799–1801 гг.
Незабываемые встречи // Сев. правда. — 1966. — 14 июня.

Первый пред. Костромского Совета рабочих депутатов С. В. Малышев. Подпись В. Вавилов
Дар княгюлюба // Сев. правда. — 1966. — 11 июня.

Книга из личной библиотеки педагога из г. Перемышля О. Невского, подаренные Костром. обл. уч-ще им. Н. К. Крупской.

Когда дело в названии... // Сев. правда. — 1966. — 14 апр. (стр. для чит. г. Костромы)

(Об обращении костромским уздам их прежних названий)

Выдающийся педагог: к 140-летию со дня рождения // Сев. правда. — 1966. — 3 янв.

В. Л. Стоюнин
Дело жизни // Сев. правда. — 1965. — 3 дек.

Мореплавец С. Г. Малыгин, уроженец Костром. уезда. Подпись В. Вавилов

История и традиции // Сев. правда. — 1965. — 1 дек.

Костромской областной драматический театр им. А. И. Островского в 1808–1812 гг.
Человек, который не смеялся // Сев. правда. — 1965. — 1 окт.

Народовик Н. В. Клеточников, уроженец г. Костромы

Костромские Пушкины // Сев. правда. — 1965. — 4 марта.

Усадьба Поповых, принадлежавшая А. Ю. Пушкину — двоюродному брату матери поэта

По следам Гребоведов // Молодой ленинец. — 1965. — 8 янв.

Связь А. С. Гребоведов с Костромским краем.

Рассыпанные сокровища // Сев. правда. — 1965. — 5 янв.

Усадьба дачных архивов П. А. Катенина, А. П. Григорьева, А. Ф. Писемского и др. знаменитых земляков

Федор Сологуб в Костроме // Молодой ленинец. — 1964. — 9 дек.

Спешная почта // Сев. правда. — 1964. — 14 нояб.

Быт и нравы костромского чиновничества в XVIII в. Свидание: из невыдуманных рассказов // Сев. правда. — 1964. — 26 авг.

В основу рассказа положены факты из биографии Г. И. Невельского

К истории одной подделки // Сев. правда. — 1964. — 19 февр.

О подделке историком А. И. Сулакциным рукописи, в которой он называет изобретателя Крюкового изобретателем воздушного шара

Новое о дорожных имнах // Сев. правда. — 1964. — 2 февр.

Архивные документы о революционерах Н. И. Подвойников и М. С. Кзарове

Письма Б. М. Кустодиева // Сев. правда. — 1963. — 3 авг.

Письма, адресованные костромскому краеведу И. А. Рязановскому

Есть в океане остров... // Сев. правда. — 1963. — 15 июня.

Остров в Восточно-Сибирском море назван в честь нашего земляка, мореплавателя А. И. Жюкова

Из истории костромского книгопечатания: к 400-летию печатного дела в России // Сев. правда. — 1963. — 19 апр.

Пришину на костромской земле: к 90-летию со дня рождения // Сев. правда. — 1963. — 5 февр.

Генералы-костромичи // Сев. правда. — 1962. — 25 сент.

Герои Отечественной войны 1812 года Полтора века назад... к 150-летию Отечественной войны 1812 года // Сев. правда. — 1962. — 7 сент.

Офицеры-костромичи, участники Бороздинского сражения

Тертий Борноволоков // Сев. правда. — 1962. — 29 июля.

Костромские связи Н. А. Рубакина: к 100-летию со дня рождения // Сев. правда. — 1962. — 13 июля.

Историк-книговед

Когда возник театр в Костроме // Сев. правда. — 1962. — 4 июля.

Костромской Кулибин // Сев. правда. — 1962. — 24 февр.

Изобретатель А. В. Крыльников

Документы рассказывают // Сев. правда. — 1961. — 9 дек.

Выставка документальных материалов на тему «11 истории Костромской партийной организации 90-е годы XIX в. — 1945 г.» в связи с Ю. Вольфовым

Н. Ф. Грамматин: к 150-летию со дня рождения // Сев. правда. — 1961. — 21 нояб.

Крепостной «вундеркинд»: из старинных // Неделя. — 1961. — 5–11 нояб. (№ 45). — С. 24; Ленинский путь — 1961. — 17 нояб.; Верный путь. — 1963. — 10 марта; Ветлужский край. — 1963. — 17 марта.

11-летний крепостной мальчик Иван Рогозовский из д. Рогозино уезд Колтамово обладал выдающимися математическими способностями.

Письма М. М. Пришвина // Сев. правда. — 1961. — 14 окт.

Костромичи-мореплаватели // Сев. правда. — 1961. — 3 сент.

М. Ю. Лермонтов и Костромской край: к 120-летию со дня смерти поэта // Сев. правда. — 1961. — 26 июля.

История одной семьи // Сев. правда. — 1961. — 15 июля.

Сестры Вера и Надежда Погожымы

На костромской сцене: из прошлого // Сев. правда. — 1961. — 15 марта.

Гастроли в Костроме актеров В. Комиссаревской и П. Орленца

Сам себя высек // Сев. правда. — 1960. — 17 дек.

Костромской губернатор А. П. Верещагин

Зайцевский в Костроме // Сев. правда. — 1960. — 5 авг.

История одного дома // Сев. правда. — 1960. — 27 июля.

Дом № 20 по пр. Текстильщиков, где жил историк-краевед И. А. Рязановский.

Рецензии

Постников-Лосева М. М., Платонова И. Г., Ульянова Б. Л. Золотое и серебряное дело XV–XX вв. — М.: Наука. 1983. — 375 с. ил.

Рец.: Бочков В. Серебряное дело в Костроме // Сев. правда. — 1984. — 26 сент.

Булавин Е. Деревянное кружево Костромы: Фотоальбом. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1975. — 63 с.: ил.

Рец.: Бочков В. Деревянное кружево Костромы // Сев. правда. — 1976. — 4 марта.

Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. — М.: Наука, 1974. — 382 с.

Рец.: Бочков В. Вопросы истории. — 1975. — № 10. — С. 158–161.

Шалопинов В. Вечный путь: Роман. — М.: Современник, 1974. — 351 с.

Рец.: Бочков В. Выбор пути: критика и библиография // Сев. правда. — 1973. — 12 окт.

Краеведческие записки: [сборник] / Костром. ист.-архитектурный музей-заповедник. Вып. 1. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1973. — 192 с.

Рец.: Бочков В. Плод послушности // Сев. правда. — 1974. — 29 сент.

Кольчева Е. И. Холоство и крепостничество (конец XV–XVI вв.) — М.: Наука, 1971. — 225 с.

Рец.: Бочков В. // Вопр. истории. — 1972. — № 8. — С. 153–154.

Королев Г. Р., Кудряшова К. Ф., Лежнин А. А. География Костромской области: Пособие для уч-ся ср. классов. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1971. — 94 с.

Рец.: Бочков В. История с географией // Сев. правда. — 1972. — 27 апр.

Литература о Костромской области за 1969 год: Краеведческий каталог. — Кострома: Б. и., 1971. — 120 с.

Рец.: Вавилов В. Ценное издание // Сев. правда. — 1972. — 15 янв.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служивых землевладельцев. — М.: Наука, 1969. — 583 с.

Рец. Бочков В. *Личность в истории и личность историка* // Нов. мир. — 1970. — № 7. — С. 271-274

Иванов В. Н. Кострома. — М.: Искусство, 1970. — 179 с.; ил.

Рец. Бочков В. Н. *Через отблеск* // Сев. правда. — 1971. — 12 мая

Об ошибках и неточностях: из редакционной почты // Нов. мир. — 1969. — № 9. — С. 279-280.

Отклик на рец. Мухина Е., Шербаков В. *Люди подвига* // Мол. гвардия. — 1969. — № 8. — С. 307-311

Голубев Е. П. «Д'Артаньян» уходит на задание. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1969. — 191 с.

Рец. Вавилов В. *Право на память* // Сев. правда. — 1969. — 31 июля

Брюсова В. Г. Ипатьевский монастырь. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1968. — 104 с.; ил.

Рец. Бочков В. Н. *Серьезное исследование* // Сев. правда. — 1969. — 9 июля

Часовников А. М. Любовь неугасимая: Стихи и поэмы. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1967. — 64 с.; ил.

Рец. Караваев К. «Я за мир, за любовь» // Сев. правда. — 1968. — 19 июля

Румишев А. Я видел Сусанина: Путешествие за стену веков. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1965. — 61 с.

Рец. Бочков В. *Книга о великом патриоте* // Сев. правда. — 1965. — 20 мая

Кострома: Путеводитель-справочник. — Кострома: Кн. изд-во., 1963. — 350 с.

Рец. Бочков В. *Книга о нашем городе* // Сев. правда. — 1963. — 16 авг.

Библиографические указатели и обзоры литературы

Писатели Костромы (1918—1975 гг.): библиогр. указ. // сост.: Шик П. Л., Бочков В. Н. — Кострома: Костром. обл. науч. б-ка им. Н. К. Крупской, 1981. — 171 с.

Костромская «Ленинiana»: рек. указатель лит. // сост. В. Бочков. — Кострома: Б.н., 1969. — 8 с.

Октябрьские события в Костроме: обзор лит. // Сев. правда. — 1967. — 5 авг.

1917 год: Поэзия К. Караваев

В. И. Ленин и Костромская область: обзор лит. // Сев. правда. — 1967. — 6 июня.

Поэзия К. Караваев

Октябрьские события в Костроме: обзор лит. // Сев. правда. — 1967. — 5 авг.

Поэзия К. Караваев

Костромской Вертоград / издание Бочковского семинара // сост. П. П. Резепин. — № 1. — Кострома: Б.н., 1995. — 31 с.

О жизни и творчестве В. Н. Бочкова

Резепин Э. А. Памяти Виктора Николаевича Бочкова // *Мерянский летописец*. — № 1. — Нерехта, 2006. — С. 31-34; ил.

Издание Перелесткой межпоселенческой библиотеки имени М. Я. Дзюба и научно-краеведческого о-ва «Нерехтская земля».

Сизинцева Л. Краевед Виктор Бочков // *Жизнь замечательных костромичей*. XX век. — Кострома, 2004. — С. 189-194; фото.

Бочков Виктор Николаевич, историк, краевед // На пороге XXI века: всерос. автобиогр. ежегодник: в 2 т. Т. 1. — М., 2004. — С. 38-39; фото.

Сизинцева Л. «Архивариус» // *Любить? Ненавидеть? Что еще?* / авт.-сост. В. Игнатьев, худож. Б. И. Голдинский. — Кострома, 1998. — [С. 36-39].

Альбом художественной выставки, прошедшей в Костромском музее ИЗО и посвященной шестидесятилетию.

Бочков Виктор Николаевич: исследователи истории и культуры Костромского края // Памятники архитектуры Костромской области: Каталог. Вып. 1, ч. 3. г. Кострома. — Кострома, 1998. — С. 140; фото.

Дедкова Т. Архивный юноша Виктор Николаевич Бочков // *Сев. правда*. — 2007. — 18 мая. — С. 6-7; фото.

Соловьева И. Богатое наследство // *Сев. правда*. — 2007. — 18 мая. — С. 7; фото.

Науч.-практ. конф., проведенная в ГАКО и посвященная 70-летию со дня рождения В. Н. Бочкова.

Соловьева И. *Исполнилось бы 70...* // *Сев. правда*. — 2007. — 2 мая. — С. 2.

Арямова В. Городская среда — это не только архитектура // *Сев. правда*. — 2002. — 26 апр. — С. 6.

Бочковский чтения

Мраморнов О. Спорешние архивы: записки по памяти // *Независимая газета*. — 2001. — 6 апр. — С. 12.

Пьяных М. Повесть о костромской и шельковской жизни: письма В. Бочкова Михаилу Пьяных // *Губернский дом*. — 1999. — № 4. — С. 47-53.

Бугров А. Переход из века в век // *Сев. правда*. — 1999. — 22 апр. — С. 6.

О Бочковских чтениях.

Дьячков В. О личности в истории и личности историка // *Сев. правда*. — 1999. — 18 марта. — С. 7.

Арямова В. Историко-обмануть не удастся // *Сев. правда*. — 1998. — 24 марта. — С. 7.

Размышления в связи с выставкой в Костромском музее ИЗО, посвященной шестидесятилетию.

Негориюхин Б. Современная картина костромского краеведения // *Сев. правда*. — 1996. — 3 мая.

Бочковский семинар

Борисов Н. Бочковский семинар // *Сев. правда*. — 1995. — 27 апр.

Лесневский С. [Краткие биографические сведения о В. Н. Бочкове] // *Наше наследие*. — 1994. — № 29-30. — С. 63.

Сбитнева Л. О природе костромского менталитета и многом другом // *Молодежная линия*. — 1994. — 22 апр. (№ 16). — С. 2.

Бочковский семинар

Анохин А. Памяти краеведного мастера // *Костром. ведомости*. — 1994. — 16 марта (№ 11). — С. 6.

Костромичи и москвичи помнят Бочкова // *Костром. ведомости*. — 1993. — 21 апр. (№ 16). — С. 2.

О днях памяти историка и краеведа, состоявшихся в Костромском областном архиве.

Николаев А. Неутомимый труженик науки // *Молодежная линия*. — 1993. — 23 апр. (№ 16). — С. 2.

Дни памяти В. Н. Бочкова в ГАКО

Нерсеян В. Человек русской провинции: Бочковские чтения // *Костром. край*. — 1993. — 27 апр.

Анохин А. Он жил без званий и награды // *Костром. край*. — 1992. — 16 апр.; фото.

К годовщине смерти В. Н. Бочкова
Негориюхин Б. Жизнь, отданная Костромскому краю: памяти краеведа // *Лит. Кострома*. — 1991. — Апрель (№ 4). — С. 16.

Краеведение — всегда краелюбие: интервью с доктором ист. наук, проф., през. Союза краеведов России С. О. Шмидтом (зап. Т. Гончарова // *Костромская старина*. — 1991. — № 2. — С. 1, 13.

Шмидт отмечает, что В. Н. Бочков в своих исследованиях сочетал академическую науку с историей местного края.

Енин С. *Власть культуры* // *Лит. Россия*. — 1988. — 5 февр. (№ 5). — С. 2-3, 9.

Отзр. реж. Костром. обл. драм. театра В. А. Симашкин и краеведа В. Н. Бочкова

Анохин А. *Жил среди нас краевед...*: памяти Виктора Николаевича Бочкова // *Сев. правда*. — 1991. — 6 апр. — С. 4; фото.

Сильянова О. Краеведы ведут поиск: мир увлечений // *Сев. правда*. — 1988. — 24 янв.

О любительском объединении краеведов при клубе лыжников/бегунов им. И. Д. Зверькова, которое руководил В. Н. Бочков

Армеев Р. Козлов В. Коллекция собора Пашина // *Журналист*. — 1984. — № 8. — С. 75-76.

Костромские краеведы А. Григоров, В. Н. Бочков и их высказывания

Пашин В. *С кого писан сей портрет?* // *Сов. культура*. — 1983. — 1 сент.

Костромские краеведы А. Григоров, Л. И. Белорусский, Л. И. Белов, В. Н. Бочков

Грибов Ю. В былинах воспетый // *Сов. Россия*. — 1965. — 29 дек.

О городе Костроме и костромичах, в т.ч. о В. Н. Бочкове

Сальникова Т. *След жизни* // *Сев. правда*. — 1962. — 25 апр.

О Костром. областном государственном архиве, его фондах и научных сотрудниках, Л. И. Федоровой, И. Е. Трапезной и В. Н. Бочкове

Славутинский В. *Стихи на смерть В. Н. Бочкова* // *Славутинский В. Прошуется в детстве*. — М., 2002. — С. 123-124.

Примечания:

¹ За основу взята библиография, составленная в книге с Л. В. Вакиновой и опубликованная в сборнике В. Н. Бочкова «Старая Кострома». Дополнена новыми источниками, вышедшими после 1987 г.

Дом Кравченко, ул. Никольская (ныне ул. Свердлова, 63). Фото Г.П. Белякова. 1987 г.

Редактор Лариса Ковалева

Редколлегия: Г. Давыдова, Н. Дружнева, М. Кузнецова, Л. Пороситковская, И. Тлиф

Корректурa: Г. Давыдова, Н. Нагорнова, Н. Оборотова

Использованы фотографии из фондов ГАКО и КГИАХМЗ

Учредители: ГУ «Государственный архив Костромской области»

Комитет по делам архивов Костромской области

Адрес редакции: 156026, г. Кострома, ул. «Северной правды», 24. Телефон: 42-13-33, 42-13-30

E-mail: arhiv@kmtn.ru

Журнал зарегистрирован Управлением печати и массовой информации Костромского облисполкома 4 февраля 1992 года

Свидетельство о регистрации средств массовой информации: Серия АБ.000097

Регистрационный номер 131

Печать офсетная. Объем 11,5 п.л. Государственное предприятие «Областная типография им. М. Горького»
156961, г. Кострома, ул. П. Щербина, 2

Заказ 3312. Тираж 300.

Суздальская площадь. Фото Г.П. Белякова. 1980-е гг.